

Р.И. ПАВИЛЁНИС

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА

Р. И. ПАВИЛЁНИС

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Получить книгу по адресу: *2517-90 25-0643*

Книга-Словарь-Словосочетания

1017485

Государственная
областная библиотека
им. А. М. Горького
г. Ворошиловград

Москва «Мысль» 1983

Редакция
философской литературы

Под редакцией Д. П. ГОРСКОГО

П 0302020100-053 22-83
004(01)-83

© Издательство «Мысль». 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА КНИГИ

В центре внимания книги Р. И. Павилёниса находятся проблемы смысла в их логико-философской постановке. Эти проблемы являются весьма сложными и малоработанными в философской и логической литературе. Они находятся на стыке комплексов общественных, естественных и технических наук. Их интегративный характер предполагает объединение усилий представителей различных областей знания (философов, логиков, психологов, лингвистов, кибернетиков) в целях успешной разработки указанной проблематики. Главной задачей при этом является исследование сложных, многопараметрических взаимосвязей между мыслью, языком и действительностью, выявление места и многообразия функций языка в процессе человеческого познания и коммуникации.

Решение проблем смысла служит методологической основой изучения других теоретически и практически важных аспектов языка, его моделирования (например, для решения целого комплекса практических задач, связанных с его математизацией и машинизацией).

Именно методологическая, теоретическая и прикладная значимость проблематики смысла, связанной с уяснением сложных проблем коммуникации и познания, делает особенно актуальным изучение семантического аспекта естественного языка.

В отечественной логико-методологической литературе, однако, семантическая проблематика исследовалась преимущественно в связи с изучением языков науки, языка логики. В литературе по философии, логике и лингвистике еще не было предпринято попытки достаточно обобщенного и систематического изучения семантической проблематики естественного языка.

Исследование, предпринятое Р. И. Павилёнисом, представляет собой первую работу, в которой подвергаются компетентному и — главное — доказательному современному логико-философскому анализу вопросы, выдвинутые в повестку дня развитием науки и общественной практики. По широте охвата анализируемого материала, по обстоятельности рассмотрения обсуждаемых концепций и проблем настоящая работа выгодно отличается от других

аналогичных работ не только в советской, но и в мировой логико-философской литературе (о масштабах охвата научных источников, в частности, свидетельствует прилагаемая библиография).

В книге содержится обстоятельный критический разбор логико-семантических подходов к исследованию естественного языка, разработанных главным образом в русле современной западной аналитической философии. Целью этого разбора является выяснение способностей соответствующих концепций решать фундаментальные проблемы логико-философского исследования языка: дать методологически и теоретически удовлетворительное определение смысла, объяснить связь мысли, языка и мира, выявить критерии осмысленности языковых выражений, раскрыть роль языка в построении определенной «картины мира». Решение прежде всего этих вопросов является необходимой предпосылкой исследования языка в широком семиотическом плане — в контексте соотношения языка и иных феноменов человеческой культуры.

Выявив некоторые позитивные для построения теории смысла стороны рассматриваемых концепций, автор показывает, что основная причина их неадекватности — при всем различии предлагаемых в них методик исследования языка — заключается в абсолютизации значимости вербального, языкового, фактора, в неспособности — ввиду дефектных исходных методологических и теоретических предпосылок — учесть должным образом экстралингвистические факторы употребления языка. В противовес разобраным концепциям в книге выдвинут и обоснован принципиально новый подход к анализу смысла.

Смысл рассматривается не как часть некоторой абстрактной «семантики сложившегося языка», а как часть так называемых *концептуальных систем носителей языка*. Последние присущи отдельным субъектам познания и представляют собой системы информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире. Концептуальные системы кумулируют знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный человечеством опыт, фиксируемый в языке. Семантическая проблематика языка таким образом погружается в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью.

Важным для развиваемой концепции является положение

о непрерывном характере строения концептуальных систем. Непрерывный, континуальный характер этих систем определяется постоянно осуществляющимися в них неразрывно связанными процессами отождествления и различения информации в их самых различных формах.

Идея континуальности смысла была в свое время высказана А. Уайтхедом. Она вновь ожила в кибернетической лингвистике и в работах по «искусственному интеллекту». В исследованиях же по логическому анализу естественного языка она не получила систематического положительного рассмотрения, а впоследствии даже была незаконно использована для получения иррационалистских заключений. В книге этой идее дается позитивное истолкование, она лежит в основе объяснения самой возможности построения концептуальных систем, выявления непрерывного, последовательного характера их образования и изменения. Последнее обстоятельство оказывается решающим для обоснования важного тезиса о *невербальном* этапе становления концептуальных систем, необходимого для объяснения самой возможности начального усвоения (введения в концептуальные системы) языковой символики. При таком подходе концептуальные системы естественно выступают как важнейшее, всегда присутствующее условие употребления языковых выражений, а язык — как средство дальнейшего их конструирования, расширения, их социализации.

На основе учета концептуальных систем наполняются новым конкретным содержанием положения диалектико-материалистической теории познания о мышлении и языке, об отражении реальности в мысли носителей языка. В частности, определяется теоретический и онтологический статус смысла, получает систематическое объяснение связь языка и действительности, раскрываются механизмы усвоения языка, связи языка и мысли, осмысленного использования языка в обыденной и научной коммуникации.

Последовательно развиваемый автором подход позволяет ему взглянуть на проблему понимания языковых выражений не как на проблему их интерпретации на определенном, соответствующем «семантике языка» множестве семантических объектов, но прежде всего как на проблему их интерпретации в связи с концептуальными системами носителей языка. В результате возникает примечательная в диалектико-материалистическом плане трактовка семантической стороны языка как релятивизированной относи-

тельно концептуальных систем. Тем самым автор решительно разрывает «порочный круг», в который неизбежно попадает выработка абсолютных критериев осмысленности языковых выражений в концепциях «семантики языка», сводящих мыслительные структуры к языковым (а так постоянно поступали представители неопозитивизма) и не учитывающих знаний носителей языка об окружающем мире.

Наконец, эффективность подхода, опирающегося на понятие о концептуальных системах, раскрывается в полной мере в выявлении роли языка в построении различных «картин мира». Такой подход служит не только основой для анализа взаимоотношений «картин мира» у субъектов познания и их отношений к действительности, но и для выявления механизма трансформации субъективных «картин мира» в объективную «картину мира», отражающую действительность. Иначе говоря, развиваемая Р. И. Павилёнисом концепция дает возможность естественным образом эксплицировать переход носителей языка от мнения к знанию, позволяет обоснованно построить теоретическую модель *понимания мира*. Указанные экспликации и построения представляют большой интерес как в специальном, логико-семантическом, так и в широком, теоретико-познавательном, общеметодологическом плане.

Развиваемая автором концепция, ориентированная на разработку теории смысла как теории построения и функционирования концептуальных систем, не только способствует корректной постановке и решению фундаментальных вопросов современного логико-философского анализа естественного языка, но и закладывает основу для разработки *качественно новой* программы семантических исследований. Эта программа имеет задачей выявление роли как *языковых*, так и *неязыковых* факторов в построении той или иной концептуальной «картины мира», нацелена на выявление их взаимоотношений. Наряду с важными практическими следствиями, которые имеет предложенная концепция смысла (имеется в виду в первую очередь разработка различных проектов моделирования языка в контексте моделирования мыслительных процессов), существенным методологическим следствием такой переориентации семантических интересов является включение собственно семантической проблематики в проблематику теоретико-познавательного и онтологического плана.

При таком подходе человек-носитель языка рассматривается не как «исполнитель» некой абстрактно-абсолютной «семантики языка», а как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка. Тем самым выявляется необоснованность и бесперспективность концепций «семантики языка», противопоставляющих «знание языка» и «знание мира», семантику (как теорию смысла) и прагматику (как теорию употребления языка).

Смысл и значение концепции, развиваемой автором настоящей книги, состоят в реализации диалектико-материалистических принципов историзма и конкретности истины. В данном случае этот принцип предполагает объяснение динамического характера смыслообразования, выявление сложных диалектических детерминаций мышления и речи (в том числе и в их исторических аспектах), учет контекстуального употребления языка.

Предлагаемая Р. И. Павилёнисом концепция противостоит семантическому и вследствие этого метафизическому абсолютизму западной аналитической философии, которая довольствуется анализом готового знания и предполагает в качестве первичных по отношению к реальным носителям языка сущности, подобные «семантике языка». Последние постулируются оторванно от процесса познания, т. е. от реальных условий образования и функционирования концептуальных систем. Выяснение искусственности и неработоспособности подобных концепций является мощным средством критики философских установок аналитической философии. В этом отношении труд Р. И. Павилёниса представляет собой пример такого критического анализа немарксистских концепций, который конструктивно и на должном теоретическом уровне противопоставляется фундаментальным сторонам критикуемых концепций, а не их отдельным слабым местам и неудачам.

Издание книги Р. И. Павилёниса заполняет пробел, имеющийся в нашей литературе по логико-философским проблемам семантики, и закладывает фундамент для разработки этих проблем на основе философии диалектического материализма.

22 сентября 1982 г.

доктор филос. наук, проф. Д. П. ГОРСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Язык, будучи наиболее привычным, естественным продуктом человеческого интеллекта, пока остается одним из недостаточно познанных его творений. Исключительная роль, которая принадлежит языку в интеллектуальном освоении, осмыслении мира и в общении людей, обуславливает философское значение его анализа, а предлагаемые в современной науке способы решения его фундаментальных теоретических проблем имеют принципиальные методологические и практические следствия.

Центральной среди этих проблем является *анализ смысла* языковых выражений, объединяющий сегодня усилия философов, логиков, лингвистов и являющийся главным и наиболее интенсивно обсуждаемым предметом их совместного рассмотрения. От решения этой проблемы зависит не только построение общей теории языка как средства формирования и передачи информации, не только научное объяснение понимания языка, решение множества практически важных задач автоматической обработки языка, но и *выявление места и функций языка в процессе познания и освоения мира*, теоретически обоснованное определение *связи мысли, языка и мира*, имеющее огромное методологическое значение. Последний аспект анализа смысла и сообщает ему *философский* характер, а применение в нем логических методов обуславливает его понимание как *логико-философского анализа языка*.

В настоящей книге представляются и критически рассматриваются основные концепции смысла, или *семантические концепции*, которые возникли на стыке современной западной аналитической философии, логики и лингвистики и которые ставят целью дать строгое описание и объяснение того, в чем состоит осмысленность языковых выражений и человеческая способность их понимания.

Переход от общих рассуждений о смысле к современному этапу семантических исследований естественного языка характеризуется прежде всего попытками разработать *теорию смысла как теорию семантических свойств и отношений*, «логической формы» языковых выражений, и одновременно — как *теорию их понимания*.

Осуществленное в книге критическое исследование

различных концепций смысла в основном направлено на выяснение того, в какой мере эти концепции способствуют определению функций и места языка в познании и понимании мира, в какой степени содержащиеся в них логико-семантические разработки отвечают целям логико-философского анализа языка и способствуют решению его главных проблем. Иначе говоря, автора интересует прежде всего выяснение — на базе анализа конкретных теоретических построений — вопроса обоснованности претензий соответствующих концепций быть логико-философскими концепциями языка и их способности решать проблемы логико-философского анализа языка.

Поэтому в книге в качестве составных частей проблемы смысла рассматривается *логический и онтологический его статус, отношение языка и реальности, проблема разграничения осмысленного и бессмысленного, осмысленного и истинного или ложного, вопрос о роли языка в построении концептуальной картины мира как совокупности представлений и знаний человека о мире*.

Выбор рассматриваемых в книге семантических концепций мотивировался следующими соображениями. Обсуждаемая в них проблематика является важной в теоретическом, методологическом и практическом планах. Она, как и сами концепции, разрабатываемые в науке на протяжении ряда последних десятилетий, еще не была предметом систематического рассмотрения в советской философской, логической и лингвистической литературе. Анализируемые концепции построены в общем контексте исследований по логике и методологии науки. Они выделяются из других семантических теорий строгостью, использованием формальных, логических методов и процедур, а выдвигаемой в них программе построения теории смысла дается определенное методологическое обоснование.

Однако мы стремились не ограничиваться описанием и сопоставлением обсуждаемых концепций, выявлением технических или даже концептуальных их достоинств и недостатков. Одну из главных задач мы видели в том, чтобы определить, насколько перспективны основные формальные направления современных западных логико-семантических исследований естественного языка с точки зрения решения фундаментальных проблем его логико-философского анализа. Поэтому во главу угла мы ставим критический анализ *концепций*, а не отдельных их поло-

жений, т. е. не подменяя первый подбором характерных высказываний, не сводя его к сопоставлению критикуемых точек зрения и их простому противопоставлению фундаментальным положениям марксистской гносеологии.

Анализ языка прошел длительную эволюцию, в ходе которой значительно изменились как его методы, так и представления о самом объекте исследования сообразно прогрессу научных знаний, особенно осязаемому в таких областях, как логика и лингвистика, подвергшихся интенсивной математизации, во все большей степени использующих строгие методы и процедуры. Эволюция представлений о языке характеризуется прежде всего переходом от общих утверждений относительно природы человеческого языка и его связи с другими феноменами человеческой культуры к конкретному анализу семантических структур языка и исходя из этого анализа — к рассмотрению логических и методологических его проблем, к методологическому обобщению его результатов.

Теоретическая разработанность обсуждаемых в книге концепций, сложность содержащихся в них построений, обусловленная не только сложностью рассматриваемого объекта, но и использованием достижений современной логики и лингвистики, требуют методологически обоснованного и теоретически аргументированного исследования. Такое исследование, представляя собой реализацию одного из принципов диалектики, требующего конкретного анализа конкретной ситуации, должно заключаться в выявлении как методологических основ обсуждаемых концепций, так и степени их адекватности фактам действительности, на которых они строятся, в отделении теоретически важных результатов от методологически несостоятельных интерпретаций и выводов.

Критическое исследование является действительно эффективным только тогда, когда оно в качестве контраргумента содержит *положительную* разработку рассматриваемых проблем. Поэтому в настоящей работе мы стремились дать не только критическую оценку современного состояния семантического анализа естественного языка, но и логико-гносеологическое обоснование *новых путей* разработки проблем этого анализа.

Поэтому *вторую* задачу работы мы видели в том, чтобы обосновать такую программу семантических исследований, которая базируется на понимании проблематики смысла как неотделимой от рассмотрения *проблем познания мира*,

построения *концептуальной его картины* и способствует адекватной постановке и решению обсуждаемых в книге вопросов. Важнейшим здесь нам представлялось выявление *механизма связи мысли и языка, мысли и объективной действительности*, раскрытие значимости для такого выявления факторов (особенно *неязыковых*), которые доселе не учитывались. При этом мы считали необходимым учесть, использовать и развить ряд конструктивных научных идей и аргументов, явно или неявно содержащихся в анализируемых теориях.

Проблема смысла, заключающаяся в указании критериев осмысленности языковых выражений, в выявлении соотношения осмысленного и бессмысленного, осмысленного и истинного или ложного, осмысленного и грамматически правильного, нами рассматривается прежде всего как *гносеологическая проблема*. С нашей точки зрения, от методологически правильной и теоретически обоснованной оценки подходов к решению этой проблемы зависит не только правильное определение перспектив развития современного логико-философского анализа языка, но и — что особенно важно — дальнейшее развитие диалектико-материалистического подхода к этому анализу и разработка связанных с ним фундаментальных вопросов марксистской теории познания.

Поэтому рассмотрение теоретических вопросов анализа языка в книге осуществляется в логико-гносеологическом плане как рассмотрение субъективного и объективного знания, мнения и знания носителей языка о мире, концептуальной и языковой его моделей в свете современных теоретических построений. Ввиду этого и основная проблема анализа — проблема смысла — нами обсуждается не в узком, специально лингвистическом аспекте, не как лексикографическая проблема определения словарных значений языковых выражений, а как *логико-гносеологическая проблема их понимания*. В таком аспекте, ориентированном на объяснении *самой возможности* понимания языковых выражений как их интерпретации на основе информации, которой человек обладает о мире, т. е. на основе того, что мы называем *«концептуальной системой»*, мы и видим существенное отличие логико-философского от чисто языковедческого подхода к проблеме смысла.

Иначе говоря, проблема смысла здесь рассматривается как поиск ответа на вопрос о том, *что* знает человек, когда он понимает выражение языка. Чтобы ответить на этот

вопрос, необходимо рассмотреть, как возможно понимание языка, как язык может что-то сообщать о мире, доступном или недоступном восприятию человека, на основе чего человек выбирает тот или иной смысл из ряда возможных смыслов слова, предложения, целого текста и устанавливает их семантические отношения, отличая осмысленное от бессмысленного, истинное от ложного, утверждение от вопроса, приказания, клятвы, обещания и т. д., осуществляемых посредством языка.

Именно философское, гносеологическое понимание обсуждаемой проблематики призвана раскрыть выдвигаемая здесь концепция смысла как части не абсолютизированной сущности «семантики языка», а *концептуальной системы* носителя языка как *системы его мнений и знаний о мире*, отражающих его познавательный опыт на языковом и языковом этапах и уровнях и несводимой к какой бы то ни было лингвистической сущности. Эта концепция рассматривается нами в качестве контраргумента против абсолютизации функций естественного языка, свойственной, как показывается в книге, основным направлениям современных логико-семантических исследований языка и искажающей роль языка в процессе познания и понимания мира.

Такой подход, по нашему убеждению, способствует построению теоретически перспективной и методологически обоснованной программы семантических исследований, ориентированной на выявление роли как *языковых*, так и *неязыковых* факторов в познании мира и их соотношения.

Обсуждение указанных вопросов в книге строится так, чтобы сопоставление различных пониманий проблематики смысла выявило пути конструктивной ее разработки. Этому, как нам кажется, служит и заключающий каждую главу раздел, в котором обобщается проведенный в данной главе анализ и раскрывается принятый нами подход к решению рассматриваемой проблематики.

Книга, представляя область комплексного исследования, рассчитана на широкий круг специалистов — философов, логиков, лингвистов, психологов, кибернетиков, занятых практической разработкой систем «искусственного интеллекта», всех, кто интересуется философской, теоретической и прикладной проблематикой языка, вопросами теории познания.

В современной науке вопросы выяснения, уточнения, пересмотра смысла терминов, установления их познава-

тельного значения являются одними из наиболее актуальных, в существенной степени обуславливающих прогресс научного знания. А значительная часть научного языка — это слова *естественного языка*, получившие специальный смысл, а также слова, употребляемые в их обычном значении.

Использование языка в научном или обыденном обиходе, употребление языковых выражений есть не что иное, как оперирование определенными смыслами, к какой бы области теоретического знания или практики ни относился употребляемый нами язык. С этой точки зрения проблематика смысла имеет *универсальный* характер: *с нею имеет дело каждый, кто пользуется языком.*

Однако в большинстве случаев такое использование языка скорее подобно умению водить автомобиль без знания того, как работает его механизм, или аналогично умению ходить, бегать, есть, переваривать пищу и т. п. без знания того, как функционирует наш организм. Таким образом, настоящая книга представляет интерес для всех тех, кто хочет знать, как «работает» наш язык, каков механизм его связи с мыслью и что об этом говорят современные теории.

Ознакомление с этими теориями потребует у читателя определенных усилий: для анализа такого сложного объекта, каким является наш язык, очевидно, нужны инструменты надлежащей сложности. Таковыми и являются современные семантические концепции языка. При этом речь идет не о популярном пересказе соответствующих теорий, а о таком их изложении, которое в сжатом виде — охватывая почти семь десятилетий интенсивных исследований — явилось бы, как надеется автор, не только критическим обобщением накопленного теоретического и практического опыта, но и своеобразной теоретической школой для всех тех, кто только начинает интересоваться обсуждаемой в книге проблематикой. К этой категории читателей автор, естественно, относит прежде всего студентов — философов, лингвистов, психологов, кибернетиков, слушающих курсы семантики.

В соответствии со сказанным выше некоторую трудность для читателя, возможно, представят используемые в книге специальные логические и лингвистические термины, посредством которых обозначаются важные для описания исследуемого объекта и выделяемые наукой понятия: такие термины являются неотъемлемой частью языка

науки. Употребляя специальную терминологию, автор стремился следовать принятому стандарту или содействовать его утверждению. Большинство же содержащихся в книге терминов являются общепринятыми в отечественной философской, логической и лингвистической литературе и входят в соответствующие терминологические словари. В случае необходимости в тексте указывается возможный русский перевод специального термина; в других случаях смысл термина либо определяется, либо разъясняется в ходе последующего изложения. Кроме того, в конце книги приводится аннотированный указатель терминов.

Мера применения формальной символики определялась исключительно соображениями необходимости и эксплицитности, продиктованными задачами исследования, и не превышает требований современного элементарного курса логики.

Библиография включает источники, на которые содержатся ссылки в тексте (цифры, разделенные запятой, обозначают номера источников, названных в Библиографии), а также литературу, служившую теоретической и методологической базой исследования и отражающую развитие логико-философского анализа языка в рассматриваемом нами аспекте.

Глава I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

1. МЕТОДОЛОГИЯ И ЛОГИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

В общеметодологическом плане целью логико-философского анализа естественного языка является раскрытие отношения между *мыслью, языком и миром*. Это позволяет определить место и функции естественного языка в процессе познания как отражения человеком мира, которое есть «не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ...и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» (3, с. 164). Таким образом, логико-философский анализ естественного языка имеет прямое отношение к фундаментальному гносеологическому вопросу о связи сознания и материи, мысли и объективной реальности и тем самым является одной из важнейших задач марксистской теории познания как в смысле аргументированной критики методологически несостоятельного понимания этой задачи, так и в смысле разработки путей позитивного ее решения¹.

С точки зрения марксистской гносеологии философской основой адекватного анализа взаимосвязи мысли, языка и действительности является диалектико-материа-

¹ См. Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973, с. 189—204. Некоторые гносеологические и логические аспекты проблемы смысла рассматриваются в работах Л. А. Абрамяна (4), Б. В. Бирюкова (6, 7), Г. А. Брутяна (9, 10), Д. П. Горского (17, 18), М. С. Козловой (24), В. А. Лекторского (31), В. В. Петрова (44, 45), М. В. Поповича (47, 48, 49), В. А. Штоффа (69) и других советских философов.

листическая теория отражения, утверждающая, с одной стороны, существование объективного мира и, с другой — его отражение в сознании человека как его, мира, познание, понимание, осмысление. Выявление роли языка в процессе отражения, в самой структуре познания мира с этой точки зрения является фундаментальной гносеологической задачей, иначе формулируемой как рассмотрение отношения *смысловой*, или *семантической*, стороны языка и мира, как анализ своеобразного отражения действительности в смысловой стороне языка. Раскрытие содержания понятия «*смысловая сторона естественного языка*» и определяет суть современных логико-семантических его концепций.

Отражение объективно существующей действительности в сознании человека (находящегося на определенной стадии общественного развития) как ее понимание, осмысление является деятельностью, направленной на познание объективного мира, его свойств и закономерностей и на этой основе — на его преобразование. С точки зрения диалектико-материалистической теории отражения познание действительности является не зеркальным ее отражением, а активным процессом: это такая субъективная деятельность, в которой в выборе предмета познания, в создании его познавательного образа, необходимого для практического освоения объективной реальности, существенную роль играют сам познающий субъект, его цели, практическое отношение к миру.

Результаты познавательной деятельности человека фиксируются в языке как форме бытия мышления, который в этом смысле является непосредственной действительностью мысли (1, с. 449) и «возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (1, с. 29). Благодаря своей коммуникативной, социальной функции язык является не только средством выражения, сообщения мысли, но и — на определенном этапе — средством ее формирования, построения.

Однако материалистическая диалектика не останавливается на указанной констатации роли языка и не сводит мысль к нему. Для нее методологически неприемлемым является как отождествление мыслительных и языковых структур, так и полное их разведение вместо поиска их органической, диалектической связи. При этом рассмотрение мышления как процесса сопровождается указанием на его всеобщность независимо от его языкового оформления: «Так как процесс мышления сам вырастает из из-

вестных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления» (2, с. 461).

Каждый мыслительный процесс субъективен, индивидуален: вне субъекта и его деятельности нет мышления. Вместе с тем он объективен в том смысле, что всегда представляет собой отношение «субъект — познаваемый объект»: чтобы быть одним из средств практического преобразования мира, мышление должно иметь объективное содержание. При этом термин «объект познания» в гносеологическом употреблении относится к любым мыслимым объектам: вещам, свойствам, отношениям, действиям, процессам, событиям и т. д. — действительным или возможным.

Наша задача — наполнить эти исходные методологические положения конкретным теоретическим содержанием в свете результатов *современного* логико-философского исследования естественного языка и на этой основе выявить перспективность или бесперспективность определенных направлений этого исследования. При этом о конкретности той или иной семантической концепции мы будем судить по степени ее адекватности для решения проблем логико-философского анализа естественного языка, в этом контексте выясняя и их методологические основания. Другие мировоззренческие, общеполитические установки авторов этих концепций здесь специально рассматриваться не будут. В отношении оценки таких установок этих представителей западной науки принципиальное значение имеют известные слова В. И. Ленина, хотя и высказанные им в «Материализме и эмпириокритицизме» в другом контексте, о том, что нельзя верить на слово представителям специального знания, когда речь заходит о философии.

Развивая методологический принцип диалектико-материалистической гносеологии, согласно которому несостоятельным является рассмотрение процесса мышления вне самого мыслящего, познающего мир, конкретно-исторически определенного субъекта, мы попытаемся показать, что основной методологический изъян современных семантических концепций естественного языка заключается в абсолютизации языка. Такая абсолютизация, с нашей точки зрения, выражается в рассмотрении смысла языковых

выражений вне определенных систем мнения и знания как совокупности идей и представлений человека об окружающей его действительности, посредством которых он ею овладевает.

Эта абсолютизация характерна для различных школ, образующих «аналитическую традицию» западной философии, начиная от логического атомизма Б. Рассела и Л. Витгенштейна, неопозитивистской доктрины языка Р. Карнапа, философии «обыденного языка» в ее классическом и современном варианте, а также для множества современных западных логико-лингвистических школ.

В современную логику волна семантических исследований пришла в основном вместе с логико-философским анализом языка науки, рассмотрением соотношения эмпирического и теоретического уровней знания, построением логических моделей научного знания, исследованием возможности построения удовлетворительных семантик для различных систем модальной логики¹. Приход семантики в современные логико-лингвистические исследования естественного языка оказался значительно более сложным².

В программе логико-философского анализа естественного языка очень плодотворным и вместе с тем проблематичным является проведение аналогий между *искусственными* и *естественными* языками. Под первыми понимаются языки, специально созданные для удовлетворения определенных научных или практических потребностей (математические языки, логические языки программирования и т. д.). Выражения этих языков строятся по строго определенным правилам. Под естественными языками понимаются обыденные языки (русский, литовский, английский и т. д.) как результат многовековой общественной практики и как важнейшее средство человеческого общения. Каков характер правил построения выражений *таких* языков, какова их структура — это главный вопрос совре-

¹ Эти вопросы анализируются в работах советских философов и логиков И. Н. Бродского (8), Е. К. Войшвилло (13), А. А. Ивина (21), В. Н. Костюка (26), С. Б. Крымского (27), Е. Е. Ледникова (29), Ю. А. Петрова (15), М. В. Поповича (48), В. Н. Садовского (53), О. Ф. Серебрянникова (54), В. А. Смирнова (55, 56), Е. Д. Смирновой (57, 58, 59), Я. А. Силина (60), А. Л. Субботина (61), П. В. Таванца (62), А. И. Умова (64), В. С. Швырева (70), В. В. Целищева (71, 72, 73) и др.

² Некоторые лингвистические, в частности формально-лингвистические, аспекты семантической языковой проблематики рассматриваются в исследованиях Н. Д. Арутюновой (5), В. А. Звегинцева (19, 20), Е. В. Падучевой (42) и других советских лингвистов.

менных логико-лингвистических исследований естественного языка.

На основании одной из аналогий, проводимых между искусственными и естественными языками как определенными *системами знаков*, в логике языками стали называть неинтерпретированные исчисления. Такие исчисления характеризуются перечнем первичных знаков и правилами, определяющими возможные операции над ними, или *синтаксическими правилами*. К ним относят правила образования, с помощью которых из первичных знаков образуются «правильно построенные выражения», и правила вывода, или трансформации, позволяющие преобразовать одни правильно построенные выражения в другие. Под интерпретацией такого исчисления, или конструируемого языка, понимается приписывание правильно построенным выражениям посредством «*семантических правил*» некоторых значений или смыслов.

На том основании, что интерпретированное исчисление становится противоречивым, если правила образования позволяют строить выражения, чья интерпретация посредством семантических правил приводит к тому, что одно и то же выражение является и истинным и ложным, многие исследователи ставят вопрос: не является ли противоречивым и естественный язык, поскольку на этом языке можно образовать выражения о нем самом, о его же выражениях? Об этом наглядно свидетельствует, например, возможность формулировать на этом языке парадокс лжеца, выражаемый утверждением «Я лгу»: если я лгу, то я говорю истину, если я говорю истину, то я лгу. Утверждая одно, я вынужден принять противоположное, и наоборот. Логик Дж. Кемени, рассмотрев данный парадокс, пишет: «Этот парадокс показывает... что английский язык противоречив. Поскольку можно показать, что в противоречивой системе все, что угодно, истинное или ложное, доказуемо, мы должны заключить, что обыденный английский является языком, непригодным для логической аргументации» (186, с. 313). Однако, как ни странно, приведенный пример аргументации сам осуществлен на том же английском языке, который в силу своей «парадоксальности» является «непригодным для логической аргументации».

Характерно, что А. Тарский, первым исследовавший вопрос о возможности адекватного определения истины для естественных и искусственных языков, воздержался от однозначного решения вопроса о противоречивости пер-

вых, указывая прежде всего на то, что они в отличие от искусственных языков не обладают четкой структурой. «Мы не знаем точно, *какие* выражения (естественного языка. — Р. П.) являются предложениями, и мы еще меньше знаем, *какие* предложения следует полагать в качестве утверждаемых. Таким образом, проблема непротиворечивости не имеет точного смысла по отношению к этому (естественному. — Р. П.) языку. В лучшем случае мы можем рискнуть предположить, что язык, структура которого точно специфицирована и который в наибольшей степени похож на наш обыденный язык, был бы противоречивым» (300, с. 341). Отсюда можно заключить, что если проблема противоречивости имеет ясный смысл для естественного языка, то последний противоречив. Если же она не имеет такого смысла по отношению к естественному языку, то неизбежным — ввиду аналогии с искусственным языком — представляется заключение, что этот язык является преимущественно неопределимым, неподдающимся систематизации и описанию в непротиворечивой модели. В таком случае построение искусственного языка резонно рассматривать по отношению к естественному языку как создание *идеального* языка.

Предыстория критики естественного языка как несправляющегося с задачей адекватного выражения мыслей об окружающей действительности связана с логическим анализом оснований математики: парадоксы классической теории множеств, порожденные неопределенностью понимания термина множества, показали, что одна из основных задач анализа языка науки состоит в установлении критериев осмысленности его выражений. Еще Рассел, рассмотрев причины порождения бессмысленных выражений, пришел к выводу, что противоположность истинных и ложных предложений зависит от значительно более основательной дихотомии *осмысленных* и *бессмысленных* предложений: построенная им «теория логических типов» предназначена для устранения бессмысленных выражений искусственного языка (270). Витгенштейн, обобщив этот вывод в «Логико-философском трактате», утверждал, что цель логики и философии — показать, почему одни предложения являются осмысленными, а другие — бессмысленными. Наука стремится выявить, какие предложения о мире истинны, в то время как задача философии — «логическое прояснение мыслей» (12, с. 50), раскрытие того, что истинно или ложно, но *осмысленно*

утверждается о мире, т. е. анализ базисной структуры языка, его *логической формы*, скрытой в сложных, несовершенных формах естественного языка.

В «Логико-философском трактате» естественный язык рассматривается не только как средство философского исследования, но и как *единственный предмет* такого исследования. Согласно принятой в «Трактате» концепции языка как *картины мира*, мы познаем мир только потому, что язык в своих существенных чертах, т. е. своей логической структурой, формой, отражает структуру мира. Чтобы предложение осмысленно отображало мир, его структура должна быть изоморфной структуре простейших, или атомарных, фактов, из которых состоит мир. Следовательно, идеальным был бы такой язык, который отображал бы факты и раскрыл бы их логические отношения *самим характером своих символов*.

Предложения выражают смысл, который подтверждается или отрицается реальностью, — в этом состоит их связь с миром. Чтобы убедиться, имеет ли предложение смысл, необходимо его разбить на элементарные части, которые непосредственно соответствуют атомарным фактам мира и обозначают границы нашего языка, *границы смысла*. Тогда все осмысленные предложения рассматриваются как функции истинности элементарных предложений. Когда к такому пониманию присоединяется тезис об отображительной функции предложения («Предложение — образ действительности» (12, с. 45)), следует, что основание, на котором устанавливаются границы осмысленного языка, имеет *эмпирическую* природу: границы осмысленного языка определяются тем, какие объекты даны в мире.

Если предложение осмысленно, то оно либо истинно, либо ложно, а если к нему нельзя приложить ни одной из этих характеристик, то оно является бессмысленным. Именно такими полагаются большинство предложений и вопросов «традиционной философии». «Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, — следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, — и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях» (12, с. 97), «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (12, с. 97). Задача философии, по мнению Витгенштейна, — не представлять

новых утверждений о мире, а выявить их логическую структуру, скрытую за несовершенными формами естественного языка. Последний далек от идеального языка, обладающего прозрачной логической структурой, однозначно соотносимой со структурой мира: несовершенство его служит главной причиной возникновения философских путаниц и бессмыслиц.

Таким образом, в «Логико-философском трактате» дана критика естественного языка, представляющая критику традиционной философии: «Вся философия есть «критика языка»» (12, с. 44). Цель этой критики — показать, что мы не понимаем логики нашего языка, что множество предложений и вопросов традиционной философии являются псевдопредложениями, псевдовопросами, ибо они нарушают границы естественного языка так, что ни сами вопросы, ни ответы на них не являются осмысленными. Поэтому возможность познания определяется в «Логико-философском трактате» не выходом за пределы эмпирического мира (как в «критической» философии Канта), а выходом за пределы осмысленного языка. «Границы моего языка означают границы моего мира» (12, с. 80), а это уже явно ведет к солипсизму в истолковании языка¹.

Логический анализ оснований математики Расселом, трактовка Витгенштейном философии как критики естественного языка сыграли главную роль в том, что неопозитивистская философия, впитавшая в себя эти идеи, получила лингвистический крен. Задачей философии был провозглашен логический анализ языка науки, его терминов и предложений, словом, анализ его концептуального аппарата, фиксированного средствами языка.

Подобно Витгенштейну, логические позитивисты (Р. Карнап и его единомышленники из «Венского кружка») видели несовершенство естественного языка в вводящих в заблуждение его языковых структурах, скрывающих, затушевывающих логическую форму мысли, приводящих с точки зрения гносеологической ко всякого рода нежелательным гипотезам, к переполнению мира сущностями. Как и в «Логико-философском трактате» Витгенштейна, они рассматривали несовершенство естественного

¹ Философский аспект доктрины Витгенштейна здесь специально не рассматривается: методологическая несостоятельность этой доктрины обстоятельно выявлена в исследовании М. С. Козловой (24), и мы полностью согласны с такой ее оценкой.

языка как основной источник ошибок познания и путаниц в философии.

Логико-позитивистская ориентация на язык, выражения которого строятся согласно строго определенным правилам, заданным на множестве исходных осмысленных объектов, позволила Карнапу (92) отметить следующие причины несовершенства естественного языка: 1) *наличие в нем терминов* (вроде «Пегас», «круглый квадрат» и т. п.), не обозначающих объектов действительного мира, но грамматически выполняющих те же функции, что и термины, обозначающие данные в мире объекты. Из этого возникает опасность гипостазирования естественного языка, т. е. представление о том, что условием осмысленного употребления термина является существование обозначенного этим термином объекта; 2) *нарушение требований синтаксиса* в выражениях, образованных из осмысленных составляющих (как в «Цезарь является и», где союз «и» занимает неподобающее ему как представителю определенной грамматической категории место, а именно место, принадлежащее глаголу, прилагательному или существительному; 3) *нарушение правил логического синтаксиса* (как в предложении «Цезарь является простым числом»: здесь предикат «простое число» неуместен по отношению к объекту, о котором идет речь). В данном случае имеет место то, что Карнап назвал «смещением сфер».

Анализ причин неправильности выражений «Цезарь является и», с одной стороны, и «Цезарь является простым числом» — с другой, подсказал Карнапу мысль, что если бы правила грамматики естественного языка были расширены за счет правил «логической грамматики», или логического синтаксиса, то неправильность таких выражений, как «Цезарь является простым числом», можно было бы продемонстрировать столь же строгой процедурой, что и неправильность выражения «Цезарь является и». По его словам, «синтаксис должен дифференцировать не только такие лексические категории, как существительное, глагол, прилагательное, союз, но и — с тем чтобы избежать псевдопредложений типа «Цезарь является простым числом» — внутри каждой из названных категорий провести дальнейшие логически необходимые разграничения» (93, с. 68). Эта идея Карнапа была чисто *программной*: он не сформулировал системы правил, регламентирующих правильность построения выражений естественного языка. Однако взгляд на искусственные языки как на идеализацию есте-

ственного языка означал, что искусственные языки рассматриваются как модели *систематических черт* первого.

При этом предполагалось, что построение искусственных языков позволит избежать бессмысленных предложений как в языке науки, так и в философии. На искусственный язык могли бы быть переведены те предложения естественного языка, которые имеют эмпирическое, фактическое содержание, следовательно, их осмысленность определялась бы возможностью их верификации (т. е. установления их истинности), а также «аналитические истины», осмысленность которых определяется не фактами, а самой логикой языка, т. е. смыслом, который придается выражениям языка правилами построения выражений этого языка. Перевод философских утверждений на идеальный язык либо выявил бы чисто лингвистическое их содержание, т. е. то, что они являются всего лишь утверждениями о языке, либо оказался бы невозможным ввиду нарушения соответствующими утверждениями правил «логического синтаксиса».

К категории таких неперебиваемых на идеальный язык относились, например, утверждения трансцендентальной метафизики, «претендующие на роль утверждений, представляющих знание о том, что находится над любым опытом или вне его, например об истинной сущности вещей, о вещах самих в себе, об абсолюте и т. п.» (91, с. 10). При этом если для одних сторонников искусственных языков конструирование их было программой формальной реконструкции естественного языка, то для других оно служило основанием для отказа *вообще* от услуг первого в проведении рациональной аргументации. Полагалось, что надежная аргументация может быть осуществлена исключительно посредством понятий, выраженных в формализованных, искусственных языках.

Поиск аналогии между искусственными и естественными языками означал попытку найти систему во всем том, что составляет естественный язык, и в особенности в том, что образует его *семантический* аспект. Объективным оправданием такой попытки может служить на первый взгляд хотя бы факт рационального общения посредством естественного языка, его значение для человеческого познания. Однако последовательное проведение точки зрения на естественный язык как на определенную семантическую систему, как будет показано ниже, искажает его роль в построении концептуальной картины мира и неиз-

бежно приводит к пониманию его как противоречивой системы.

Касаясь методологического и теоретического базиса, на котором возник современный логико-философский анализ естественного языка, следует вкратце остановиться и на существенно отличающемся от неопозитивистского подхода к анализу его в «философии обыденного языка», или «лингвистической философии», нашедшей выражение в поздних работах Витгенштейна, а также Дж. Мура, Дж. Райла и позднее П. Стросона, Дж. Остина, Дж. Сэрла, М. Даммета, А. Куинтона и др.

Если логические позитивисты искали выход из тупика, в который, как они считали, философию привел естественный язык, в создании искусственных языков, лишенных несовершенств первого, то для поздних работ виднейшего представителя «лингвистической философии» Витгенштейна (306, 307), разубедившегося в состоятельности тезиса об идеальном языке, декларированного им в «Логико-философском трактате», такой выход заключался прежде всего в описании тех *способов употребления* языковых выражений, которые порождают «философские путаницы». Причину возникновения нежелательных философских проблем теперь он видел не в естественном языке, а в отношении к нему, в способах его употребления. Поэтому выход, по его мнению, состоял не в построении идеального языка, однозначно отображающего онтологические структуры мира и лишенного недостатков естественного языка, а в описании способов или структур осмысленного употребления выражений последнего и, следовательно, в выявлении неправильных, порождающих бессмысленности способов его употребления.

В «Философских исследованиях» Витгенштейна в отличие от его «Логико-философского трактата» мир рассматривается не как существующий независимо от его описания в языке и подлежащий отображению в логической структуре естественного языка, а как то, что доступно нам исключительно *благодаря языку*, посредством интерпретации в языке. Концепция языка как «картины мира» уступила место концепции языка как средства, инструмента членения и осмысления мира. С этой точки зрения уже не может быть речи о выяснении логической структуры естественного языка, о подлинных смыслах языковых выражений, скрытых под неточными, неопределенными формулировками последнего. В таком понимании фи-

лософские проблемы не возникают до тех пор, пока естественный язык употребляется обычно, во множестве своих функций: для передачи информации, описания фактов, оценки научных теорий, выражения чувств и т. д. Все это — «языковые игры», имеющие свои правила, логику, которых нельзя нарушать, иначе мы перестанем играть в данную «языковую игру», *употребление* языкового выражения в которой и определяет его *осмысленность*. Каждый термин, если он осмыслен, должен иметь свою парадигму употребления: слова означают лишь то, что они означают в данной «языковой игре». Так, если мне объясняют, как употребляются названия цветов или слова «ген», «континуум», «боль» и т. д., т. е. если мне объясняют, в какие «игры» можно играть с ними, я понимаю их смысл. Узнав в каких «играх» может участвовать термин, я тем самым узнаю и то, в *каких играх он не участвует*. Следовательно, каждый правильный ход в «языковой игре» должен иметь свою альтернативу, свой антитезис, контраст (например, команда «Иди влево!» одновременно говорит «Не иди вправо!»). Слова употребляются бессмысленно, если они употребляются без антитезиса, без контраста.

Отсюда стремление соотнести анализ смысла языкового выражения с прагматическим контекстом его употребления как определенной правилосообразной деятельностью носителей языка, направленной на достижение определенных целей. Чтобы понять или объяснить смысл языкового выражения, следует искать не какую-то конкретную или абстрактную сущность, обозначаемую языковым выражением (как в классических концепциях «семантического реализма»), а обратиться к его *употреблению*: последнее и конституирует смысл языкового выражения. При этом под употреблением понимается не просто множество конкретных случаев употребления языкового выражения, а *определенные способы* правильного употребления, соответствующего лингвистическим стандартам, общепринятым в данном обществе: смысл конституируется в интерсубъективном употреблении естественного языка¹. Таким об-

¹ По словам современного представителя лингвистической философии М. Даммета, «употребляя слова языка, говорящий отвечает перед тем, как язык употребляется в данный момент, перед существующей практикой определенной общности» (125, с. 533). Согласно ему, знание смысла языкового выражения является знанием правильного его употребления, хотя сами правила обычно словесно не формулируются, а проявляются лишь в *деятельности* по соответствующим правилам (126, с. 67—137).

разом, усвоение смысла языкового выражения рассматривается как усвоение критериев *правильного его употребления*, что необходимо предполагает всеобщность применения этих критериев и сообщает языковой деятельности объективный характер (например, при разграничении объектов мира посредством языковых средств как в случае научения употреблению предикатов «красный» и «некрасный» для разграничения красных и не красных предметов соответственно: понимание смысла этих предикатов заключается в знании правил их употребления).

Все философские проблемы выражаются посредством естественного языка: они не должны озадачивать нас, если этот язык употребляется правильно. По Витгенштейну, философские бессмыслицы возникают тогда, когда носители естественного языка нарушают правила его употребления и пытаются с его помощью сформулировать определенные философские утверждения, т. е. когда языковое выражение употребляется вне определенной «языковой игры». Следовательно, осложнения возникают не из-за несовершенств естественного языка, а из-за осуществляемого его носителями насилия над ним, когда язык отрывается от естественных сфер употребления, в которых он только и может осмысленно функционировать.

Понятия естественного языка, будучи словесной деятельностью индивидов в сложных социальных условиях, неизбежно неточны. Идеал точности, проповедуемый в «Логико-философском трактате», с этой точки зрения есть миф, метафизическая фикция: точность всегда достаточна для *определенного контекста*, абсолютной точности не существует. Учитывая это и то, что между «языковыми играми» нет общих существенных черт, а всего лишь большие или меньшие «*семейные сходства*», Витгенштейн полагает, что моделировать естественный язык, смотреть на его выражения сквозь некий логический трафарет, искать в них что-то общее, существенное, некую скрытую в них *логическую форму* — значит исказить их, лишить их жизни. Такая опасность, например, таится в иллюзии, будто все осмысленные термины являются именами; из-за этой иллюзии гипостазированы универсалии, разные интенциональные объекты, объективные сущности и т. п.

Задача философа — детальное описание логики употребления языковых выражений в определенной «языковой игре», в частности раскрытие путем анализа тех употреблений естественного языка, которые приводят к фи-

лософским путаницам, дают повод для возникновения «патологии языка», «конвульсий интеллекта» в виде философских проблем.

Резюмируя сказанное о двух школах философии естественного языка — неопозитивистской и «философии обыденного языка», как она представлена в поздних работах Витгенштейна, следует отметить, что определенной заслугой первой является то, что она показала важность логико-философской, гносеологической проблематики анализа естественного языка. Ориентация на систематичность в логико-гносеологическом анализе языка свидетельствует о стремлении следовать духу научности (строгости, определенности) в теоретическом исследовании естественного языка. Отныне это требование должно было соблюдаться при создании любой научной теории языка как средства построения и передачи информации о мире. Такая теоретическая установка и представляет собой то рациональное зерно, которое необходимо отделить от методологически несостоятельных интерпретаций и выводов, к которым пришли сторонники неопозитивистской доктрины языка.

Так, методологически ошибочным является выдвигание в качестве фундаментального тезиса об *идеальном языке* не как *приближении* к естественному, а как языку, обладающем совершенной структурой, однозначно отражающей структуру действительности. Этот тезис является следствием выдвинутой Витгенштейном в «Логико-философском трактате» концепции об изоморфизме логической формы языкового выражения и структуры действительности. Основывающийся на этом тезисе подход означает проецирование в реальность абсолютизированной логической схемы, что в итоге приводит к идеалистически искаженному («перевернутому») пониманию отражения мира. Мир состоит не из каких-то абсолютно простых, независимых друг от друга «фактов-атомов», а естественный язык и его выражения реализуют функцию передачи информации о мире не потому, что они являются аналогом *такой* структуры мира, а благодаря своей *смысловой стороне*, недоступной в отличие от естественного языка наблюдению и неотделимой (как будет показано ниже) от систем информации, которыми его носители располагают о мире.

При таком подходе критерии осмысленности являются пагубными для самих же концепций, в которых они формулируются, не говоря уже об их несоответствии реальному употреблению естественного языка. Последний не толь-

ко не помещается в прокрустово ложе истинных и ложных предложений, но и вообще в любую абсолютную, априорную схему осмысленности, игнорирующую реальный процесс познания как процесс построения и изменения знания о мире, а в философском плане — как процесс построения определенного миропонимания и мировоззрения носителей языка. Иллюзорность претензий на установление конечных критериев осмысленности, тщетность поиска единственно правильной логической структуры языковых выражений, соответствующей структуре действительности, методологическую несостоятельность попыток сведения семантической проблематики (включая и общепhilosophическую) к лингвистической проблематике — все это подтверждает анализ дальнейшей эволюции логико-философского исследования естественного языка.

Рассмотрение в лингвистической философии функционирования естественного языка как части *сложного социального бытия человека*, стремление учесть естественный, динамичный, «полнокровный» процесс его функционирования являются положительным фактором по сравнению с «разреженной» моделью естественного языка, предложенной неопозитивистами. Но если неопозитивистский анализ определяется поиском *систематичной* теории языка, то для лингвистической философии «классического периода» характерна прежде всего абсолютизация многозначности языковых выражений, неподвластной какой-либо систематизации. Однако такая абсолютизация ведет в конечном итоге к лингвистическому фетишизму, методологически не менее деструктивному, чем тезис об идеальном языке в неопозитивистском анализе. Такой вывод должен быть подкреплён некоторыми соображениями об щеметодологического порядка.

Прогресс теоретической мысли всегда связан с обнаружением таких важных для объяснения исследуемого феномена факторов, на которые до этого не обращалось внимания (или обращалось, но недостаточно) и учет которых представляет собой конструктивный шаг на пути познания этого феномена. Однако выявление нового важного аспекта исследуемого объекта сопряжено и с опасностью или по крайней мере соблазном абсолютизации его значения, что может привести к методологически и теоретически пагубным следствиям, а именно к попытке представить *все* объяснение исключительно в свете *этих* новых — но в ущерб другим — факторов. В лингвистиче-

ской философии в роли такого чрезвычайно важного, но абсолютизированного момента выступает *употребление* языковых выражений, требующее учета *контекста* их использования и обязывающее рассматривать языковую деятельность как осмысленную лишь тогда, когда она подчинена определенным правилам: когда употребление языкового выражения является правильным с точки зрения определенной языковой практики.

Однако такое понимание, как увидим, вовсе не требует отождествлять *осмысленность* языкового выражения с *правильностью* его употребления, соответственно отождествлять теорию смысла с теорией правильного употребления языковых выражений и тем самым *сводить* проблематику смысла к проблематике правильного употребления языковых выражений, как это делается в критикуемых нами концепциях лингвистической философии. Такое отождествление, как будет показано ниже, делает необъяснимым как феномен усвоения языка, так и возможность усвоения *нового знания* посредством языка, возможность осмысленного использования одного и того же языка в разных (новых) ситуациях и контекстах для выражения разных, в том числе несовместимых, представлений носителей естественного языка о мире. Поэтому выдвинутую в поздних работах Витгенштейна концепцию «смысла как употребления» следует рассматривать не в качестве определенной теории смысла, а в качестве чрезвычайно важного указания на *значимость* учета *прагматического фактора контекста* употребления языкового выражения при определении его осмысленности.

Такое понимание сохранено и в позднейших исследованиях лингвистической философии, заслуживших признание главным образом благодаря разработке *концепции «речевых актов»*. В этих исследованиях, как и в предшествующей им концепции Витгенштейна, понимание смысла языкового выражения рассматривается как знание правил его употребления, однако в отличие от классической описательной доктрины здесь стремятся к *систематическому объяснению* того, в чем заключается знание смысла языкового выражения, в чем оно проявляется и какова его роль в отнесении человека к действительности, к другим носителям языка. Иначе говоря, здесь предпринята попытка построить систематическую *объяснительную* теорию употребления языка, раскрыть коммуникационную структуру его употребления. При этом, однако, сохраняется по-

стулат об изначальной данности языка как детерминанта артикуляции, познания и понимания мира, что не только теоретически существенно ограничивает объяснительные возможности теории, но и дает, как уже отмечалось, методологически искаженное представление о соотношении мысли, языка и мира.

2. ЛИНГВИСТИКА И ФОРМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

В лингвистике исключительная ориентация на синтаксическую сторону естественного языка, отказ от каких-либо ссылок семантического порядка (ссылок, означающих, по предположению, чреватый опасностями выход за систему языка в трудноопределимые, туманные экстралингвистические реальности) долгое время считались единственно правильной научной позицией (в структурной, формальной лингвистике ее наиболее последовательно отстаивали Ф. де Соссюр, Л. Блумфильд, З. Хэррис, Ч. Фриз, Н. Хомский в ранних работах). Сомнение в надежности семантических исследований, хотя, возможно, даже при признаваемой их необходимости, касалось главным образом одного пункта: возможно ли вообще указать семантическую (смысловую) структуру языкового выражения так же объективно, строго и точно, как, например, его синтаксическую и фонологическую структуры. Однако неполнота лингвистического описания — когда семантические аспекты остаются за пределами структур, приписываемых языковым выражениям, — и его неадекватность — когда интуитивно различным с точки зрения семантической выражениям приписывается одна и та же структура — неизбежно толкали исследователей на поиски путей реализации программы, в свое время предначертанной Карнапом, неизбежно вели к *реабилитации* семантических исследований.

Первые шаги по реализации этой программы были предприняты в ранних работах основателя трансформационной-генеративной теории естественного языка Н. Хомского. В качестве примера трудностей, сопряженных с частичной реабилитацией семантики в формальных лингвистических моделях языка, можно указать на истолкование понятия «грамматичный» по отношению к позднему ставшему эталонным выражению «Бесцветные зеленые идеи спят яростно». В ранних работах Хомского и других

исследователей вопрос ставился так: считать ли данное выражение по крайней мере грамматически правильным, если не осмысленным? Если же оно не является ни тем ни другим, то чем же тогда оно отличается, например, от предложения «Интересные новые идеи рождаются редко»? Мнения логиков, философов и лингвистов на этот счет не однозначны. Так, лингвист Р. Якобсон (171) считает такие выражения грамматически правильными, но семантически ложными. По мнению логика и лингвиста П. Циффа (308), такие выражения не являются ложными, но они и не бессмысленны. Логик Х. Карри (145) считает их «неграмматичными», с чем согласен логик и философ Х. Патнам (240), который, однако, не находит их ложными, хотя логик и философ У. Куайн (247) отнес бы их к тривиально ложным предложениям.

Примечательной в плане определения места семантики в исследовании естественного языка является эволюция взглядов самого Хомского. Так, в работе «Синтаксические структуры» (101) цитируемое предложение считалось грамматически правильным, ибо в то время он полагал, что семантические соображения не имеют отношения к лингвистическому анализу. Позднее, и особенно в работе «Аспекты синтаксической теории» (103), в которой он разрабатывал «стандартную теорию» трансформационно-генеративного анализа (см. гл. II, 1), рассматриваемое выражение уже квалифицируется как нарушающее нормы грамматики. Дело в том, что к этому времени в концепцию грамматики им включается и семантический компонент. Хотя Хомский так и не предпринял попытки построить собственно семантическую теорию естественного языка на базе трансформационно-генеративной грамматики (это позднее на основе теории Хомского осуществил Дж. Кац (175)), «грамматичность» выражения им более не отождествляется с синтаксической его правильностью.

В последующих исследованиях (см. 105), представляющих период «расширенной стандартной теории», к семантическому аспекту относятся все более широкие реалии естественного языка, в том числе и некоторые характеристики «поверхностной формы», или «поверхностной структуры» (см. гл. II, 1), языковых выражений. Однако, осознав, что построение семантической теории, адекватной интуиции носителей естественного языка, превышает возможности лингвистической теории, так как требует *полного учета экстралингвистического знания, или знания носи-*

телей языка о мире, Хомский формулирует «пересмотренную расширенную стандартную теорию» (106, 107, 108, 109). Согласно этой теории, формально описываемые структуры могут получить полную семантическую интерпретацию лишь тогда, когда они связываются с другими *нелингвистическими познавательными структурами*, включающими представления (мнения) носителей естественного языка, их намерения и т. д.

Таким образом, построение «пересмотренной расширенной стандартной теории» можно охарактеризовать одновременно как поиск предела семантических претензий лингвистических теорий, как осознание значения фактора экстралингвистического знания для построения адекватной семантической теории.

Еще недавно проблема смысла выражений естественного языка рассматривалась как в нашей, так и в зарубежной логико-философской литературе в основном в общепhilosophическом плане — как проблема принятия одного из возможных ответов на вопрос «что такое смысл?». С каждым из предложенных ответов соотносилась, естественно, весьма общая (в смысле определенности) концепция смысла.

Особенно интенсивно проблема смысла обсуждалась в связи с той исключительной ролью, которая отводилась естественному языку как объекту философского анализа в неопозитивистской и в лингвистической философии. При этом следует отметить такие разные методологические последствия философского интереса к анализу естественного языка, как переход от предполагаемой его структуры к структуре действительности, к структуре мозга, сознания, культуры, истории, вообще, к структуре «человеческих феноменов». Эти теоретические экстраполяции если и не всегда были оформлены в виде философских доктрин, то по крайней мере выступали как специфические концепции анализа этих феноменов, а на их основе впоследствии образовались специальные направления исследований.

В этой связи следует отметить, что проблема смысла, при анализе которой определились основные направления современных логико-философских исследований естественного языка, обсуждается не только в аналитической философии. Так, заслуживают внимания исследования, проводимые в рамках французского структурализма. Здесь особенно выделяются работы французского семиотика А. Греймаса и его школы, в которых проблема смысла рас-

смачивается в широком социально-культурном аспекте — как проблема раскрытия семантической структуры различных систем знаков и их взаимодействия (см. 143, 144, 145). Эти исследования требуют специального рассмотрения.

Прежде чем приступить к характеристике отдельных концепций смысла, выскажем еще несколько соображений методологического порядка относительно выдвигаемых в них задач формального семантического анализа естественного языка.

В качестве конечного ориентира формального анализа естественного языка, как правило, указывается формализация понятия «осмысленное выражение естественного языка» в *описательном* и *объяснительном* аспектах. Речь идет о построении разрешающей процедуры для понятия «правильно построенное выражение естественного языка», служащей не только в качестве описания данных, но и для предсказания *любых новых* правильно построенных как в *синтаксическом*, так и в *семантическом* отношении выражений естественного языка. Имеется в виду указание определенной процедуры, позволяющей за *конечное* число операций определить правильность построения языкового выражения. Речь идет о выявлении логической, или семантической, структуры языковых выражений, на основе которой определяются их семантические свойства и отношения. Такая формализация естественного языка является необходимой предпосылкой его автоматической, машинной обработки, преследующей такие практически чрезвычайно важные цели, как автоматический поиск информации, машинный перевод, создание систем «искусственного интеллекта», работающих в режиме естественного языка, и т. д.

Как сказано выше, для этого недостаточно указать правила синтаксической сочетаемости лексических единиц (в качестве определения понятия «синтаксически правильно построенное выражение естественного языка»), представляющих — в терминах традиционной грамматики — категории существительного, глагола, прилагательного, наречия и т. д. (Так, выражение «Новая добродетель лысая» не отличается с точки зрения синтаксической от «Новая юбка грязная»). Во-первых, выражения естественного языка, имеющие одну и ту же синтаксическую или, возможно, даже фонетическую и лексическую структуру, могут *различаться по смыслу*, и наоборот. Во-вторых, одно из них может восприниматься как *осмысленное*, а другое — как

бессмысленное. В-третьих, выражения, осмысленные сами по себе, могут не образовать *осмысленного текста*, особенно ввиду возможной неоднозначности составляющих его.

Вместе с тем наряду с формальным описанием языка, преследующим определенные практические цели, речь идет — и это не менее важно — о *теоретической реконструкции знания*, на основе которого носитель языка соотносит акустические или визуальные сигналы (как выражения данного языка) с кодируемой ими информацией (как смыслом этих выражений). Имеется в виду выявление знания, на основе которого человек *понимает* языковые выражения и тем самым определяет их осмысленность, «приписывая» слову, предложению, тексту тот или иной смысл, устанавливая ту или иную семантическую связь между ними и отмечая при этом, что некоторые из них описывают мир таким, каков он на самом деле; что другие описывают мир не таким, каков он есть, а каким он был, будет, мог бы или, наоборот, не мог бы быть; что истинность одних выражений влечет или только предполагает истинность других; что такое-то выражение пригодно или, наоборот, непригодно для осуществления определенного речевого акта (утверждения, вопроса, приказа, клятвы, обещания и т. д.); что между выражениями одного и того же или разных естественных языков имеются такие-то смысловые соответствия и т. д.

Следовательно, в задачу семантической теории входит установление тех принципов и правил, которые позволили бы *объяснить способность носителей языка понимать его выражения*. При этом в качестве исходной общеметодологической предпосылки принимается установка, что как естественный язык, так и познание подлежат рациональному анализу и в конечном итоге могут быть охарактеризованы посредством явно сформулированных принципов.

Другими словами, в задачу семантической теории входит экспликация того, что называют «*языковой интуицией*» носителей естественного языка, под которой понимается неосознанное или не вполне осознанное знание принципов, относительно которых исследователь строит теоретическую модель в виде системы явно формулируемых утверждений. Когда, например, говорят, что у носителя языка есть интуитивное понимание *грамматической правильности* языковых выражений, то, как отмечает Куайн, имеют в виду то, что он «привычно и не задумываясь» (247, с. 30) различает грамматически правильно построен-

ное выражение от в том же отношении неправильно построенного. В этом случае в теории, моделирующей эту способность, критерий грамматичности выражения должен быть сформулирован эксплицитно, в виде правил, порождающих только правильно построенные выражения языка. Такие правила представляют собой некоторый формальный аналог постулируемого в носителях естественного языка «механизма», принимающего правильно построенные его выражения и отбрасывающего неправильно построенные.

Ввиду того что речь идет об экспликации языковой интуиции, в согласии с нею ищут и критерий *адекватности теории*, или возможность ее эмпирической проверяемости. Таким образом, речь идет об особой ситуации, когда языковая интуиция служит не только объектом экспликации, но сама представляет собой критерий ее адекватности, которая, в свою очередь, существенно зависит от того *понимания смысла*, которое свойственно конкретной семантической концепции.

Глава II

СТАТУС СМЫСЛА В СЕМАНТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

1. ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕМАНТИКИ, ИЛИ «АЛГЕБРА СМЫСЛА»

Задача семантической теории с точки зрения доминирующей в современной формальной лингвистике трансформационной-генеративной концепции естественного языка состоит в систематической экспликации интуиции носителей этого языка, заключающейся в их способности понять и произвести любое новое выражение.

С этой теорией связывается появление новой по отношению к неопозитивизму и лингвистической философии доктрины естественного языка (см. 104, 175, 176, 182), лишенной известных недостатков прежних школ: исключительной ориентации на физическую данность языка в одном случае и асистематичности — в другом. В методологическом плане сторонники этой концепции связывают ее с «рационалистской универсальной грамматикой», принципы которой еще в XVII в. сформулировали философы и грамматики школы Пор-Рояля, которые полагали, что *смысл* языкового выражения, или его «*логическая форма*», не тождествен данной восприятию «*поверхностной структуре*». Смысл выражения непосредственно связан с «*глубинной*» его структурой, имеющей абстрактный характер, который объясняется имманентными свойствами разума. Сами же термины «глубинная структура» и «поверхностная структура» в философском плане выражают различие между «*сутью*» и «*явлением*». В современном истолковании это означает: если искусственный язык логики строится так, что логическая форма выражений этого языка явно представлена в *самых* выражениях, то *логическая форма* выражений естественного языка содержится в *них*

скрыто, имплицитно, не на поверхностном уровне. Таким образом, трансформационная-генеративная теория как философия естественного языка отличается от вышеназванных философских доктрин прежде всего тем, что в ней поверхностная, доступная наблюдению структура языковых выражений объясняется посредством глубинных, абстрактных, недоступных наблюдению логических структур. Имея в виду значение, которое придается понятию *логической формы* в этой теории, рассмотрим его подробнее.

В трансформационной-генеративной теории языка логическая форма выражения понимается как то, что необходимо для осуществления правильного вывода, как то, от чего зависят отношения вывода языковых выражений. При этом пересматривается классическое понимание логической формы, или структуры (принятое Расселом, Витгенштейном, Куайном), как того, что конституируется исключительно «логическими словами», или «логическими константами» («не», «и», «или», «если, то», «все», «некоторые»), и предполагает деление словаря естественного языка на логическую и экстралогическую, или дескриптивную, описательную часть. Сомнение в обоснованности такого разграничения выразил в свое время Тарский, отмечая, что «...не известны объективные основания, позволяющие провести ясную грань между этими группами терминов. Представляется возможным включить в число логических терминов и такие, которые обычно рассматриваются логиками как экстралогические, что не расходится с практикой употребления языка. (В крайнем случае мы могли бы рассматривать все термины языка как логические. Понятие формального следования тогда совпало бы с понятием материального следования)» (301, с. 418).

Таким образом, в качестве отношений вывода предлагается рассматривать не только те, которые зависят от семантики (в той степени, в которой последняя раскрывается в классических логических исчислениях, которые тогда рассматриваются как теории логических истин естественного языка) выражений «не», «и», «или», «если, то», «все», «некоторые» и сводимых к ним в рассматриваемом аспекте других его выражений (36). Речь идет также об отношениях, конституируемых смыслом *описательных* выражений, относящихся к грамматическим категориям существительного, глагола, прилагательного, наречия (как, например, в рассуждениях «Существуют холостяки, следовательно, существуют мужчины», «Мне снился

кошмар, значит, мне снился сон»). Подобно тому как в современной логике для адекватной интуиции носителей естественного языка формализации перехода от такого, например, предложения, как «Каждая лошадь является животным», к предложению «Каждая голова лошади является головой животного» понадобилось введение новых правил вывода, естественно ожидать введение правил, «схватывающих» соответствующую связь при переходе, например, от предложений «Все кошмары имеют фрейдистское значение» к «Все сны имеют фрейдистское значение» и т. п.

Однако сложность проблемы логической формы в естественном языке заключается в том, что в отличие от языка логики логическая форма выражений языка *не дана* на поверхностном уровне, что за тождественностью поверхностной грамматической формы выражений скрываются фундаментальные логические различия. Этим, например, можно объяснить то, что рассуждение «Сегодня я ел то, что купил на прошлой неделе. Я купил на прошлой неделе дорогую рыбу. Следовательно, сегодня я ел дорогую рыбу» правильно, а рассуждение «Сегодня я ел то, что купил на прошлой неделе. Я купил свежую рыбу на прошлой неделе. Следовательно, сегодня я ел свежую рыбу» неправильно.

Глубинная структура, согласно *интерпретативной* концепции трансформационной-генеративной грамматики, представляет собой формальный синтаксический объект, рекурсивно порождаемый определенными правилами грамматики (правилами «непосредственно составляющих», или правилами «фразовой структуры») и интерпретируемый посредством «правил проекции» (семантических правил модели) на множестве универсальных, т. е. не зависящих от специфики естественного языка, «семантических маркеров» (см. ниже). При этом понятие *рекурсивного* порождения заимствуется из математической логики, где оно означает производимость бесконечного множества выражений из конечного множества исходных элементов путем применения к ним конечного множества правил.

Все это рассматривается как согласующееся с интуицией, что носитель естественного языка понимает его предложение на основе понимания составляющих это предложение элементов и того способа, которым элементы упорядочиваются в предложении. Предполагается, что тем самым осуществляется теоретическая реконструкция спо-

способности носителей естественного языка произвести и понимать на основе конечного словаря и конечного множества правил бесконечное множество предложений этого языка.

В рассматриваемой теории семантические маркеры являются теоретическими конструктами, своеобразными независимыми от конкретного естественного языка «атомами смысла», т. е. наименьшими смысловыми единицами, из которых конструируется смысл словарных (лексических) единиц, конечных составляющих глубинной структуры. Синтаксические маркеры (например, «существительное», «глагол», «прилагательное») выражают синтаксические отношения лексических единиц, а семантические маркеры (например, «человеческое» «живое», «физическое») — семантические их отношения. Смысл языковых выражений кроме семантических маркеров содержит и определенные «селекционные ограничения» в качестве формальных ограничений на построение возможных семантических объектов, необходимо постулируемых ввиду утверждаемой цели формализации понятия *осмысленности* языковых выражений (например, с тем чтобы исключить такие структуры, как «Моя боль весит три фунта»).

Таким образом, семантический компонент грамматики охватывает словарь, который, в свою очередь, содержит смысловые представления для каждого лексического смысла определенной лексемы и «правила проекции», связывающие эти представления. Совместно словарь и «правила проекции» приписывают семантические репрезентации предложениям, что соответствует пониманию смысла языкового выражения как *функции составляющих его смыслов* («принцип Фреге») и их глубинной синтаксической организации. Глубинный уровень рассматривается как уровень, на котором — и только на нем — задаются логические, или семантически, значимые характеристики выражений естественного языка: тем самым знание его предполагает знание глубинной структуры его выражений.

Физическая данность естественного языка представляет собой последовательность сигналов, а множество семантических, синтаксических и даже фонетических характеристик, приписываемых носителями естественного языка его выражениям, не имеют физического коррелята и тем самым не являются функциями физического сигнала. Поэтому трансформационная-генеративная теория противостоит тем концепциям естественного языка (в част-

ности, таксиномической и бихевиористской), согласно которым все характеристики, необходимые для объяснения феномена этого языка, содержатся в его поверхностной структуре. Фактом является то, что носители естественного языка, принимая акустический сигнал, *a priori* встречают его намного более сложной моделью, чем та, которую можно вывести из самого сигнала.

Подобно тому как различие (тождество) смыслов некоторой лексической единицы определяется различием (тождеством) семантических маркеров, составляющих эти смыслы, различие (тождество) смыслов предложений определяется различием (тождеством) возможных смысловых структур, образуемых с помощью правил проекции из различных смыслов словарных единиц, образующих предложение. В любом случае семантические свойства (например, осмысленность) и отношения (например, следование, синонимия) языковых выражений устанавливаются, согласно этой концепции, формально — по наличию в них той или иной семантической структуры и согласно определениям этих свойств и отношений, содержащимся в теории и излагаемым в терминах формальных характеристик, которым должны соответствовать семантические структуры рассматриваемых языковых выражений. Так, выражение считается бессмысленным, если ему не приписывается никакой семантической структуры («Моя боль весит три фунта»), т. е. оно не получает никакой семантической репрезентации. Выражение полагается неоднозначным, если ему приписываются две или более семантические репрезентации. Два выражения считаются синонимичными, если им приписывается та же семантическая репрезентация.

Вопрос выбора маркеров, входящих в смысл данной словарной единицы W , решается таким образом: если имеются два маркера R_1 и R_2 , то выбор R_1 в качестве вхождения в смысл словарной единицы W определяется тем, что R_1 делает возможным такое предсказание семантических свойств и отношений соответствующих языковых выражений, включающих W , которое невозможно на основе выбора R_2 . Причем если информация, представленная в R_1 и R_2 и составляющая единственную формальную разницу между R_1 и R_2 , играет роль в предсказании семантических свойств и отношений соответствующих языковых выражений, то эту информацию относят к *словарю естественного языка*. Она является его *семантической информацией*:

именно только с нею и имеют дело в интерпретативной концепции семантики. Если же можно упростить словарную единицу *W*, не включая в нее смысл символов, отличающих *R*₁ от *R*₂, притом без ущерба для предсказательной потенции грамматики, то эта информация полагается не словарной, а «энциклопедической», фактической информацией об объекте, обозначаемом *W* (175, с. 76)¹.

✓ Семантические маркеры, будучи теоретическими конструктами, в содержательной интерпретации рассматриваются как *концепты*. Под последними понимаются не какие-либо индивидуальные представления или идеи, «не элементы субъективного процесса мышления» (175, с. 38) (именуемые в теории «познаниями» (*cognitions*), составляющими осознанный опыт конкретного индивида, аналогично индивидуальным чувствам, ощущениям, переживаниям, воспоминаниям, галлюцинациям), а некие абстрактные сущности в духе «мыслей» (*Gedanken*) Фреге как *объективное содержание мыслительного процесса*, которое может быть передано от одного индивида к другому, как нечто *общее* для всех или большинства носителей естественного языка. Сущности, которым ставятся в соответствие языковые выражения, являются тем, что на интеръязыковом уровне выражают, например, формы: русское «Мне холодно», английское «*I am cold*», французское «*J'ai froid*», испанское «*Tengo frio*», литовское «*Man šalta*» и т. д.

Понятие «мысли» у Фреге вообще очень близко к методологии глубинных структур. «В наше время, — пишет Фреге, — люди склонны преувеличивать утверждение, что разные языковые выражения никогда не являются совершенно эквивалентными, что слово никогда не может быть точно переведено на другой язык. Пожалуй, можно было бы идти дальше и утверждать, что то же слово никогда не понимается одинаково даже теми, кто говорит на том же языке... Я хотел бы подчеркнуть, что тем не менее разные выражения очень часто имеют нечто *общее*, что я называю *смыслом* или, в случае предложений, *мыслью*. Другими словами, мы должны признать, что *тот же смысл, та же мысль* могут быть по-разному выражены; следовательно, рассматриваемая разница здесь не затрагивает смысла, но только предчувствие, оттенок, окраску мысли, а это irrelevantно для логики. Возможно, что одно предложение

дает не больше и не меньше информации, чем другое: при всем многообразии языков человечество имеет *общий запас мыслей*. Если бы любая трансформация выражения запрещалась потому, что это якобы влечет изменение содержания, логика была бы парализована; ибо задача логики вряд ли может быть реализована, если не допустить возможности распознавания *той же мысли* под разными масками. Более того, тогда пришлось бы отбросить в качестве ложных все определения» (134, с. 23).

Относительно вопроса онтологического статуса концептов рассматриваемая теория не дает окончательного ответа, чтобы не связывать себя с таким сильным допущением, как существование универсалий. Полагается, что высказывать первые приближения к ответу на такого рода вопрос можно будет лишь тогда, когда исследователи будут располагать большим знанием семантической структуры выражений. Поэтому-то требуемые разъяснения онтологического порядка относительно понятия «концепт», хотя, возможно, и крайне желательные, не рассматриваются как предварительные условия успешного построения теории и теоретической экспликации семантической структуры языковых выражений. Надежность определения конечно-множества элементарных семантических маркеров, равно как обоснованность его разграничения от бесконечного множества определяемых им сложных семантических маркеров, ставится в зависимость от успешности такой экспликации.

Семантические универсалии, как и другие фундаментальные характеристики трансформационной-генеративной грамматики, полагаются составляющими *универсальную основу грамматики* любого естественного языка. Трансформационная-генеративная грамматика трактуется как теория, объясняющая, что является общим для естественных языков в терминах понятия «*естественный язык*»; она является теорией естественного языка *вообще*, а об универсалиях говорят, что они имеют статус *врожденных принципов*.

Рационалистическая теория этих принципов и составляет философский багаж трансформационной-генеративной грамматики: в этом смысле теория может рассматриваться как формальная реконструкция гипотезы «врожденных идей». Согласно этой теории, на основе этих врожденных принципов человек только и может, имея дело в своей лингвистической практике преимущественно с фрагментар-

¹ О методологических следствиях такого разграничения см. гл. III, 3; гл. V, 3.

ным и дефективным материалом, очень рано и независимо от степени интеллигентности усвоить конкретную грамматику естественного языка, его сложнейшие конструкции.

Утверждение универсального характера семантической стороны соответствия «языковое выражение — смысл» и сообщает теории философскую значимость и, как утверждают ее адепты, является основой для интерлингвистического постулирования смысла как инварианта внутри- и межъязыковых преобразований, позволяя более определенно, чем когда-либо раньше, строить гипотезу об отношении естественного языка и логики, т. е. между логической формой выражения и ее языковым оформлением.

Принятие методологии глубинных структур в данной интерпретации означает, что на достаточно абстрактном уровне все естественные языки имеют *одну и ту же универсальную грамматическую структуру и семантику* (79, 266). В свою очередь, наличие специфических для отдельных естественных языков смыслов объясняется тем, что универсальные семантические компоненты могут образовывать специфичные для данного языка смысловые комбинации, фиксируемые лексическими единицами в словаре этого языка. Таким образом, «возможные» концепты определяются в терминах универсальных семантических компонентов, которые и составляют исходный семантический базис любого естественного языка. Отсюда следует, что все языки обладают одинаковыми выразительными возможностями и все взаимопереводимы в том смысле, что для каждого предложения одного языка найдется по крайней мере одно предложение в любом другом естественном языке, которое выражает *тот же* смысл.

Даже учет гипотезы лингвистической относительности не может привести сторонников тезиса об универсальных выразительных возможностях естественного языка к отказу от него, а всего лишь к его модификации. А именно: если допустить в соответствии с названной гипотезой, что естественный язык предопределяет категории и формы мысли людей, усваивающих его, тогда то обстоятельство, что усвоение естественного языка ограничивает познавательные возможности его носителей, как раз и будет свидетельствовать о том, что *каждая* мысль носителей естественного языка выражима на *данном* языке.

Возможность понимания любого нового выражения естественного языка обеспечивается, как следует из вы-

шеизложенного, тем, что такое выражение ввиду рекурсивного характера базисных правил грамматики содержится в бесконечном множестве выражений, порождаемых этими правилами. Наконец, трансформационная-генеративная теория является не теорией *употребления* («исполнения») естественного языка его реальными носителями, а теорией *лингвистической компетенции*, т. е. теорией, моделирующей языковую интуицию *идеального носителя естественного языка*, «исполнение» языка которым не ограничено никакими физическими и психологическими факторами, вроде объема памяти, внимания, мотивации, которые полагаются «грамматически иррелевантными» (103, с. 3).

Следовательно, речь идет о теории, моделирующей то, что *идеальный* носитель естественного языка знает о грамматической структуре (состоящей из фонологического, синтаксического и семантического компонентов) своего языка. Это составляет *имплицитное знание реального носителя языка*, на основе которого и осуществляется его коммуникация с другими носителями языка. Лингвистическое «исполнение» — это то, *как используется* лингвистическая компетенция в актуальных речевых ситуациях носителями естественного языка. Таким образом, в теории трансформационной-генеративной грамматики как теории лингвистической компетенции абстрагируются не только от неправильностей, искажений, ошибок, свойственных употреблению естественного языка, но и — ввиду исключения из поля рассмотрения фактора *употребления* языковых выражений — от рассмотрения *фундаментальной связи языка и мира, функции языка в процессе познания мира*. Она преследует цель систематизации лишь тех аспектов языка, которые отражают его знание как *системы*, т. е. знание идеального носителя языка о всех имеющихся в системе языка семантических отношениях, заданных на постулируемом абсолютном множестве смыслов. Такое знание определяется безотносительно к знанию носителей естественного языка *о мире*. Наоборот, через понятие идеального носителя языка определяется понятие языковой компетенции как основы языкового «исполнения» реальных носителей языка, основы его употребления. Иначе говоря, это теория компетенции такого носителя языка, лингвистическое знание которого полностью определяется возможностями экспликации, содержащимися в *самой теории*.

Попытку оправдать рассмотрение знания о естественном языке безотносительно к знанию его носителей о мире (по сути дела, противопоставление этих знаний) сторонники этой концепции осуществляют ссылкой на то, что в задачу лингвиста, занятого построением семантической теории естественного языка, не входит обнаружение того, какие его выражения обозначают один и тот же объект мира (как, например, в случае «Утренней звезды» и «Вечерней звезды», обозначающих планету Венеру) или какие его предложения выражают истину, а какие — ложь (например, то, что предложения «Утренняя звезда является Вечерней звездой» или «Все коты имеют хвост» выражают нечто истинное или ложное, считается делом астронома или зоолога, но не лингвиста). Неучет экстралингвистических обстоятельств употребления естественного языка предреждает замкнутость рассматриваемой формальной модели. Смысл тогда определяется исключительно комбинаторикой исходных, универсальных «семантических атомов».

Согласно этой концепции, все, что можно сказать о смысле, можно сказать в терминах конечных множеств элементов. Имеется в виду порождение бесконечного множества конечных возможных объектов (смыслов и соотносимых с ними выражений языка) из конечного множества «семантических атомов» путем конечного числа применений определенных правил. Как отмечает Д. Льюис, в таком случае «нет никакого риска нарушить онтологическую экономию. Однако именно эта приятная конечность и не позволяет маркеристской семантике иметь дело с отношениями между символами и миром не-символов, т. е. с подлинно семантическими отношениями» (201, с. 171). Поэтому только в этом понимании, *абстрагированном* от анализа отношения естественного языка и мира, можно говорить, что интерпретативная концепция, предлагая такую универсальную алгебру смысла, «моделирует» смысл языковых выражений. Только в этом смысле, оторванном от рассмотрения отношения естественного языка и мира, можно говорить и о степени адекватности теории исследуемому в ней объекту.

Цели интерпретативной теории, утверждения о ее эмпирической проверяемости и вместе с тем о ее необходимости внутрилингвистической замкнутости неизбежно вступают в конфликт. Последний указывает на несостоятельность противопоставления *лингвистического знания* (зна-

ния о языке) *экстралингвистическому знанию* (знанию носителей языка о мире). Такое противопоставление этих разновидностей знания в рассматриваемой теории есть не просто обычный теоретический прием, используемый в целях более адекватного описания объекта исследования, в данном случае языка, а прямое следствие изначально принимаемой методологически ошибочной установки рассматривать язык в отрыве от его связей с действительностью, от информации, которой носители языка располагают о мире.

Сосредоточение семантической теории исключительно на описании «лингвистического знания», которое является собой теоретический конструкт, абстракцию от реального знания реальных носителей языка, оставляет открытым вопрос не только о том, как язык относится к действительности, как возможно его использование для описания и понимания действительности, но и о том, как вообще возможно понимание такого, описывающего действительность языка.

Претензии данной теории объяснить интуицию понимания языка при таком положении вещей никак не могут быть реализованы. Естественно, что тогда не может быть речи и об объяснении функций языка в познании. Неспособность теории охватить то, что называется «экстралингвистическим знанием» носителей языка, и, несмотря на это, ее претензия быть теорией понимания языка обуславливают принятие ею абстрактной, лишенной связей с действительностью «семантики языка», а для оправдания ее универсального характера — гипотезы «врожденного знания», еще более усугубляющей сомнительность ее методологических оснований.

Вместе с тем нельзя отрицать важность ряда теоретических, выдвинутых в данной теории идей и разработок. К таким конструктивным установкам следует отнести прежде всего определение двух уровней — глубинного и поверхностного — анализа языковых выражений, что дало основу для широкого сопоставления логических и языковых структур и выявления отношения между ними. Положительным является и предложенное в этой теории расширение самого понятия логической формы языкового выражения, вследствие чего существенно увеличилось возможности определения логической правильности рассуждений, осуществляемых посредством естественного языка.

2. СМЫСЛ И ИСТИНА: СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Рассмотрение связи между выражениями естественного языка и тем, к чему они относятся, иными словами, между языком и миром в терминах концептуального аппарата, разработанного для семантического анализа искусственных языков, ведет свою традицию от исследований Фреге. Его философию языка можно считать отправным пунктом — как в ортодоксальном, так и в критическом плане — для основных современных направлений исследования естественного языка.

Исходя из того, что естественный язык выражает мысли его носителей о реальности, т. е. то, что является истинным или ложным, Фреге видел фундаментальную задачу теории в объяснении механизма передачи мысли от одного носителя языка к другому (136). Согласно Фреге, предложения выражают нечто истинное или ложное постольку, поскольку их части *обозначают, указывают* на части этой действительности, которые являются *значениями* (*Bedeutung*) соответствующих выражений. Так, имя обозначает его носителя, предикат обозначает множество таких элементов, к которым он относится. Однако эти *референтные связи* (или отношения указания) не являются прямыми: иначе, для того чтобы понять выражение естественного языка, надо было бы знать всех членов того множества объектов, к которым оно относится, что в большинстве случаев сделать невозможно. Согласно Фреге, рассматриваемые референтные связи опосредуются тем, что *понимая* («схватывая»), мы знаем, что входит в обозначаемую термином область объектов, а в случае предложений — что определяет их истинное значение. Этот опосредующий элемент, по Фреге, является *смыслом* (*Sinn*) выражения. Смыслы выражений, содержащихся в предложении, составляют *мысль* (*Gedanke*), выражаемую предложением (а в некоторых контекстах, например контекстах мнения (см. гл. V), выражение считается обозначающим смысл). Смыслы и значения сложных выражений рассматриваются как *функции* смыслов и значений составляющих частей.

Понятие смысла Фреге имеет *познавательную функцию*: оно вводится прежде всего для решения проблемы познавательной ценности, или информативности, истин-

ных утверждений тождества. Так, информативность утверждений тождества, имеющих форму « $a = b$ » (например, «Утренняя звезда является Вечерней звездой») в отличие от « $a = a$ » или « $b = b$ », при этом подходе объясняется тем, что, хотя « a » и « b » обозначают один и тот же объект, т. е. имеют одно и то же *значение* (*Bedeutung*), они осуществляют это различными способами, т. е. имеют разный *смысл* (*Sinn*), который является *способом задания* (*Art von Gegebenensein*), способом представления объекта в мысли. Мысли могут быть выражены и поняты посредством языка. Но они онтологически и концептуально независимы от языка и от человеческих индивидов.

Фрегевская традиция нашла продолжение в исследованиях современных логиков — Д. Дэвидсона, Д. Льюиса, Р. Монтегю, Д. Каплана, М. Крессвелла, Я. Хинтикки и др. Они ставят перед собой цель объяснить, как выражения естественного языка могут использоваться для передачи информации о мире, и предполагают в качестве фундаментальных для анализа семантики выражений языка использование понятий *истины* и *указания*, или *референции*. Действительно, для лингвиста не существенно, какие предложения языка выражают истину, а какие — ложь (т. е. знание *истинностного значения* предложения), какие выражения обозначают один и тот же предмет, а какие — нет, однако он должен установить, *при каких условиях* то или другое предложение выражает истину (т. е. знание *истинностных условий* предложений языка)¹, ибо именно знание условий, при которых данное предложение выражает истину, является важным для его понимания носителями языка. Хотя выяснение истинности предложений есть дело конкретных наук, изучение истинностных условий обоснованно относится к компетенции семантики (см. 119).

Таким образом, идея смысла предложения здесь рассматривается как неотделимая от *информации* относительно того, что данное предложение является истинным, что мир соответствует истинностным условиям предложения. Поэтому построение семантической теории естествен-

¹ Хотя Монтегю, например, полагает, что данные, относящиеся к действительно истинностному значению предложений, являются контрольными для любой семантической теории, семантическая теория не является адекватной, если в ней можно получить ложные предложения в качестве следствий истинных предложений (221).

ного языка рассматривается как построение теории истины для выражений этого языка, следующей в принципиальных чертах теории истины, предложенной Тарским для формализованных языков (см. 300). Последняя представляет собой конечную аксиоматизированную теорию, множество теорем которой состоит из безусловных предложений (т. е. предложений, соединенных связкой «если и только если»), или так называемых *T-предложений*, получаемых из схемы «*s* является истинным, если и только если *p*» (например, «Предложение «Снег является белым» истинно, если и только если снег является белым»). Здесь *s* заменяется именем или описанием предложения, а «*p*» — самим предложением, представляющим истинностные условия, или его переводом в зависимости от того, содержится ли объектный язык в метаязыке. Существенным для данной схемы является то, что теория характеризует истинность предложения, не используя концептуальных средств, не содержащихся в рассматриваемом предложении.

Предикат истинности не определяется в теории, а рассматривается в качестве *базисного*. Он дает возможность перейти от *рассмотрения языка* (т. е. предложения, находящегося на левой стороне *T*-предложения) к *рассмотрению мира* (посредством предложения, находящегося на правой стороне *T*-предложения). Этот предикат как бы раскрывает кавычки, в которых заключено предложение объектного языка. В аксиомах такой теории указывают референты собственных имен (индивидуальных констант), формулируют условия удовлетворимости простых предикатов. В них содержится рекурсивный аппарат, гарантирующий порождение бесконечного множества предложений языка из конечного множества семантически значимых элементов. Тем самым каждое из бесконечного множества предложений характеризуется в истинностных терминах. Теория истины для языка *L* полагается адекватной, если она имплицирует *T*-предложение для каждого предложения языка *L* («*T*-конвенция»).

Теория истины для формальных языков служит моделью для построения теории истины для естественных языков. То, что *T*-конвенция принимается в качестве критерия для построения теории истины для естественных языков, объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, *T*-предложения являются очевидно, явно (т. е. дотеоретически, до анализа) истинными. Мы распознаем это

их свойство, если мы *понимаем* предикат «быть истинным». Во-вторых, *T*-предложения в совокупности определяют *экстенсию* (объем) предиката истинности. Значение теории истины для естественных языков заключается не в том, что она объясняет, что такое истина вообще, а в том, что она показывает, по словам Дэвидсона, «как смысл каждого предложения зависит от его структуры» (116, с. 310), т. е. раскрывает условия истинности предложения, рассматривая его как состоящее истинностно релевантным образом из некоторого конечного множества элементов.

Иначе говоря, от такой теории требуется, чтобы она дала *определение истинности* для выражений естественного языка и на этой основе *определение осмысленности* его выражений. Согласно Дэвидсону, «определение истинности для языка *L* дается указанием необходимых и достаточных условий для истинности каждого предложения; указание же истинностных условий являет собой способ указания *смысла* предложения. Знать семантическое понятие истины для языка — это знать, что означает для предложения — любого предложения — быть истинным, а это равнозначно в одном положительном (*good*) смысле этой фразы пониманию этого языка» (116, с. 310).

Известно, что, например, в логике смысл знака конъюнкции «&» как аналога союза «и» естественного языка дается посредством указания условий истинности, которые должны выполняться (удовлетворяться) предложениями, образующими конъюнкцию, а именно: «*p* & *q*» является истинным, если и только если «*p*» является истинным и «*q*» является истинным. В этом же смысле построение определения истинности рассматривается как построение теории семантики для выражений естественного языка.

Можно ли утверждать, что такая теория истины обеспечивает объяснение того, как относятся языковые выражения, составляющие предложения, к действительности? Отвечая на этот вопрос, следует сказать, что теория истины, построенная в духе Тарского, вообще не анализирует и не объясняет ни дотеоретического понятия истины, ни дотеоретического понятия референции. Ввиду сказанного возникает вопрос: каково место понятия референции в рассматриваемой теории истины?

В традиции логического анализа естественных языков можно выделить два подхода к этому вопросу. С одной точки зрения, которую назовем «*редукционистской*», пред-

полагаемый путь логического анализа языка понимается как переход от объяснения семантических характеристик простых выражений к объяснению все более сложных языковых конструкций. Согласно этому подходу, от объяснения референтных характеристик простых собственных имен и простых предикатов следует переходить к объяснению референции сложных имен и сложных предикатов. Лишь после этого можно охарактеризовать — в качестве производного — понятие удовлетворимости предикатов и, наконец, понятие истинности предложения. Этот подход, несмотря на его кажущуюся естественность, не дает возможности объяснить указание непосредственно в лингвистических терминах. Он, так сказать, замыкается в порочном лингвистическом круге.

С другой точки зрения, которую принято называть «*холистской*» (см. ниже анализ концепции Куайна), логический анализ естественного языка должен начаться с того пункта, где мы можем надеяться связать этот язык с поведением его носителей, описываемым в *лингвистических* терминах. В таком пункте, естественно, мы находим по крайней мере *предложения* языка. Согласно этому подходу, слова не имеют другой функции, кроме той, которую они выполняют в предложениях. Семантические свойства слова являются производными, они выводятся из семантических свойств предложений, так же как семантические свойства предложений являются абстракцией от их дискурсивных, коммуникативных функций. Принятие такого подхода, однако, не снимает вопроса объяснения референции составляющих предложения: этот вопрос теперь просто рассматривается в другом (не языковом) контексте.

В этом варианте «*холистской*» теории, который, например, представляет Дэвидсон (120), отношения указания выражений получают определенное содержание опосредованно — через определенную теорию истины, т. е. тогда, когда такое содержание получают Т-предложения.

В схеме «*s* является истинным, если и только если *p*», предлагаемой в качестве замены схемы «*s* означает *p*», существенно важно уяснение содержания — ввиду понимания «если и только если» как материальной эквивалентности — соотношения *s* и «*p*». Несколько забегаая вперед, следует отметить, что это соотношение, рассматриваемое в терминах истинности соответствующего биусловного предложения (например, «Снег является белым» истинно,

если и только если снег является белым»), может навести на мысль о тривиальности рассматриваемой схемы. Особенно это относится к случаю, когда язык, на котором дается определение истины, является языком, для которого оно дается, т. е. когда метаязык есть часть объектного языка. В случае, когда метаязык отличается от объектного языка (как в предложении «*Snow is white*» истинно, если и только если снег является белым»), требуется уяснение проблемы перевода.

Однако необходимо подчеркнуть, что как в первом, так и во втором случае вопрос сводится к порождению не *любых* истинных биусловных предложений, а релевантных для установления смысла языкового выражения истинных биусловных предложений. Речь идет не о том, чтобы дать определение истинности на основе понятия перевода, а о том, чтобы построить такую теорию истины, которая служит решению вопросов перевода с одного языка на другой. Таким образом, не само по себе биусловное предложение, а его доказательство является существенным для установления смысла языкового выражения. В любом случае речь идет не об установлении синонимии между *s* и «*p*», не о «симуляции синонимии», а прежде всего о представлении «картины, которая в целом говорит о том, что мы знаем, когда знаем смысл *s*» (116, с. 312).

Именно на неучете *программного* характера Т-конвенции строятся контраргументы, сводящиеся к тому, что определение осмысленности в терминах истинности предложения таит в себе порочный круг: знание истинности предложения предполагает знание его смысла, если же известен смысл предложения, нет необходимости прибегать к понятию истинности для определения семантики предложения. Вообще дискуссия по поводу первичности понятия истины в отношении понятия смысла или наоборот, с нашей точки зрения, напоминает спор по поводу первичности курицы или яйца, если в ней, с одной стороны, не учитывается методологически главный, на наш взгляд, аспект Т-конвенции, выявляющий связь осмысленности предложения с формулируемыми в нем *условиями истинности*, а с другой стороны, если не учитывается аспект генезиса смысла и *осмысленных предложений* и соответственно аспект *усвоения* истинностных условий предложений естественного языка его носителями.

Следовательно, утверждение, что Т-предложения выявляют смысл выражений естественного языка, следует

истолковать прежде всего в качестве методологически важного и теоретически конструктивного указания на роль понятия истины в понимании смысла *s*: *знать смысл s — значит знать, при каком положении вещей в мире s является истинным*. Иначе говоря, *T*-предложения не называют, не описывают какой-то сущности, которая является *смыслом*, а указывают, при каких условиях предложение является истинным. Далее, *T*-предложения можно рассматривать как сокращения для формальных процедур экспликации смысла *s* в качестве логической формы *s*, которые должны предписываться теорией и осуществляться ее средствами. В смысле возможности построения такой теории и можно говорить о подходе Дэвидсона как об определенной теории естественного языка: само по себе определение истины, конечно, не может заменить семантической теории.

Стремясь показать неконструктивность теорий, основывающихся на использовании таких «смутных» понятий, каким считается понятие смысла в интерпретативной теории, Дэвидсон следующим образом представляет интенционалистский анализ фрегевского типа предложения «Театет летает»: «Ответ на вопрос о том, что представляет собой смысл, или логическая форма, предложения «Театет летает», формулируется (в интерпретативной концепции. — Р. II.) примерно так: располагая смыслом «Театет» как аргументом, смысл «летает» как функция дает в качестве своего значения смысл «Театет летает». Тривиальность ответа очевидна. Мы хотели узнать, каков смысл предложения «Театет летает», нам в ответ говорят, что это — смысл предложения «Театет летает». Но это-то мы знали и без какой-либо теории» (116, с. 306).

Поэтому семантическая интерпретативная теория рассматривается не более как алгоритм перевода с объектного языка на некий «маркеристский» язык. «...Но мы можем знать маркеристский перевод английского предложения, не зная самого главного о его смысле, а именно *условий, при которых оно могло бы быть истинным*. Семантика, не рассматривающая условий истинности, не является семантикой. Перевод на маркеристский язык является в лучшем случае заменой настоящей семантики, полагающейся либо на нашу имплицитную компетенцию в качестве носителей маркеристского языка, либо на нашу способность построить настоящую семантику по крайней мере для одного, маркеристского, языка» (201, с. 171).

Модель Дэвидсона наиболее приспособлена к анализу тех фрагментов естественного языка, того аспекта семантики его выражений, который формализуется средствами стандартной первопорядковой логики при предполагающейся интерпретации выражений этого языка относительно *действительного мира*. Тогда особенно видна значимость понятий истины и референции. При таком анализе условия истинности предложений языка неотделимы от объектов (*референтов, экстенсий*), указываемых или обозначающих *дескриптивными терминами* (т. е. сингулярными терминами — именами, например «Ионас», или описаниями, например «брат Пятраса», и предикатами), а смысл *логических терминов* (логических констант), содержащихся в предложении, получает истинностно-функциональное (экстенциональное) определение. Исходя из этого устанавливаются отношения вывода между предложениями естественного языка на рассматриваемом уровне их анализа, а понимание предложения сводится к знанию его интерпретации в действительном мире. В таком случае теория референции является вместе с тем и теорией смысла естественного языка на рассматриваемом уровне его формального анализа. Однако, как искусно ни эксплуатировались бы ресурсы первопорядковой логики в стандартной ее интерпретации, последняя работает, естественно, только в пределах своих возможностей.

Простота построения и эффективность применения определения истины для логических констант вовсе не гарантируют возможности столь же простого и эффективного его применения для более широкого диапазона выражений естественного языка. Множество семантических реалий языка, экспликация которых существенна для объяснения понимания языка его носителями, просто не моделируется концептуальными средствами этой логики. К ним относятся прежде всего предложения, содержащие модальные понятия (необходимость и возможность), интенциональные понятия (знание, мнение, вера, желание, стремление и др.), выступающие в контекстах, имеющих вид «*а знает (думает, верит...), что...*» и поднимающих проблему критериев взаимозаменяемости, или подставимости, в таких контекстах терминов, обозначающих одни и те же объекты.

Так, разные описания мнения вопреки одному из принципов классической логики могут не сохранить истинностного значения предложения мнения. К примеру, из истинности предложений «Ионас думает, что его сосед музы-

кант» и «Сосед Ионаса является братом Пятраса» не следует, т. е. логически не выводима, истинность предложения «Ионас думает, что брат Пятраса музыкант». Обращение к семантическому анализу таких контекстов — не прихоть логика или лингвиста, как бы «подчищающего» периферийные участки естественного языка, его «окраины», а ключ к решению важнейших методологических и логических проблем анализа языка, к определению его функции в познании, в построении концептуальной картины мира, к экспликации связи между мыслью носителя языка, самим языком и миром, описываемым в его терминах (см. гл. V).

К таким неподвластным реалиям относится также описание гипотетических ситуаций, осуществляемое посредством условных предложений (но не обязательно именно условных, так как гипотетичность ситуации может вытекать из самого содержания описываемого). Особенно это относится к тем их видам, которые в отличие от условных предложений типа «Если p , то q » выражают иной модус условной связи — в терминологии традиционной грамматики — «потенциальное условие» и «нереальное условие» — и имеют общую форму «Если бы p , то q », что в логической терминологии называется *контрфактическими условными предложениями*¹.

К таким реалиям, особенно в контексте описания гипотетических ситуаций, относятся и явления *референции* (указания) и *коререференции* (соуказания) сингулярных терминов, а также *анафорическое употребление местоимений* (т. е. замена определенного языкового выражения или их группы местоимением, обозначающим тот же объект, осуществляемая при наличии определенного вербального или невербального контекста и предполагающая семантическую связанность рассуждения). К этим реалиям относится и употребление «*индексалов*» «я», «он», «этот», «тот», «здесь», «там», «сейчас», «нынешний» и т. д., предполагающее наличие определенного контекста и осуществляемое при описании различных возможных положений вещей в мире. Анализ соответствующих фрагментов естест-

¹ Такие предложения, как известно, играют значительную роль и в методологии науки в связи с проблемой определения диспозиционных понятий и вообще в связи с вопросом статуса теоретических терминов, в связи с такими проблемами, как уточнение понятия естественного закона, различение существенных и случайных свойств, экспликация понятия подтверждения и т. д.

венного языка, предпринимаемый с целью формальной систематической реконструкции знания, на основе которого носитель языка соотносит соответствующие термины в рамках определенного рассуждения, проводимого на этом языке, неосуществим на основе классических (стандартных) семантических представлений, допускающих возможность интерпретации языковых выражений исключительно относительно *действительного мира*.

Ввиду того что в предложении естественного языка речь может идти не только о том, что имеет место в мире, но и о том, что имело, будет иметь или могло бы иметь место при определенных обстоятельствах, в расширенном понимании референтной теории, представленном исследованиями Льюиса, Монтегю, Каплана, Крессвелла, Крипке, Хинтикки и др., «выросшими» из семантики модальной логики (развитой в работах Крипке и Хинтикки), смысл предложения рассматривается неотделимо от информации о том, что данное предложение является истинным вообще относительно некоторого возможного или возможных миров. Тогда действительный мир рассматривается как один из возможных миров — тот, который имеет место, который реализован и в отличие от других возможных миров «заселен» реальными, а не возможными индивидами, обладающими теми или иными свойствами и отношениями. Другие возможные миры тогда рассматриваются как *альтернативы* данному миру, которые (логически, а не только физически) могли бы быть реализованы при другом ходе событий (например, в случае контрфактического предложения «Если Ионас играл бы, «Жальгирис» выиграл бы»: понимание этого предложения означает с этой точки зрения предположение возможного мира, в котором Ионас играет и «Жальгирис» выигрывает).

Известно, что в логике первым использовал понятие «возможный мир» еще Лейбниц при рассмотрении необходимо истинных утверждений как истинных во всех возможных мирах, включая и действительный мир, и *возможно* истинных утверждений как истинных в некоторых возможных мирах. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» утверждал, что понять предложение — значит знать, что имеет место в мире, если оно является истинным: смысл предложения сводится к способу, которым предложение разделяет возможные состояния дел на те, в которых оно истинно, и на те, в которых оно является ложным.

В современной модальной логике, занимающейся аппликацией логических отношений предложений, содержащих модальные понятия необходимости и возможности, лейбницевское понятие возможных миров получило «новую жизнь» благодаря введенному Крипке (при построении семантики для модальной логики) понятию *отношения достижимости* между возможными мирами (187). Утверждение считается необходимо истинным в мире *W*, если и только если оно истинно во всех возможных мирах, достижимых в мире (из мира) *W*. В зависимости от специфического содержания, вкладываемого в понятие достижимости, результирующая семантика соответствует различным модальным логикам.

Интуитивное обоснование использования понятия возможных миров при определении смысла предложений естественного языка заключается в следующем. Истинностное значение предложения определяется двумя факторами: тем, что говорится в предложении, и тем, каков мир. Таким образом, смысл предложения, или его интенсию, можно рассматривать как функцию (или правило), переносящую нас от мира к определенному истинностному значению (экстенсии предложения). Вообще смысл языкового выражения можно рассматривать как функцию (интенсию выражения) от мира к определенным его объектам (экстенсии выражения). Но поскольку представления носителя языка о мире меняются (не говоря уже о том, что они могут иметь различные или даже несовместимые представления о мире), поскольку наряду с другими предложениями ему приходится рассматривать предложения относительно гипотетических и воображаемых ситуаций (на основе возможности такого рассмотрения живут как практические, так и теоретические рассуждения), необходима функция, принимающая в качестве своего аргумента не только актуальное состояние мира, или актуальный мир, но и различные *возможные миры*.

Носители языка постоянно, хотя, возможно, и неосознанно, имеют дело с возможными мирами как с тем, чему соответствуют, с чем совместимы их представления, убеждения, мнения, предположения, стремления, желания, сомнения и т. д. Например, предложениям, которыми носитель языка высказывает свое мнение, вовсе не обязательно предваряя его фразой «Я думаю, что», соответствует определенное множество возможных миров, в которых эти предложения являются истинными. Понимание такого

предложения означает представление мира, в котором это предложение является истинным. Этот мир, конечно, вовсе не обязательно является действительным миром: то, что думает определенный носитель языка, может и не соответствовать положению вещей в действительном мире. Следовательно, носитель языка имеет дело не только с объектами, существующими в данном мире, и не только с реальными объектами, рассматриваемыми в разных гипотетических ситуациях, но и с объектами, принадлежащими *исключительно возможным мирам*. В этой связи используемый (со времени работ Ф. Брентано (87) и Э. Гуссерля (167)) термин «*интенциональность*» означает особый случай *направленности мысли* на определенные объекты: речь идет об умственных, или *ментальных*, актах, направленных в отличие от физических актов и на *несуществующие* объекты. В той мере, в которой мы *понимаем* предложения о таких объектах, нам представляется *осмысленной* и мысль о тождестве объектов, существующих в возможных мирах.

Один из наиболее наглядных случаев оперирования возможными мирами — рассказ о какой-либо истории. Понимание того, что говорится в ней, означает понимание того, каким должен быть мир, для того чтобы история была истинной. Другими словами, это означает понимание *условий истинности* истории. В таком случае речь идет по крайней мере о двух возможных мирах — мире, который описывается рассказчиком, и мире, к которому он принадлежит. Последний мир вовсе не обязательно является действительным миром, так как в нашем мире мы можем описать возможный мир, в котором кто-то рассказывает какую-то историю, т. е. в котором описывается некоторый третий мир, и т. д.

Наличие за понятием «возможный мир» вполне определенной интуиции, равно как его эвристическое значение в построении семантической теории естественного языка, обеспечивает ему статус *базисного* понятия теории, а его большее уяснение — как, впрочем, в случае множества других теоретических понятий, используемых в языке науки и философии, — достижимо не посредством его определения, а посредством употребления в теоретическом объяснении исследуемых с его помощью феноменов.

В исследованиях Льюиса, Монтегю и других область аргументов функции-интенсии расширена — в разной степени — за счет определенного множества других факторов,

важных для определения соответствующих экстенсий. Поэтому в таких предложениях, как «Сегодня среда», «Он мой сосед», «Здесь холодно», истинностные значения которых зависят от экстенсий *индексных* составляющих предложения («сегодня», «он», «мой»), область аргументов функций-интенсий кроме фактора возможного мира содержит ряд *контекстуальных* факторов — так называемых *координат* (*индексов*, *точек референции* — в зависимости от принятой терминологии) времени, места, слушающего, говорящего и т. д. *Интенсии* в таком расширенном понимании являются функциями, отображающими множества этих факторов на соответствующие *экстенсии*.

Привлечение к анализу смысла языковых выражений контекстуальных факторов, несомненно, является положительным моментом. Оно означает учет в определенной степени *прагматического* (в узком понимании) аспекта естественного языка, т. е. аспекта, связанного с *употреблением* языка его носителями. Вообще говоря, в традиции референтных семантик проводится различие между описанием возможных языков (как построением теории истины для их выражений) или грамматик как абстрактных семантических систем, символы которых соотносятся с определенными аспектами мира, и описанием психологических и социологических фактов, при которых некоторая из этих абстрактных семантических систем реализуется, получает определенное употребление. В последнем случае говорят о прагматике в *собственном* (*широком*) смысле этого слова как *теории речевых актов*.

При таком рассмотрении — благодаря анализу *коммуникативной структуры* употребления языковых выражений — получает дальнейшее развитие и расширение (в работах Дж. Остина, Дж. Сэрла, П. Грайса и др.) тезис Витгенштейна о *смысле* языкового выражения как его *употреблении*. А именно, проводится различие между значением (*meaning*) языкового выражения, определяемым типичными случаями его употребления, и значением определенного *произнесения* (*utterance*) языкового выражения как определенной (*«иллокуционной»*, в терминологии Остина) ролью, которая отводится языковому выражению в данном контексте его употребления.

Другие авторы проводят различие между *значением предложения-типа* и *значением предложения-знака*. Так, предложение «Идет дождь» кроме обычного своего использования для утверждения может в определенном контек-

сте быть использовано в качестве предупреждения, просьбы (например, закрыть окно), угрозы и т. д. В этом случае языковое выражение рассматривается с точки зрения *тех ролей*, которые ему отводятся носителями языка в определенном речевом акте; в свою очередь, употребление языкового выражения в вопросительной форме может использоваться не только для получения, запроса информации, но и для выражения сомнения, просьбы и даже утверждения (когда вопрос имеет риторический характер). Короче говоря, языковое выражение рассматривается с точки зрения *тех ролей*, которые ему отводятся носителями языка в определенном *речевом акте*; тем самым функция утверждения языка более не рассматривается как единственная. Тогда значение определенного произнесения языкового выражения может полагаться функцией от значения языкового выражения и его прагматического контекста¹.

В качестве другого прагматического аспекта наряду с *иллокуционной* ролью языкового выражения выделяется (см. 77) *«перлокуционная»* роль, или акт, как достижение определенного *воздействия* (на слушающего) посредством осуществления определенного речевого акта (например, изменения поведения как следствия угрозы). Так, согласно Остину, посредством осуществления *локуционного* акта (произнесения грамматически структурированных звуков) говорящий осуществляет *иллокуционный* акт (утверждает, приказывает, обещает и т. д.) и совершает *перлокуционный* акт (т. е. так или иначе воздействует на слушающего).

Аналогичным образом Грайс (см. 140) рассматривает употребление языковых выражений как определенного вида *действие*, направленное на достижение конкретных целей. Одна из таких целей, на которую ориентируются, осуществляя утверждение, заключается в принятии слушающим определенного мнения (*belief*); тогда произносящий предложение «*p*» рассматривается как имеющий намерение воздействовать на слушающего так, чтобы тот стал думать, что *p*. Позднее Грайс модифицирует эту теоретическую установку, указывая, что *a*, употребляя в отношении *b* утвердительное предложение «*p*», имеет намерение воздействовать на *b* так, чтобы *b* думал, что *a* думает, что *p* (см. 141). В аналогичном прагматическом ключе Сэрл рассматривает «конститутивные правила»,

¹ Ср. ниже подходы Монтегю и Крессвелла.

представляющие собой своеобразные нормы употребления языковых выражений как нормы языковой коммуникации; так, правило «искренности» гласит, что утверждение, осуществляемое посредством употребления предложения «*p*», означает, что говорящий думает, что *p* (280).

Такие попытки систематизации коммуникативного аспекта употребления естественного языка ведут к необходимости учета *намерений носителей языка*, к расширению самого понимания семантической проблематики анализа этого языка, осуществляемому за счет включения в эту проблематику *прагматических в широком смысле* аспектов употребления языковых выражений, хотя и, как увидим, без должного учета носителей языка как носителей определенных концептуальных систем. Именно в этих системах содержится знание смысла речевых актов, на основе которого носитель языка как носитель концептуальной системы реализует определенный иллокуционный и перлокуционный потенциал употребляемого им языкового выражения.

В концепциях референтной семантики в качестве методологической предпосылки анализа естественного языка принимается установка, что нет существенного теоретического различия между искусственными и естественными языками как интерпретируемыми системами знаков. Во всяком случае считается, что не имеется ничего такого, что препятствовало бы использованию одного и того же концептуального аппарата для анализа семантик этих языков. В качестве несущественной разницы между ними полагается степень эксплицитности правил образования выражений этих языков. Отсюда делают вывод, что, если правила грамматики естественного языка можно было бы сформулировать эксплицитно и полно, такую грамматику следовало бы рассматривать как грамматику формального языка.

Хотя конечная цель, преследуемая как в интерпретативной концепции семантики, так и в концепциях референтной семантики, состоит в формализации предиката «осмысленное выражение естественного языка», различие между этими подходами с точки зрения их психологической ориентации очевидно, не говоря уже о концептуальном различии этих подходов и о диапазоне охватываемых ими явлений естественного языка.

Представители трансформационной-генеративной теории стремятся охарактеризовать все возможные, но только

человеческие языки, развивая определенную гипотезу о структурных свойствах мозга. Предполагается, что знание структуры естественного языка ведет к раскрытию природы человеческого мышления, что каждый аспект трансформационной-генеративной грамматики обладает определенной психологической реальностью в некотором абстрактном смысле, именно в том, что интуиция носителей языка представляет факты в качестве источника для построения лингвистической теории, которая, в свою очередь, описывает абстрактные сущности. Представление естественного языка посредством определенной системы правил полагается психологически и физически реализуемым: такая система при надлежащей ее разработке рассматривается в качестве теоретической основы объяснения механизма усвоения языка (179).

Референтная теория в отличие от трансформационной-генеративной теории является теорией синтаксиса и семантики *любых языков как интерпретируемых систем знаков*. Критерий формальной строгости, элегантности зачастую преобладает в ней над критерием психологической достоверности. Так, для Монтегю синтаксис, семантика и прагматика естественного языка являются областями, относящимися не к психологии, а к *математике*, поэтому полагается совершенно естественным изучение языка посредством тех же методик, которые используются в математике при анализе формальных языков. При таком подходе, однако, не отвергается роль интуиции: аналогично тому, как, например, в геометрической теории используется определенная интуиция относительно точек и линий, при построении лингвистической теории обоснованна ссылка на интуицию носителей языка о его выражениях. Такая ссылка, однако, не предполагает согласия рассматриваемых интуиций.

При референтном подходе, как правило, строится некоторый формальный язык (или иерархия формальных языков в качестве постепенно усложняемых и приближающихся к реалиям естественного языка его формальных моделей) как фрагмент естественного языка, интерпретируемый в терминах семантики некоторого (формального) языка интенциональной логики. Или же строится некоторый формальный язык (например, язык временной интенциональной логики), дается семантика этого языка, а естественный язык интерпретируется опосредованно — путем указания определенной процедуры (правил) перевода

фрагмента естественного языка на формальный язык. При этом выбирается достаточно богатый, представительный фрагмент этого языка в том отношении, чтобы он, например, содержал квантификацию в экстенциональном и интенциональном контекстах, референцию посредством собственных имен и определенных дескрипций, неоднозначные языковые выражения и др.

Увеличение степени адекватности формальной модели естественного языка, внесение в нее характеристик, во все большей степени охватывающих реалии этого языка, рассматриваются как то, что принципиально достижимо путем дальнейшей разработки концептуального и технического аппарата модели.

Базисная синтаксическая абстрактная структура выражений рассматриваемых фрагментов естественного языка, как правило, задается в терминах «категориальной грамматики» в духе идей К. Айдукевича¹ (см. 74). Синтаксическая категория выражения считается базисной либо выводной (производной, составной) и определяется тем, какое новое выражение оно образует, вступая в комбинацию с другими выражениями естественного языка. Так, если $a, a_1, \dots, a_n$ являются любыми (базисными или выводными) категориями, то $(a/a_1 \dots a_n)$ является выводной категорией. Таким образом, вид категориального символа показывает, с выражением какой категории сочетается рассматриваемое выражение и к какой категории оно принадлежит. Так, a/a_1 означает, что речь идет о выражении, которое принимает выражение категории a_1 и дает выражение категории a . Множество выводных категорий, очевидно, является бесконечным.

Базисные структуры преобразуются в поверхностные структуры посредством ряда формальных синтаксических операций — «базисных правил» и «правил трансформации» в грамматике Льюиса, «правил элиминации логической

символики» в грамматике Крессвелла. Базисная структура, будучи задана в терминах категориальной грамматики, особенно удобна в качестве объекта семантической интерпретации: синтаксические правила грамматики указывают ход применения семантических операций (правил). Тем самым обеспечивается осуществление фрегевского принципа функциональности: выражение (его значение и смысл) выступает как функция, принимающая в качестве своих аргументов другие выражения (их значения и смыслы) и производящая новое выражение (его значение и смысл) в качестве своего значения.

Перейдем к общей характеристике собственно семантического компонента в концепциях референтной семантики естественного языка.

3. СМЫСЛ КАК ФУНКЦИЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Д. ЛЬЮИСА, Р. МОНТЕГЮ, М. КРЕССВЕЛЛА

В концепции Д. Льюиса¹ (201) смысл рассматривается как конструктор, построенный из элементов, принадлежащих разным онтологическим категориям. *Смысл предложения* — это то, что определяет его истинностное значение (экстенсию предложения) в различных возможных положениях вещей (возможных мирах), в различное время, в различных местах, для различных носителей языка и т. д. *Смысл имени*, согласно этой концепции, определяет, какой предмет (экстенсия имени) именуется в различных положениях вещей, в различное время и т. д. К категории предметов относятся как те, которые существуют в действительном мире, так и те, которые могли бы существовать в положениях вещей, отличных от действительного. Смысл общего существительного определяет, к какому множеству (возможных или действительных) предметов (как его экстенсии) оно относится в различных положениях вещей и т. д. Таким образом, смысл в данной концепции — это *функция* в наиболее общем теоретико-множественном понимании этого слова, при котором область аргументов, как и область значений функции, может состоять из *любой* сущностей.

¹ Мы начинаем наше рассмотрение именно с этой концепции лишь в целях простоты построения изложения: теоретически и исторически заслуга эксплицитного рассмотрения смысла выражений как *функции* принадлежит Монтегю.

¹ Строго говоря, имеется разница в определении категориального языка у разных исследователей. Например, Монтегю определяет его алгебраически, Льюис — в терминах грамматики «фразовых структур», Крессвелл — в теоретико-множественных терминах. Вообще «категориальная грамматика» рассматривается как «распознающая» грамматика. Речь в ней идет о такой процедуре анализа предложения, которая начинается с лексического уровня и завершается символом предложения. Однако в синтаксической метатеории «распознающие» грамматики формально эквивалентны «порождающим» грамматикам, предполагающим обратную процедуру синтаксического анализа предложения (см. 83).

Любая функция от индексов к соответствующим расширениям базисных категорий называется *интенсией*. В качестве интенсий выводных синтаксических категорий рассматриваются «композиционные интенсии», образование которых подсказывается соответствующими категориальными индексами синтаксических категорий. Если $a, a_1, \dots, a_n$ базисные или выводные синтаксические категории, интенсией категории $(a/a_1 \dots a_n)$ является n -нарная функция от a_1 -интенсий, ..., a_n -интенсий в качестве аргументов к a -интенсии в качестве значения функции. Иными словами, результатом конкатенации $(a/a_1 \dots a_n)$ с интенсией c_0 , a_1 с интенсией c_1 , ..., a_n с интенсией c_n является a с интенсией c_0 ($c_1 \dots c_n$). Так, в грамматике Льюиса, где в качестве базисных выступают категории предложения S , имени N и общего существительного C , интенсия прилагательного C/C рассматривается как любая функция от интенсий для C к интенсии для C , т. е. функция, область аргументов и область значений которой состоит из функций от индексов к множествам предметов.

Интенсией категории наречия $(S/N)/(S/N)$ является функция от интенсий глагольных фраз к интенсиям глагольных фраз, т. е. функция от функции, которая является функцией от функции, которая является функцией от индексов к предметам, к функции от индексов к истинностным значениям, к функции от функции, которая является функцией от индексов к предметам, к функции от индексов к истинностным значениям (!). Не трудно представить, как громоздок конструктор, представляющий интенсию для наречий, модифицирующих другие наречия, т. е. для категории $((S/N)(S/N)/(S/N)/(S/N))$ и т. д. Однако за сложностью таких конструкторов нельзя не видеть простоты принципов их строения. В этой связи можно провести аналогию с ситуацией, имеющей место при теоретико-множественной реконструкции, или экспликации, понятия действительного числа, интуитивно довольно простого, хотя теоретически описываемого не менее сложно.

Смысл в рассматриваемой модели, однако, не всегда тождествен интенсии, ибо возможны различия в смысле, не сопровождаемые различием интенсий. Так, о логических тавтологиях (всегда истинных предложениях) можно сказать, что они имеют одну и ту же интенсию, а именно постоянную функцию, имеющую при любом индексе истинностное значение *Истина*, но нельзя сказать (исключая тривиальный случай, когда речь идет об одной и той же

тавтологии), что они в этом случае имеют *один и тот же смысл*.

Так, семантическое отличие предложения «Трава является зеленой или трава не является зеленой» от «Снег является белым или снег не является белым» состоит в различии интенсий, *составляющих* соответственно выражения «Трава является зеленой» и «Снег является белым». Следовательно, только тогда, когда рассматриваются интенсии составляющих и т. д. (т. е. когда достигается уровень простых лексических составляющих как составляющих терминальной цепочки базисной структуры), *тождество интенсий* можно рассматривать как необходимое и достаточное условие *тождества смыслов*.

Согласно Льюису, «различия в интенсии дают нам грубые различия в смысле. Тонких различий в смысле мы должны искать в анализе сложного выражения на его составляющие и в интенсиях этих составляющих» (201, с. 182). Поэтому смысл у Льюиса отождествляется с семантически интерпретированным фразовым маркером (фразовой структурой) без его терминальных узлов (вершин). Смысл определяется как такое дерево, каждый узел которого занят упорядоченной парой $\langle a, c \rangle$, состоящей из категории и соответствующей интенсии для этой категории, и непосредственно под каждым нетерминальным узлом, занятым такой парой, имеются два или более узла, занятые парами $\langle a_0, c_0 \rangle$, $\langle a_1, c_1 \rangle$, ..., $\langle a_n, c_n \rangle$ такими, что a_0 является $(a/a_1 \dots a_n)$, а c является c_0 ($c_1 \dots c_n$) (201, с. 184).

Таким образом, поскольку смысл в концепции Льюиса отождествляется с семантически интерпретированными фразовыми маркерами, синтаксические правила фразовой структуры категориальной грамматики вместе с соответствующими семантическими правилами проекции являют собой условия *правильности построения смыслов*, или *правила осмысленности*, языковых выражений.

Если смысл является деревом с единственным узлом, то он полагается простым, а все другие смыслы — сложными. Последние образуются из простых смыслов, представленных в лексиконе естественного языка (как инвентаре простых смыслов) посредством процедуры, согласно которой несколько смыслов (простых или сложных) соединяются в качестве субдеревьев под новым узлом. Смысл m' называется составляющей смысла m , если и только если m' является субдеревом m ; говорится, что m порождается

множеством простых смыслов, если и только если каждая простая составляющая m' принадлежит этому множеству.

Располагая в качестве фундаментального определением истинности предложения при определенном индексе, Льюис может перейти к определению других важных выводных семантических отношений и свойств языковых выражений, таких, как логическая истинность (как истинность выражения во всех возможных мирах), аналитичность (как истинность при любом индексе), логическое следствие (S' полагается логическим следствием S , если и только если S' является истинным во всех тех мирах, в которых истинно S ; тогда S' логически следует из S , или S логически имплицирует S') и др.

Семантическая концепция Льюиса является одной из наиболее простых референтных концепций, использующих семантику «возможных миров». Ее можно рассматривать в качестве классического примера использования концептуального аппарата интенциональной логики для анализа (несложных) реалий естественного языка, в качестве «введения» в такое применение интенциональной логики. Существенным в этой концепции, как, впрочем, и в других ниже характеризуемых ее аналогах, является понимание смысла как *интенциональной функции*, а аспекта *осмысленности* выражений естественного языка как аспекта их *интерпретации на определенном множестве интенциональных объектов* аналогично интерпретации выражений формального языка. В этой концепции (как и в рассматриваемых далее концепциях Монтегю и Крессвелла) в отличие от интерпретативной теории положительным является то, что именно посредством функционального рассмотрения смысла уже устанавливается связь между *естественным языком* и *миром*, вернее, между «семантикой языка» как теоретическим конструктом и миром. При этом осуществляется минимальная, но конструктивная попытка формально (т. е. средствами теории) учесть самого носителя языка в качестве одного из прагматических факторов, именно как референта индексного выражения. Такая попытка, несмотря на ее ограниченность, представляет собой шаг в расширении возможностей логического описания языка, в расширении понимания самой проблематики смысла.

Перейдем к характеристике семантической концепции Р. Монтегю, одного из наиболее видных представителей референтного направления анализа естественного языка.

Цель его исследований — построение семантической теории естественного языка как теории логической формы его выражений, которая на основе придания этим выражениям определенной формы, или структуры, делала бы возможным построение теории истины для данного языка. Согласно Монтегю, если основная цель синтаксической теории состоит в том, чтобы охарактеризовать (строго определить) различные синтаксические категории языка, то основная цель построения теории семантики — охарактеризовать понятие истинного предложения и понятие следования. Термин «грамматика Монтегю» относят, как правило, к идеям, изложенным в двух работах (223, 224), составляющих ныне основу определенной школы формального анализа естественного языка.

Как принято в работах Монтегю, вслед за рекурсивным определением синтаксически правильно построенного выражения, принадлежащего к определенной — базисной или выводной — категории, вслед за введением синтаксического понятия дерева анализа предложения (являющегося, скорее, аналогом «трансформационных», нежели фразовых, структур трансформационной-генеративной грамматики) демонстрируется синтаксический способ построения выражения, содержащий информацию о последовательности и содержании синтаксических операций, определяющих его строение.

Соответственно синтаксическим вводятся семантические — базисные и выводные — категории: определяется понятие модели как непустого множества E («модельной структуры») и f — функции приписывания базисным выражениям соответствующих сущностей из множества E . Определение модели обуславливает объекты, которые должны соотноситься с базисными выражениями в качестве их семантических значений (*values*), в качестве их возможных *денотаций*. Вводя соответствующие синтаксическим семантические операции, получают экспликацию в терминах рассматриваемого подхода понятие истины предложения относительно определенной точки референции и определенной интерпретации, понятие неоднозначности¹, логической истинности, логического следования и др.

¹ Так, истинность неоднозначного предложения определяется относительно определенного разрешения его неоднозначности посредством представления разных деревьев его анализа; таким образом, истинность определяется для пар, состоящих из предложения

В схематизированном виде семантические идеи теории Монтегю можно представить следующим образом.

Семантические категории вводятся посредством указания (строго говоря, посредством рекурсивного определения) множества возможных денотаций D соответствующих синтаксических категорий относительно модельной структуры. Каждая из них соотносится с определенной семантической категорией, или *типом*, по терминологии Монтегю, как типом определенных денотаций.

Типы в семантической теории играют роль, аналогичную роли синтаксических категорий в синтаксической теории, причем какой именно тип должен быть приписан данной синтаксической категории — дело интуитивного, дотеоретического понимания языка. Строго говоря, модель языка приписывает семантические значения только базисным выражениям естественного языка. Приписывание определенных значений выводным выражениям осуществляется посредством семантических правил, формулировка которых не является проблематичной, так как они являются семантическим аналогом соответствующих синтаксических правил: для каждого синтаксического правила имеется соответствующее семантическое правило. Так, множество возможных денотаций индивидуальных выражений относительно модельной структуры E принадлежит типу e сущностей множества E , т. е. $D_{e,E} = E$, или $f(\langle a \rangle) \in E$, где $\langle a \rangle$ — индивидуальное выражение, т. е. функция f соотносит с каждым индивидуальным выражением (например, собственным именем) один и только один элемент E .

Множество возможных денотаций повествовательных предложений относится к типу t и является множеством истинностных значений бинарной логики $\{0, 1\}$, т. е. $D_{t,E} = \{0, 1\}$; множество денотаций непереходных глаголов (одноместных предикатов — в логической терминологии) относится к типу $\langle e, t \rangle$, т. е. $D_{\langle e, t \rangle} = D_{t,E}^{De,E}$, или $f(\langle P \rangle) = \{0, 1\}^E$, где $\langle P \rangle$ — непереходный глагол. Вообще множество денотаций других синтаксических категорий относительно модельной структуры E определимо рекурсивно и может быть выражено формулой: $D_{A,B,E} = D_{B,E}^{DA,E}$, или $D_{0E}^{D_1, x} \dots x D_n$, где A, B — синтаксические категории, а под X^Y , как обычно, понимается множество всех функций

и определенного анализа его структуры. Только относительно разрешающего неоднозначность предложения анализа определяется и понятие логического следования.

с аргументами в Y и значениями в X , а под $X \times Y$ понимается картезианское умножение X на Y (т. е. множество упорядоченных пар таких, что $x \in X, y \in Y$).

Понятие *интенсии* языкового выражения вводится ввиду недостаточности экстенциональной модели $\langle E, f \rangle$ для семантического анализа предложений, содержащих интенциональные выражения, ввиду, например, необходимости учесть временной аспект предложений естественного языка. В последнем случае, например, из рассмотрения грамматической категории прошедшего времени явствует, что она не может полагаться в качестве истинностно-функционального оператора, учитывающего экстенциональные значения предложений как их возможные денотации в модели $\langle E, f \rangle$. Так, истинностные значения предложений, относящихся к прошлому, зависят не только от истинностных значений их аналогов, относящихся к настоящему; истинностное значение первых в момент времени i зависит от истинностных значений вторых в моментах времени, отличных от i .

Обнаружение аналогии структуры временных операторов структуре модальных операторов определило то, что множество факторов, относительно которых должна определяться экстенсия соответствующих языковых выражений, было расширено посредством отнесения к этому множеству моментов времени. Поэтому вместо системы $\langle E, f \rangle$ принимается система $\langle\langle E, I, \langle \rangle, f \rangle\rangle$, называемая «*интерпретацией*», а $\langle E, I \rangle$ — соответственно «*интерпретационной структурой*», в которой I — непустое линейно упорядоченное (в данном случае отношением $\langle$) множество моментов времени. В более широком понимании I можно рассматривать как множество возможных миров. В этой связи, особенно в плане онтологических допущений, важно отметить, что существенно абстрактный характер рассматриваемой теории заключается в том, что она допускает как разнообразие интерпретационных приписываний, так и разнообразие интерпретационных структур, не предпреляя тем самым вопроса о том, какие множества сущностей или возможных миров являются «правильными», «отмеченными» для интерпретации данного естественного языка.

Роль интерпретации заключается в приписывании интенсий, или смыслов, языковым выражениям. Соответственно модель в понимании $\langle E, f \rangle$ становится парой $\langle\langle\langle E, I, \langle \rangle, f \rangle, i \rangle\rangle$, где $i \in I$: речь идет о приписыва-

нии посредством определенных функций, называемых интенсиями, возможных денотаций (в указанном смысле) языковым выражением относительно I . Так, интенсия предложения «Сегодня среда» является функцией от I к определенному истинностному значению как экстенсии этого предложения в определенный момент времени, интенсия индивидуального выражения (в данном случае собственного имени), например «Р. Рейган», полагается константной функцией от I к определенному члену множества E в отличие от интенсии определенной дескрипции «Нынешний президент США», имеющей различные значения в различные моменты времени или в различных возможных мирах. Вообще полагается, что функции, соотносимые с индивидуальными выражениями, не обязательно являются константными: так N и M как интенсии индивидуальных выражений « a » и « b » соответственно могут иметь то же функциональное значение в некоторых, но не во всех $i \in I$. Именно этим объясняется информативность утверждений тождества (вроде «Утренняя звезда является Вечерней звездой»).

Таким образом, для каждого семантического типа A относительно интерпретационной структуры $\langle E, I \rangle$ утверждается определенный тип интенсий $\langle s, A \rangle$ как *тип смыслов*, соответствующих выражениям типа A . Понятие возможной денотации таким образом расширяется за счет введения новой категории семантических типов: $D_{\langle s, A \rangle, E, I}$ понимается как функция $D_{A, E, I}^1$ — где $D_{\langle s, A \rangle}$ — множество возможных денотаций семантического типа $\langle s, A \rangle$. Так, относительно интерпретационной структуры $\langle E, I, < \rangle$ множество E^I является множеством возможных денотаций, которые являются интенсиями, принадлежащими семантическому типу $\langle s, e \rangle$ и относящимися к индивидуальным выражениям, иначе говоря, речь идет о множестве «*индивидуальных концептов*». *Интенсия предложения*, или *пропозиция*, относится к семантическому типу $\langle s, t \rangle$, интенсия непереходного глагола — к $\langle s, \langle e, t \rangle \rangle$ и т. д. (так, если « P »: «идет», то интенсия « P » есть функция N — такая, что, если i — возможный мир, $N(i)$ является функцией M от сущностей к истинностным значениям, такой, что $M(x) = 1$, если и только если x идет в мире i). Интенсия прилагательных, поскольку они модифицируют общее существительное (или фразу общего существительного) и дают новые общие существительные (их фразы), рассматривается как функции от свойств к

свойствам и относится к семантическому типу $\langle s, \langle \langle s, \langle e, t \rangle \rangle, \langle s, \langle e, t \rangle \rangle \rangle \rangle$ и т. д.

Таким образом, рассматриваются два способа приписывания семантического значения (*value*) языковому выражению « a »: наряду с экстенсией $Ext \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle, i$ « a » выражения рассматривается интенсия $Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « a ». При таком подходе понятия экстенсии и интенсии оказываются взаимопределимыми: $Ext \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle, i$ « a » = $N(i)$, где $N = Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « a », и вообще, если $Ext \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle, i$ « a » принадлежит типу A , то $Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « a » является такой функцией N от I к множеству возможных денотаций типа A , что для всех $i \in I$, $N(i) = Ext \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle, i$ « a ». Эта взаимопределимость интенсии и экстенсии означает следующее. Во-первых, для рекурсивного определения может быть выбрано одно из этих понятий, соответственно речь может идти о приписывании синтаксической категории посредством определенной функции определенного семантического типа как семантического типа выражений, принадлежащих данной синтаксической категории (и тогда, например, если « P » — непереходный глагол, « a » — индивидуальное выражение, $Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « Pa » = M , где M является функцией от I к $\{0, 1\}$ — такой, что $M(i) = (Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « P »)(i))($N(i)$), где $N = Int \langle \langle E, I, < \rangle, f \rangle$ « a »)). Во-вторых, интенсии могут быть введены в семантику совершенно естественно на базе экстенциональных теорий.

Определяемая интерпретацией функция f не только приписывает семантические значения (*values*) базисным выражениям, но и приписывает определенные семантические операции синтаксическим операциям как n -нарные функции от возможных денотаций к возможным денотациям. На интенциональном уровне действие этих семантических функций сводится к действию одних интенсий над другими интенсиями. Так, если N_1 имеет семантический тип $\langle s, \langle A, B \rangle \rangle$, а N_2 — семантический тип $\langle s, A \rangle$ и $i \in I$ ($N_1(i)$ в таком случае имеет тип $\langle A, B \rangle$, а $N_2(i)$ — тип A), тогда речь идет об интенциональном применении N_1 к N_2 , результатом чего является интенсия M типа $\langle s, B \rangle$ — такая, что $M(i) = (N_1(i))(N_2(i))$. Так, если « P » («идет») приписывается интенсия N_1 типа $\langle s, \langle e, t \rangle \rangle$ и « a » приписывается интенсия N_2 типа $\langle s, e \rangle$, тогда « Pa » имеет интенсия, которая является результатом интенционального применения N_1 к N_2 .

Существенными для понимания семантической концеп-

ции Монтегю и его вклада в решение задач логико-фило-софского анализа естественного языка являются, с нашей точки зрения, следующие два методологически взаимосвязанных вопроса. *Первый*, более общий с точки зрения методологической, касается понимания задач семантической теории естественного языка. *Второй* — теоретически более специфический, но не менее важный методологически — относится к семантическому и синтаксическому статусу, который в ней получают собственные имена и вообще индивидуальные выражения (к обсуждению этого вопроса в более широком теоретическом контексте мы вернемся в гл. III).

Успешное решение основной задачи семантической теории, в понимании Монтегю, заключается в теоретическом объяснении того, как, во-первых, различные *виды смыслов* связываются с различными синтаксическими категориями и как, во-вторых, смысл выражения зависит от смыслов его составляющих и, следовательно, определяет условия, при которых то или иное предложение является истинным. Эта теория, однако, не дает экспликации внутрикатегориальных семантических различий дескриптивных — в отличие от логических — выражений естественного языка. В этом ее существенный недостаток, принципиально ограничивающий ее объяснительные возможности. Семантическая теория Монтегю не дает объяснения смыслового различия любых двух выражений естественного языка, принадлежащих к той же (дескриптивной) синтаксической категории (например, глаголов «идти» и «бежать», которые различаются по смыслу, что фиксируется в словаре; однако составление словаря требует определенного знания мира). Такое объяснение Монтегю относит к сфере лексикографии, занятой составлением словарей и, как он полагает, имеющей дело с понятиями, относящимися к разным областям научного и обыденного познания. Следует подчеркнуть, что кроме неадекватности такого подхода интуиции носителей естественного языка теоретическое игнорирование внутрикатегориальных различий влечет крайне проблематические следствия и для принимаемого в теории в качестве базисного понятия *возможного мира*: в таком случае интуитивно противоречивые предложения (вроде «Фидо белый» и «Фидо черный»), очевидно, тоже описывают определенный возможный мир.

Проведение внутрикатегориальных различий в рассматриваемой теории вообще необходимо лишь в той степени,

в которой они обеспечивают наличие семантического правила для каждого синтаксического правила естественного языка. Проведение таких различий по сути дела ограничивается теми синтаксическими категориями (т. е. содержащимися в них базисными выражениями), которые существенны — в общем проекте построения определения истинности для предложений естественного языка — для определения понятия общезначимости, для теоретической реконструкции понятия логически правильного вывода исходя из *традиционного* понимания логической формы. Поэтому, хотя, например, кванторные выражения «каждый» и «некоторые» относятся к одной синтаксической категории, им в целях экспликации феномена универсальной и экзистенциальной квантификации приписываются вполне определенные смыслы. Эти выражения рассматриваются как логические константы, их денотация не зависит от моделей в отличие от выражений, которые функционируют как логические переменные, — их денотация относительна рассматриваемой модели. Дифференциация семантики других базисных выражений, важных для теоретической реконструкции интуитивно правильных выводов, равно как восстановление «нейтрализованных» теорий логически правильных выводов, полагается достижимой без придания им статуса логических констант, а посредством введения «*постулатов смысла*» (о неудовлетворительности такого подхода пойдет речь ниже).

В указанной теории собственные имена являются «*логически определенными*» относительно рассматриваемой интерпретации, т. е. их экстенсии понимаются как *инвариантные* относительно возможных миров и контекстов их употребления, что выражается формулой $(x) \Box (x = a)$, где a — имя, (x) — квантор общности, x — индивидуальная переменная, $\Box$ — модальный оператор необходимости (224, с. 235). Иными словами, полагается, что имеется *фиксированное множество индивидов* (как возможных денотаций имен), которое является областью значения функций, конституирующих их смыслы. Таким образом, если i — возможный мир и E_i — множество объектов, существующих в i , тогда объединение множеств E_i для всех i в данной интерпретации может рассматриваться как множество всех возможных индивидов.

Семантический статус имен в работах Монтегю претерпел значительные изменения, что связано с исследованием аналогии между именами и кванторными выражениями

(фразами). Отправным пунктом такого представления служит интуиция, связанная с традиционным пониманием аналогичности роли имен и кванторных выражений как фраз существительного; так, «Джон идет», «Человек идет» рассматриваются как имеющие одну и ту же форму. Известно, что в первопорядковой логике кванторы представляются как не имеющие самостоятельного значения (221): универсальные формулы образуются путем подстановки на место переменной в формуле « Px » выражения, имеющего форму «каждый a », где « a » фраза общего существительного.

Интерпретация кванторов как самостоятельных синтаксических категорий осуществима в логике более высокого порядка как свойств второго порядка. В теории Монтегю, где свойства относятся к типу $\langle s, \langle e, t \rangle \rangle$, кванторные выражения вроде «человек» (« $a\ man$ »¹), «каждый человек», «никто» и т. д. относятся к типу $\langle s, \langle \langle s, \langle e, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle$. Так, выражению «человек» (« $a\ man$ »), вернее, соответствующему объекту приписывается свойство « P », если и только если имеется человек, по отношению к которому « P » истинно. Соответственно предложение «Человек идет» истинно, если и только если свойство «идти» является свойством, представленным выражением «человек». Предложение «Мэри любит кого-то» истинно, если и только если свойство «быть любимым Мэри» есть свойство, представленное выражением «кто-то». «Джон думает, что Мэри надеется, что кто-то ее любит» истинно, если и только если свойство, выражаемое формулой «Джон думает, что Мэри надеется, что x любит ее», имеет свойство, которое представлено выражением «кто-то».

Аналогично тому, как имя, вступая в связь (комбинацию) с непереходным глаголом, образует предложение, вступая в связь с переходным глаголом — непереходную глагольную фразу, а содержащиеся в предложении местоимения (как в «Джон думает, что Мэри говорит о нем») связываются определенными собственными именами, так и кванторные фразы вступают в комбинацию с другими составляющими предложения и рассматриваются как образующие фразы существительного из фраз существительного. Соответственно в канонической записи знак, пред-

ставляющий кванторную фразу, ставится в связь с формулой относительно определенной, содержащейся в ней переменной, образуя новую формулу. При этом содержание данной связи объясняет, согласно Монтегю, две возможные интерпретации — *референциальную* и *атрибутивную* — соответствующих кванторных выражений (как в предложениях «Джон ищет единорога», «Джон говорит о единороге», «Джон должен Смиуту лошадь» и т. п.)¹.

Таким образом, проведение аналогии между собственными именами и кванторными выражениями приводит Монтегю к приписыванию собственным именам той же синтаксической категории и того же семантического типа, а именно $\langle s, \langle \langle s, \langle e, t \rangle \rangle, t \rangle \rangle$ (224). Обратный путь, т. е. рассмотрение семантического статуса кванторных фраз как обозначающих определенные сущности, очевидно, несовместим с интуицией. В результате такого унифицирующего подхода собственное имя рассматривается как выражающее *свойство свойств*, что хотя и представляется искусственным, но не ведет к пересмотру истинностных значений предложений. Так, имя «Джон» рассматривается как выражающее свойство одного из свойств, которыми обладает Джон, и тогда предложение «Джон идет» истинно, если и только если свойство «идти» является одним из свойств, которыми обладает Джон. Такая интерпретация, однако, дает побочные логически нежелательные следствия, такие, как, например, отрицание общезначимости «Джон является холостяком или Джон не является холостяком», приписывание неоднозначности предложениям, таким, как «Джон любит Мэри» и т. д. (Эти следствия, как уже не раз отмечалось, предполагается упразднить введением соответствующих *постулатов смысла*.)

Искусственность такого подхода с точки зрения интуитивной проявляется в очень сложной интерпретации самых элементарных предложений, относительно которых можно говорить о своеобразном обращении понимания предикации. Так, в случае анализа предложения «Джон идет» свойство индивидуальных концептов, выраженное глаголом «идет», имеет второпорядковое свойство, выражаемое собственным именем «Джон», т. е. в теоретико-множественной интерпретации речь идет не о принадлежности Джона множеству идущих, а *наоборот* — о включении хождения во множество атрибутов Джона. Следствием

¹ Кванторность этого выражения в английском языке передается неопределенным артиклем перед фразой существительного.

¹ Подробнее об этом см. главу III.

такого подхода является и отрицание общезначимости рассуждений вроде «Джон является мэром города. Джон бежит. Следовательно, мэр города бежит». Это та дорогая цена, которую приходится платить за такую унифицированность обсуждаемого подхода.

Наконец, в расширенном понимании Монтегю семантической теории, охватывающем анализ предложений, содержащих индексалы («теперь», «здесь», «там», «он», «это» и т. д.), и интегрирующем в семантику определенные *прагматические* аспекты употребления естественного языка, интенсия выражения рассматривается не только относительно возможного мира i , но и относительно определенного контекста его употребления j ; соответственно говорится об экстенсии выражения относительно пары $\langle i, j \rangle$. Интерпретационная структура тогда в качестве дополнительной составляющей содержит множество *контекстов употребления* J . Такое множество, например, может представлять собой разбиение I на подмножества, связанные между собой отношением «меньше» ($<$). Таким образом, под интерпретацией понимается структура $\langle E, I, <, J \rangle, f \rangle$, где f есть функция приписывания, учитывающая также и фактор *контекста употребления*. Такие определенные относительно возможных миров и контекстов употребления сущности Монтегю называют «*значениями*» (*meanings*) в отличие от выше рассмотренных *смыслов* (*senses*).

Интуитивно основание для различия между значениями и смыслами состоит в том, что значения являются теми сущностями, которые служат для интерпретации выражений, и потому, если интерпретация сложного выражения есть функция интерпретации его составляющих, значения не должны отождествляться с функциями только от возможных миров. Смыслы, в свою очередь, являются такими интенциональными сущностями, которые обозначаются выражениями (223, с. 379). Иными словами, хотя экстенсии приписываются выражениям относительно возможных миров и контекстов употребления, только первые входят в построение возможных денотаций. Данное различие смысла и значения не следует принимать за классическое (проводимое со времен Фреге) различие между *смыслом* (*sense* — в понимании Монтегю) и *значением* (*meaning* — в понимании Монтегю). Рассматриваемое различие относится к дополнительному различию между терминами, обозначающими *интенциональные* сущности.

Богатство, разработанность формальных средств, используемых Монтегю, позволяют охватить в некоторой степени, описать этими средствами важный для определения смысла языковых выражений фактор *контекста их употребления*. Так, рассмотрение этого фактора позволяет ему наряду с понятием семантической общезначимости построить определение понятия *прагматической общезначимости*, т. е. истинности выражения во всех случаях его произнесения. Предложение полагается прагматически общезначимым, если для всех интерпретаций $\langle \langle E, I, <, J \rangle, f \rangle \text{ Ext } \langle \langle E, I, <, J \rangle, f \rangle, \langle i, j \rangle \langle a \rangle = 1$ для всех индексов $\langle i, j \rangle$, таких, что $i \in j$. При этом возможно, что прагматически общезначимое предложение не является семантически общезначимым («Я существую», «Вчера уже минуло» и т. д.). Так, если x — индексное выражение, « P » — предикатное выражение, $\text{Int} \langle \langle E, I, <, J \rangle, f \rangle, i \langle Px \rangle$ отличается от $\text{Int} \langle \langle E, I, <, J \rangle, f \rangle, j \langle Px \rangle$, если $j \neq i$ (например, если x — это «вчера», x интерпретируется так, что в определенном контексте употребления j x функционирует как собственное имя для предшествовавшего j , и тогда $f(\langle x \rangle, j) = N$, где $N = \text{Int} \langle \langle E, I, <, J \rangle, f \rangle, i$ является функцией от I к E , такой, что для всех $i \in I$ $N(i) = x(j)$. Хотя пропозиции, выражаемые « Px », меняются в зависимости от контекста употребления, « Px » истинно всегда, когда оно произносится.

Семантические исследования Монтегю, как и его синтаксические исследования естественного языка, выделяются строгостью теоретических разработок, достигаемой определением функции перевода выражений этого языка на язык интенциональной логики, хорошо исследованной логической системы, характеризующейся большими выразительными возможностями. Достоинство теории Монтегю в широте и значимости диапазона грамматических явлений, охватываемых предлагаемыми в ней аналитическими процедурами. Можно сказать, что в теории Монтегю естественный язык получает наиболее полное (по сравнению с другими теориями) и строгое описание, а используемый им метод формализации дает возможность на научном языке говорить о тех аспектах смысловой стороны естественного языка, которые долгое время считались недоступными строгому описанию. Сказанное существенно усиливается тем обстоятельством, что разработанный в этой теории формальный аппарат анализа смысла ориентирован на соотнесение языка и мира, а не просто на автоном-

ное описание смысла. Именно следование идее формализации, не допускающей неясностей, неопределенностей, неполноты формального описания, а также трудность языковых реалий, подвергающихся такому описанию, определяют одновременно эксплицитность и сложность семантической концепции Монтегю.

Вместе с тем методологически неудовлетворительным следствием данного анализа (как, впрочем, и предлагаемого в рассматриваемой концепции Крессвелла) является постулирование абсолютного универсума объектов, соотносимого с выражениями естественного языка, вытекающее из некритического понимания аналогии между формальным и естественным языками как системами знаков, интерпретируемыми на заданном множестве семантических объектов. Такое понимание есть результат неверного истолкования *самой природы естественного языка* — как если бы он был просто более сложным случаем формального языка. Интерпретация выражений первого, приписывание им определенной семантики осуществляются, как будет показано ниже, не на каком-то абсолютном, едином для всех носителей языка наборе семантических сущностей, а на основе информации, которой носители языка располагают о мире и которая имеет характер определенной системы их представлений и знаний о нем.

Интенциональный анализ естественного языка предпринимается и М. Крессвеллом (112, 114), строящим ряд формальных категориальных языков в качестве теоретических приближений к естественным языкам. Концептуальная близость этих исследований освобождает нас от изложения общих теоретических установок, разделяемых Крессвеллом. Мы коснемся только тех аспектов семантических представлений Крессвелла, которые в той или иной степени свидетельствуют об оригинальности и конструктивности его подхода.

В качестве первого приближения к формальному анализу понятия смысла как интенционального объекта, приписываемого определенной функцией предложению естественного языка, рассматривается *пропозиция как множество возможных миров* (объемлющих и ряд контекстуальных факторов). Соответственно пропозиция p полагается истинной в возможном мире w , если и только если этот мир входит в рассматриваемую пропозицию как во множество миров, т. е. если и только если $w \in p$. Исходя из этого понимания пропозиция полагается логически необходи-

мой (логически истинной), если она содержит в качестве своих членов все возможные миры; логически невозможной — если она является ложной во всех возможных мирах, и тогда она отождествляется с пустым множеством; одна пропозиция влечет другую, если и только если она является подмножеством другой; пропозиции считаются несовместимыми, если и только если они не содержат общего возможного мира.

Крессвелл в отличие от Льюиса и Монтегю предпринимает попытку анализа понятия «возможные миры» в терминах понятия множества «базисных специфических (*basic-particular*) ситуаций» как множества B всех пространственно-временных точек: имеются в виду базисные ситуации не в эпистемологическом смысле, а с точки зрения той роли, которую они играют в теории. Тогда подмножество w множества B понимается как определяющее *возможный мир*.

Следствием отождествления пропозиции с множеством возможных миров является то, что пропозиции должны рассматриваться как тождественные, если и только если они представляют собой то же множество возможных миров. Это, в свою очередь, приводит к интуитивно неудовлетворительному утверждению, что пропозиции являются тождественными, если и только если они *логически эквивалентны* (ибо пропозиции являются логически эквивалентными, если и только если они являются тем же множеством возможных миров). Неудовлетворительность такого подхода очевидна при анализе пропозициональных установок (например, контекстов мнения) как логически эквивалентных пропозиций.

Рассматриваемый Крессвеллом в качестве альтернативного подход, при котором множество возможных миров делится на «возможные» и «невозможные», «классические» и «неклассические», а две пропозиции считаются логически эквивалентными, если и только если они содержат те же классические миры, хотя, возможно, различаются в других, неклассических мирах, неудовлетворителен. Это обусловлено тем, что 1) вводится постулат о мирах, которые в определенном смысле являются невозможными, а проблема критериев их отождествления и различения сводится к их роли в теории, 2) некоторые миры признаются более логически возможными, нежели другие, что противоречит идее анализа возможных миров в терминах пространственно-временных точек: невозможные миры не могут быть

в этом случае множествами пространственно-временных точек.

Наконец, Крессвелл пересматривает определение пропозиции как множества возможных миров. В терминах множества возможных миров определяется не пропозиция, а то, что называется «*прото-пропозицией*» и, таким образом, используется для определения логической эквивалентности, необходимости, следования и других логических отношений. Тогда логически несовместимые прото-пропозиции образуют не мир, а то, что Крессвелл называет «*небом*» (*heaven*). При этом, хотя ни одно небо не является миром, некоторые небеса соответствуют мирам, поскольку образующие их прото-пропозиции совместно характеризуют определенный мир: вводится понятие мира-неба как множества h прото-пропозиций, для которых имеется некоторый мир w , такой, что для любой прото-пропозиции h_i , $h_i \in h$, если и только если $w \in h_i$. Тогда пропозиция определяется как *множество небес*. Две пропозиции рассматриваются как логически эквивалентные, если и только если они истинны в тех же мирах. (Если p и $q \in P$, то они являются логически эквивалентными, если и только если $p \cap C = q \cap C$, где P — множество пропозиций, C — множество миров-небес; p — логически необходимо, если и только если $C \subseteq p$; p влечет q , если и только если $p \cap C \subseteq q \cap C$ и т. д.) Пропозиции полагаются идентичными, если они содержат те же небеса, но не необходимо, если они содержат те же миры-небеса (т. е. возможно $p \cap C = q \cap C$, но $p \neq q$).

При анализе пропозиций и определении их отношений не делается ссылки на язык. Последняя имеет место лишь при рассмотрении синонимии языковых выражений. Так, « a » и « b » полагаются синонимичными для данной интерпретации $\langle P, V \rangle$ (где V — функция приписания семантических значений), если и только если $V(\langle a \rangle) = V(\langle b \rangle)$. Хотя синонимичные предложения логически эквивалентны, обратное не обязательно имеет место для некоторых моделей, и вообще в теориях референтной семантики рассмотрение пропозиций как функций от возможных миров к истинностным значениям принципиально не связано с анализом языка — естественного или искусственного. Статус пропозиций таков, что они могут рассматриваться отвлеченно, с одной стороны, от конкретных языков и их лингвистических формулировок (т. е. выражающих их предложений), с другой — от тех речевых актов, в которых

они фигурируют (утверждений, приказов, вопросов и т. д.). Но поскольку одна из функций естественного языка заключается в выражении пропозиций, семантическая теория должна специфицировать правила, соотносящие предложения этого языка с пропозициями, которые они выражают. Абстрагированное рассмотрение пропозиций в таком случае способствует более ясному пониманию взаимоотношения между этими сущностями (языковыми выражениями и пропозициями).

Индивидуальный концепт как значение функции интерпретации индивидуальных выражений Крессвелл понимает как функцию (возможно, константную) от возможных миров к предметам и — аналогично Монтегю — рассматривает свойства этих концептов. Понятие предмета (физического объекта, события, состояния, процесса) или — по аналогии с базисными специфичными ситуациями — базисного индивида, в свою очередь, определяется как функция r от возможного мира w к части этого мира (при этом широкое понимание термина «базисный индивид» не обязывает Крессвелла к принятию требования пространственно-временной непрерывности базисных индивидов). Значение функции r в возможном мире w называется «*манифестацией*» r в w или, согласно традиции референтной семантики, *экстенсией* r в w . Крессвелл сознательно избегает употребления в данном контексте термина «экстенсия», так как последний наводит на мысль, что индивид является значением функции, а не, как полагается, *самой функцией*. В формальной семантической модели Крессвелла допускается существование того же базисного индивида в более чем одном мире, при этом его манифестация может быть разной в различных возможных мирах, что равносильно рассмотрению таких возможных миров, в которых этот индивид существует, но обладает другими свойствами.

Наконец, для анализа языковых выражений, содержащих индексные элементы (например, «Я хозяин этого дома»), Крессвелл вводит понятие *открытой пропозиции* (по аналогии с «открытыми предложениями» Куайна (246) как формулы, содержащей свободные — по крайней мере одну — переменные) как функции от того, что выше называлось «контекстуальными факторами» употребления языковых выражений, или, по Крессвеллу, от *свойств произнесений* (*utterances*) к пропозициям. Он называет эти функции «*значением*» предложения, а пропозицию, которая

является значением такой функции, — «*смыслом*» предложения (ср. аналогичный подход Монтегю).

Вообще разделение на интенциональном уровне *смысла* и *значения* предложения зависит от того, полагается ли в данной концепции целесообразным различение *семантических* и *прагматических* аспектов языка. В случае теоретической интеграции этих аспектов (как в семантике-прагматике Монтегю) пропозиция рассматривается как функция от возможных миров и контекстов употребления языковых выражений к истинностным значениям. В случае их разделения интерпретированные посредством семантических правил предложения рассматриваются как функции от *контекстов* (прагматический аспект) к *пропозициям*, а пропозиции — как функции от возможных миров к истинностным значениям. Так, при интегрирующем подходе предложение «Я хозяин этого дома» должно квалифицироваться как потенциально *бесконечно многозначное*, что представляется неудовлетворительным с точки зрения интуитивной. Выражаемая этим предложением пропозиция зависит от ряда контекстуальных факторов, от того, кто произносит это предложение и на что указывает местоимение «этот». При этом теория должна содержать *конечный* перечень таких факторов (хотя сведение их к конечному числу и не представляется возможным).

При дифференцирующем подходе, принимаемом Крессвеллом, значение приведенного предложения можно назвать «*фиксированным*»: если K — множество контекстуальных факторов, релевантных для определения пропозиции, тогда M — функция от K , выступающая в качестве *фиксированного значения* предложения, следовательно, значение функции M — пропозиция рассматриваемого предложения.

Мы полагаем, что конструктивность такого дифференцирующего подхода состоит именно в выделении уровня *фиксированных значений* как особого уровня интенциональных сущностей, особого уровня концептов. При этом о наличии такого уровня наиболее явно свидетельствуют *индексалы*. Так, понимание «я» есть усвоение концепта «я» как значения «я», т. е. как функции m_s — такой, что если k_s является контекстуальным фактором, специфицирующим говорящего s , то $m_s(k_s)$ является s . В других терминах усвоение концепта «я» есть усвоение концепта говорящего или «первого лица» как фиксированного значения «я». Усвоение этого концепта носителем языка озна-

чает понимание термина «я», в каком бы предложении оно ни встречалось без необходимого знания того, кто является его референтом. Очевидно также, что именно исходя из значения предложения как *фиксированного значения*, или *открытой пропозиции*, осуществляется перевод предложений, содержащих индексалы, с одного языка на другой (как, например, в вышеприведенной серии «*Мне холодно*», «*I am cold*», «*J'ai froid*», «*Tengo frio*», «*Man šalta*» и т. д.).

Эффективность использования понятия открытой пропозиции очевидна и при формализации семантики таких предложений, как «Настоящий король Франции лыс», т. е. предложений, содержащих *ложную presupпозицию* (см. ниже обсуждение концепции Стросона): отсутствие необходимых контекстуальных факторов в действительном мире (в данном случае — индивида, указываемого определенной дескрипцией «Настоящий король Франции») лишает такие предложения свойства *пропозициональности*, но не лишает их значения, т. е. *осмысленности*.

К такому дифференцирующему интенциональные сущности подходу относится и «*логика демонстративов*» естественного языка, которую строит Каплан (173, 174). В этой теории аналогично рассмотренной выше паре понятий «фиксированное значение» и «смысл» вводятся понятия «*характер*» и «*содержание*» выражения. Так, в зависимости от того, в какой ситуации, кто, где и когда произносит предложение «Я нахожусь здесь», оно не только имеет разные истинностные значения, но и, согласно этой теории, представляет *разные пропозиции* (формально: в зависимости от того, по отношению к какой упорядоченной четверке $\langle w, x, p, t \rangle$, где w — возможный мир, x — индивид, p — место, t — время, интерпретируется данное предложение).

С точки зрения данной теории «характер» является тем компонентом смысла выражения, который определяет то, как «содержание» выражения определяется контекстом его употребления. Таким образом, «содержания» рассматриваются как функции от возможных миров к экстенсиям, а «характеры» — как функции от контекстов к «содержаниям». Так, «характер» выражения «я» представляет функция (или правило), которая каждому контексту соотносит с таким «содержанием», которое является постоянной функцией от возможных миров к агенту этого контекста. Соответственно «характер» выражения «я» представ-

ляет функция от контекстов к индивидуальным концептам, но не от контекстов к индивидам.

Относительно предложения «Я теперь говорю» это означает, во-первых, что произнесение этого предложения или предложений того же типа в различных контекстах выражает различные «содержания» (пропозиции). (Соответственно предложения, имеющие различный характер, — «Я теперь говорю», «Ты теперь говоришь» — могут в различных контекстах иметь *то же* содержание.) Во-вторых, в большинстве контекстов произнесение этого предложения выражает фактическую (т. е. зависящую от фактов) пропозицию. В-третьих, во всех контекстах произнесение этого предложения выражает истинную пропозицию (т. е. пропозицию, которая истинна в мире этого контекста).

Из этого следует общий вывод о том, что необходимо различать *выражаемую* информацию от *средств*, с помощью которых она выражается; при этом то, что выражается, зависит от характера предложения; однако нельзя отождествлять содержание с характером, ибо то, что выражается, может зависеть и от контекста употребления предложения. Частный вывод заключается в том, что рассматриваемое предложение является *аналитическим* (т. е. истинным в силу только своего значения), хотя оно и не выражает необходимой логически истинной пропозиции: нет необходимости в том, чтобы я говорил.

Обобщение различных попыток формализации смысла предложений, содержащих индексные выражения, показывает, что ссылка на контекст употребления таких предложений является неизбежной при формализации их смысла и способствует, как явствует из вышеизложенного, проведению существенных интенциональных различий. Однако она вовсе не является специфической особенностью анализа *только таких* предложений. Такая ссылка является всего лишь одним, хотя и очень важным, следствием рассмотрения отношения естественного языка и мира вообще. Действительно адекватное понимание этого отношения, с нашей точки зрения, предполагает ссылку на носителей языка не только в качестве референтов (экстенсий, денотатов) соответствующих индексных выражений, но и *всегда* в качестве *субъектов, интерпретирующих* языковые выражения, в том числе и индексные, на основе определенной информации, которой они располагают о мире. Вышерассмотренные концепции смысла не содержат такой ссылки на носителя языка. Хотя в этих концепциях

смысл и рассматривается в терминах истинностных условий, знание этих условий считается не частью информации, которой носитель языка располагает о мире, а частью информации, образующей «семантику языка» и представляющей (если здесь вообще уместен этот термин) знание носителя языка как определенного теоретического конструкта.

4. ГЕНЕРАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕМАНТИКИ: «ЕСТЕСТВЕННАЯ ЛОГИКА» КАК ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАССУЖДЕНИЯ

Как в интерпретативной, так и в генеративной концепции семантики, выдвинутой в рамках трансформационной генеративной грамматики¹, фундаментальная роль отводится понятию логической формы выражения, от которой зависят отношения вывода языковых выражений. В исследованиях по генеративной семантике построение семантической теории естественного языка рассматривается прежде всего как построение *теории общезначимой аргументации*, проводимой на этом языке, как построение «естественной логики», «занятой эмпирическим исследованием природы естественного языка и человеческого рассуждения» (196, с. 545), т. е. стремящейся к адекватному описанию и объяснению способности носителей языка производить предложения и понимать логические отношения между ними. Полагается, что такая теория должна иметь дело не только с формализацией смысла выражений, таких, как «и», «или», «если, то», «не», «каждый», «некоторые» (как в классической логике), но и с понятиями необходимости, долженствования, мнения, знания, намерения, приказания и др. (как в модальной и эпистемической логике), а также с множеством других в зависимости от того, к какому числу простых понятий может быть сведен естественный язык вообще.

В обсуждаемой концепции правила, которые порождают правильно построенные выражения естественного языка, отделяя их от неправильно построенных и приписывая им определенную структуру, рассматриваются как *непосредственно соотносящие* эти выражения с их логической формой, или семантической репрезентацией. «Правила грамматики, — пишет Дж. Лакофф, — идентичны правилам, соот-

¹ См. исследования Дж. Лакоффа (196, 197, 198), Дж. Макколли (213, 214, 215), Дж. Росса (266), Дж. Хармэна (149, 150, 151) и др.

носящим поверхностные формы с соответствующими логическими формами» (196, с. 545). Это равнозначно утверждению, что методы трансформационного анализа достаточны для определения логической формы языковых выражений. Глубинная структура в понимании генеративной концепции семантики уступает место логической, или семантической, структуре. Последняя формально понимается как фразовый маркер (дерево анализа — в математическом понимании), правильность строения которого определяется соответствующими постулатами.

Логическая структура, формально представленная в терминах логических категорий предложения, предиката и аргумента, полагается универсальной в том смысле, что ее конечные составляющие — атомарные предикаты — считаются примитивными семантическими универсалиями. Множество атомарных предикатов полагается конечным, хотя на данном этапе развития теории не оспаривается ни завершенность разработки членства этого множества, ни адекватность самих предикатов. Универсальной полагается и сама «естественная логика», так как ее цель — охарактеризовать смыслы всех примитивных концептов, которые имеют место в естественном языке, «характеризовать рациональную мысль как таковую» (227, с. 166). Из универсалий посредством правил трансформации строится смысл лексических формативов, вводимых на разных уровнях вывода поверхностной структуры. Тем самым устраняется необходимость утверждения некоторых постулатов смысла (аксиом, правил вывода) «естественной логики» для осуществления процедур вывода (так, «напоминать» выводится из предикатов «воспринимать» и «быть похожим», «забыть» — из предикатов «перестать» и «знать» и т. п.). Однако использование постулатов смысла оказывается неизбежным ввиду необходимости указания отношений между атомарными предикатами.

С интересующей нас точки зрения одним из существенных отличий генеративной концепции семантики от интерпретативной является то, что в генеративной семантике речь идет не о порождении правильно построенных выражений естественного языка как таковых, а о порождении правильно построенных его выражений как соотнесенных с определенной базисной, или логической, структурой относительно данного контекста как возможного мира. Иными словами, речь идет о порождении определенных отношений между выражениями естественного языка, ло-

гическими структурами и контекстами употребления языковых выражений: о релятивизации понятия осмысленного выражения к контексту его употребления, и в первую очередь относительно разделяемых членами конкретного языкового общества концептуальных предпосылок о положении вещей в мире. Эти предпосылки включаются в смысловую структуру выражений естественного языка и вместе с тем рассматриваются как часть языковой компетенции носителей языка. Так, предложение «Мое рождение наслаждается моими муками» полагается правильным представителем племени папагос, думающим, что события обладают разумом¹.

В формальных терминах речь идет о порождении абстрактных объектов, которые являются не предложениями, а упорядоченными тройками $\langle S, LS, C \rangle$, где S — предложение, LS — его логическая структура, C — конечное множество логических структур, характеризующих определенный концептуальный контекст. Хотя и признается, что невозможно в определенном выводе указать все те контексты, в которых предложение может быть употреблено осмысленно, полагается, что некоторые типы таких контекстов могут быть конечным образом охарактеризованы с помощью постулатов смысла и связаны с логической структурой предложения посредством «трансderivационных правил» грамматики. Так, пусть S' — предложение, имеющее логическую структуру LS' . Располагая выводом, соотносящим S' и LS' , можно рассмотреть вопрос, по отношению к каким контекстам S' является правильно построенным, т. е. осмысленным. Допустим, что оно правильно построено по отношению к каждому контексту C' — такому, что $C' \cup \{LS'\} \models Q$ для некоторой логической структуры Q , т. е. множество логических структур C' вместе с LS' , влечет Q . Для такого обобщения необходимо специфицировать форму Q , сделать ссылку на отношение следования и осуществить квантификацию над контекстами C' (194).

Ссылка на значимость контекстуальных соображений для определения правильности построения, т. е. осмысленности, выражений естественного языка означает выход за

¹ «Если кто-либо считает, — пишет Лакофф, — что его скворода обладает разумом, он примет предложение «Моя скворода понимает, что я плохой повар» как вполне правильное. Такого человека следует послать к психиатру, но не исправлять его грамматику» (195, с. 36).

систему этого языка — в мир экстралингвистических реалий, по меньшей мере в мир концептуальных предпосылок носителей языка. В формальном аспекте это означает, что смысл предложения считается заданным полностью лишь тогда, когда логические структуры, порождаемые базисными правилами грамматики, подвергаются истинностной интерпретации в терминах возможных миров. В терминах такой интерпретации $C' \cup \{LS'\}$ влечет Q , если и только если истинностные условия Q удовлетворяются во всех моделях, во всех точках референции, в которых удовлетворяются истинностные условия C' и LS' .

По поводу квантификации над логическими структурами, несущими индивиды, возможными мирами и вытекающего отсюда подозрения о принятии — в контексте рассмотрения онтологических допущений «естественной логики» как логической системы — необычных сущностей Лакофф пишет: «...естественная логика является теорией логической структуры предложений естественного языка и тех закономерностей, которые лежат в основе того, что понимается под правильным рассуждением, проводимым на этом языке. Она является теорией о *человеческом мышлении*, а не теорией об универсуме. Если естественная логика требует семантики возможных миров, то это означает, что люди понимают вещи в терминах возможных миров, а не то, что физический универсум содержит возможные миры... Это не означает, что онтологические допущения естественной логики являются малозначительными или неинтересными. Совсем наоборот. Хотя естественная логика, *если ее можно было бы построить* (курсив наш. — Р. П.), не делала бы допущений относительно того, каков универсум, она бы делала допущения о том, как человеческие существа понимают универсум» (196, с. 649).

Попытка включения понятия контекста в виде определенных постулатов смысла в смысловую структуру языковых выражений, равно как принимаемая при этом подходе истинностная интерпретация базисных структур естественного языка в терминах возможных миров, свидетельствует, с одной стороны, о более конструктивном, нежели при интерпретативном анализе, понимании функций этого языка в мире и коммуникации. Такая попытка говорит о стремлении преодолеть внутрилингвистическую замкнутость теории и выйти в существенный для понимания языка внеязыковый мир. С другой стороны, задача

построения общей теории аргументации, осуществляемой на естественном языке, делает неизбежным утверждение универсального характера семантических составляющих логических структур. В итоге переход к концептуальным предпосылкам носителей языка предстает всего лишь как попытка формализовать один из наиболее трудных участков «семантики языка». Вернее, учитывая роль, которая в этой концепции придается понятию концептуальных предпосылок как части лингвистической компетенции носителей языка, можно сказать, что данная концепция предполагает такую релятивизацию понятия «семантика языка», которая допускает определенную множественность «семантик языка», соотносимых с определенными типами предпосылок его носителей о мире. Однако уже и такая релятивизация несовместима с программой построения универсальной «естественной логики».

5. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ У. КУАЙНА: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПЕРЕВОДА

В современном логико-философском анализе естественного языка значительное место принадлежит семантической концепции Куайна, оказывающей на протяжении последних десятилетий большое влияние на его развитие.

Эта концепция характеризуется непринятием интенциональной теории смысла, а следовательно, и интенционального понятия смысла как посредника между выражениями естественного языка и мира и одновременно как эквивалента, или инварианта, внутри- и межъязыковых преобразований (прежде всего перевода).

При менталистском подходе, согласно Куайну (259), понятие смысла фигурирует в основном в двух контекстах: когда говорят о знании смысла некоторого выражения (т. е. когда говорят об этом выражении как *имеющем* определенный смысл) и когда говорят о *тождестве* смысла (синонимии) языковых выражений. Тогда полагается, что понятие смысла служит для объяснения, с одной стороны, *понимания*, а с другой — *эквивалентности языковых выражений*. Мы будто бы понимаем выражения, зная или «схватывая» их смыслы, — выражение выполняет свою функцию в той мере, в которой оно символизирует некий *общий* для коммуникантов смысл. Выражение будто бы служит в качестве перевода другого выражения, ибо полагается, что эти выражения означают *одно и то же*, т. е.

имеют *тождественный* смысл: перевод считается правильным, если переведенное имеет тот же смысл, что и переводимое. При таком подходе смысл рассматривается по аналогии с музейными экспонатами, к которым прикреплены ярлыки — языковые выражения: «Смена языка означает смену ярлыка» (250, с. 27). Менталистское объяснение, под каким бы формальным видом оно ни подавалось, согласно Куайну, создает всего лишь *иллюзию* объяснения.

Аналогично неприемлемыми Куайн полагает и те теории семаптики, в которых при экспликации понятия смысла прибегают к интенциональным сущностям: возможным мирам, возможным индивидам, индивидуальным концептам, пропозициям и т. п. В указанных теориях понятие смысла принимается, согласно Куайну, без достаточного для этого основания в силу неясности этого понятия либо в качестве примитивного, либо определяется в других, не более ясных понятиях.

Научный подход к проблематике смысла предполагает, по Куайну, прежде всего элиминацию менталистского содержания этого понятия, его экстериоризацию, т. е. вынесение во внешний мир, объяснение смысла в терминах предрасположений (диспозиций) носителей языка к определенной вербальной реакции, к определенному *вербальному поведению*. При этом для Куайна, как и для сторонников референтного подхода, понятие смысла неотделимо от понятия информации относительно определенного положения вещей в мире.

Таким образом, во-первых, принимается в качестве исходной установка, что носитель языка понимает его предложения постольку, поскольку он знает условия их истинности. Во-вторых, знание этих условий истинности, например предложения «Это красное», полагается состоящим не в предрасположении носителя языка утверждать это предложение всякий раз, когда наблюдается красный предмет, и отрицать его во всех остальных случаях, а в *предрасположении к согласию или несогласию с этим предложением*, когда относительно него ставится вопрос при наличии или отсутствии рассматриваемого объекта.

Куайн рассматривает язык как «концептуальную систему», состоящую из предложений, расположенных на разных ее уровнях, начиная от периферии и кончая внутренней, центральной, наиболее удаленной от контактов с физическим миром частью. Периферийные предложения системы, или *предложения наблюдения* (такие, как «Это

красное», «Идет дождь» и т. п.), представляют собой точки соприкосновения системы с физической реальностью и являются *предложениями случая* (*occasion sentences*). Истинностное значение таких предложений (в отличие от, например, «Сахар сладок») меняется в зависимости от ситуации, даже более того, от *интерсубъективно* наблюдаемых обстоятельств (в отличие, например, от истинностного значения предложения «У меня болит голова»). Наконец, это такие предложения, в отношении которых носители языка согласны в том, что наблюдаемая ситуация верифицирует их (например, «Вот идет старый человек» в отличие от «Вот идет старый учитель Джона»).

Связь этих предложений с действительностью выражается в том, что она выступает в качестве *стимула для согласия или несогласия* с такими предложениями, т. е. в качестве стимула для определенной *вербальной диспозиции*. Такое согласие или несогласие, в свою очередь, обусловлено врожденным критерием, стандартом тождественного и различного как результатом естественного отбора, равно как и последующим опытом в определенной социальной среде (258)¹. Так, усвоение истинностных функций — отрицания, конъюнкции, дизъюнкции и др. — рассматривается как процесс, при котором, как в случае конъюнкции, утверждение «*p* и *q*» имеет место лишь тогда, когда носитель языка предрасположен к согласию и с «*p*», и с «*q*».

Иными словами, то, что носитель языка усваивает грамматическую конструкцию «*p* и *q*», означает, по Куайну, что наряду с другими вещами он научился соглашаться (развил соответствующее предрасположение к согласию) с составным «*p* и *q*» только в тех обстоятельствах, когда он согласен с «*p*» и согласен с «*q*». Правило логического следования, которое ведет от «*p* и *q*» к «*p*», заключено в процессе усвоения «*и*». То же относится к усвоению других истинностных функций: «Усвоение основных логических навыков (*habits*) объясняется усвоением грамматических конструкций» (252, с. 78).

¹ «Мы можем полагать, — считает Куайн, — что наши врожденные критерии подобия (объектов. — Р. П.) являются в значительной степени похожими, так как они унаследуются в нашем роде. Даже тогда, когда эти критерии постепенно изменяются вместе с нашим опытом, мы можем полагать, что они остаются в значительном смысле похожими, как и разделяемые нами обстоятельства, культура, язык и взаимное влияние» (256, с. 19).

С предложений наблюдения, согласно Куайну, начинается усвоение естественного языка. Эти предложения являются отправными точками и научной теории. От них путем определенных языковых и поведенческих манипуляций, основывающихся на аналогии и индукции и на подкреплении, выделении правильных, адекватных реакций, совершается переход: к *«постоянным предложениям»*, вроде «Дождь в Хэтроу в 16.00 по среднегринвичскому времени, 16 февраля 1982 г.»; далее, к *«общим утвердительным предложениям»* (например, «Собаки являются животными» — как результату усвоения термина «собака», проявляющегося в согласии с этим термином при наличии соответствующей ситуации, а также усвоения термина «животное», заключающегося в том, что носитель естественного языка предрасположен согласиться с термином «животное» во всех случаях, когда он предрасположен к согласию с термином «собака»); к *«простой предикации»*, вроде «Фидо собака», «Сахар сладок» и т. д., к разным *«сложноподчиненным предложениям»*, предполагающим к тому же усвоение определенных лингвистических трансформаций. Дальнейшие манипуляции в том же духе приводят, как полагает Куайн, к усвоению носителем языка абстрактных терминов, к квантификации над свойствами, числами, функциями, гипотетическими физическими частями и силами, т. е. к известному богатству нашего языка как «концептуальной системы».

Переход к постоянным предложениям, истинностное значение которых в отличие от предложений наблюдения не меняется в зависимости от контекста, есть, согласно Куайну, переход к *«теоретическому языку»*. Таким образом, теория естественного языка здесь рассматривается как *«теория познания»*. Путь усвоения языка, который ведет от предложений наблюдения к теоретическим предложениям, рассматривается как единственная связь, которая имеется между наблюдением и теорией. Эта связь, однако, если ее проследить в обратном направлении, не позволяет свести научную теорию к простому наблюдению: суперструктуры, образованные из постоянных предложений, не сводимы к предложениям наблюдения, хотя и связаны с ними. Согласие или несогласие с такими предложениями опосредованно связью — возможно, очень сложной, через сеть других постоянных предложений, — этих предложений с предложениями наблюдения. Важно отметить, что понимание постоянных предложений не отождествляется

с предрасположенностью к согласию или несогласию с ними в определенной ситуации: оно может иметь место *независимо* от такой ситуации.

В конструктивном плане в отличие от рассмотренных выше референтных теорий куайновская концепция естественного языка является не атомистской, предполагающей рассмотрение смысла предложений, когда они берутся вне связи с другими предложениями, а *«холистской»* (целостной), согласно которой понимать предложение — значит знать его место в некоторой концептуальной системе, понимать язык, которому оно принадлежит¹. Семантика, согласно Куайну, для того чтобы она была философски значимой, должна быть теорией *«понимания»* языковых выражений. Такой подход предполагает отказ от менталистского понятия «иметь смысл» в пользу понятия «быть осмысленным», т. е. в пользу рассмотрения *«структур, образованных из осмысленных выражений»*.

Рассмотрение естественного языка как концептуальной системы объясняет и смысл используемой Куайном метафоры о языке как корабле в море, который мы не можем покинуть и который можно перестраивать с большой осторожностью лишь доска за доской. Поэтому, когда мы желаем произвести изменения в нашей концептуальной системе, мы находимся в положении человека, пытающегося починить имеющий течь и находящийся в открытом море корабль. Невозможно в таком положении полностью разобрать корабль и перестроить его.

Предложения наблюдения сопоставляются с определенными стимулирующими ситуациями, обеспечивающими согласие или несогласие с ними, как *«неанализируемое целое»*. Их понимание и осмысленность не рассматриваются как зависящие от предварительного понимания отдельных составляющих их терминов; они полагаются независимыми от сложной сети связей, конституирующих естественный язык как целое. Так, к примеру, предложение «Мой сосед — холостяк», по Куайну, не рассматривается как относительно независимый фрагмент вербального поведения в отличие, например, от предложения «Здесь кролик»: первое может быть понято только в контексте целого комплекса его связей с другими предложениями и в конце концов *«со всем языком»*.

¹ Ср. аналогичное утверждение Витгенштейна: «понимание предложения означает понимание языка» (306, с. 199).

Эквивалентность языковых выражений при таком подходе объясняется посредством понятия *тождества диспозиций*. Очевидно, оно прежде всего относится к предложениям наблюдения, ибо носитель естественного языка может выразить свое согласие или несогласие с постоянным предложением при любых обстоятельствах. Отсюда Куайн делает вывод, что не существует удовлетворительного (в строгом смысле этого слова) понятия эквивалентности для постоянных предложений.

Эта точка зрения получает методологическую интерпретацию на основе рассмотрения феномена перевода. Согласно Куайну, существуют альтернативные схемы (системы, гипотезы) перевода, несовместимые между собой, но одинаково совместимые с диспозициями к вербальному поведению носителей соответствующих языков. Это касается прежде всего постоянных предложений и являет собой феномен неопределенности перевода вообще, а в его радикальном варианте — феномен неопределенности радикального перевода (см. 245, 255, 259), т. е. перевода из языка в технологическом отношении развитого общества на язык какой-либо отсталой народности.

Аналогично тому, как множество возможных данных наблюдений природы, осуществимых или неосуществимых, совместимо с физическими теориями, несовместимыми между собой, множество возможных наблюдений словесных реакций совместимо с системами аналитических гипотез перевода, которые являются несовместимыми одна по отношению к другой. Естественно, такая ситуация не может возникнуть в менталистской семантике из-за постулирования в ней в качестве исходной константной, абсолютной, универсальной области смысла.

Радикальный перевод, по Куайну, должен начинаться с предложений наблюдения, имеющих относительно прямую связь с физическими условиями внешнего мира. Но уже переход к выражениям языка, не связанным непосредственно с условиями внешнего мира, которые выступили бы стимулом для их принятия, равно как и к выражениям, в отношении которых условия внешнего мира сами по себе не предопределяют какого-то единственного перевода, может быть осуществлен только на основе принятия определенной аналитической гипотезы перевода. Когда лингвист, изучающий язык туземца, указывает, произнося «*Gawagai*», на пробегающего через поле кролика и получает согласие носителя языка, он может, к примеру, пе-

ревести выражение туземца как соответствующее выражениям «кролик», «неотделимая часть кролика», «временной срез кролика» либо как-нибудь иначе, и все эти переводы будут обладать одинаковым стимулом-значением.

Дело в том, что, когда лингвист указывает на кролика, он указывает и на его часть и т. д., когда туземец видит кролика, он видит и его часть, и наоборот и т. д. Удостовериться в правоте своего перевода лингвист сумеет лишь тогда, когда он сможет вразумительно для туземца поставить вопрос: «Является ли этот кролик тем же, что и тот?» или «Это один или много *Gawagai*?», указывая на разные пространственные или временные части кролика. Но вразумительное формулирование таких вопросов предполагает, что мы уже установили гипотетические переводы таких выражений, как «является тем же, что», «один», «много». Оно предполагает перевод тех элементов естественного языка, которые образуют концептуальную систему отсчета туземца. А это и составляет часть того, что делает лингвист, когда строит альтернативные гипотезы перевода, одинаково совместимые с наблюдаемым речевым предположением туземца, но несовместимые между собой.

Допустим, среди выражений туземца мы нашли замену для «является тем же, что». Мы хотим проверить это, спрашивая его: «Этот кролик является тем же, что и тот?», и всякий раз туземец выражает свое согласие, когда мы указываем на того же, с нашей точки зрения, кролика, и несогласие — в противном случае. Это можно считать доказательством правильности перевода выражений «является тем же, что» и «*Gawagai*», вместе взятых. Но ответы туземца в равной степени совместимы и с другими гипотезами перевода. К примеру, мы могли бы изменить перевод выражения «кролик» на выражение «неотделимая часть кролика». Соответственно мы бы изменили перевод «является тем же, что» на «относится к» или «принадлежит к». В целом новый перевод подходит к поведению туземца так же, как и прежний. Это значит, по Куайну, что перевод таких элементов естественного языка, как выражения тождества, окончания множественного числа, символа единичности (вроде артикля определенности в английском языке), является взаимосвязанным и недоопределенным эмпирической реальностью. Поэтому перевод должен ставиться в зависимость от аналитических его гипотез. Аналогично тому, как не имеет смысла говорить вне опреде-

ленной системы отсчета о том, куда бежит линия — направо или налево (сама по себе линия не указывает на то, в какой системе отсчета она может рассматриваться), не имеет смысла и вопрос, какая из гипотез перевода является *единственно правильной*.

Таким образом, перевод предложения является *неопределенным*, если и только если имеется по крайней мере два неэквивалентных предложения S_1 и S_2 в языке перевода, таких, при которых предрасположения носителя языка к словесной реакции не являются достаточными для выбора между S_1 и S_2 при переводе S . В свете сказанного перевод одного предложения на другое относительно избранной гипотезе перевода, выступающей в качестве некоего «руководства по переводу». Выбор последнего не детерминирован реальностью, хотя *в рамках избранной схемы перевода* одно выражение может рассматриваться в качестве перевода другого выражения.

Положение о неопределенности перевода говорит не о том, что перевод невозможен. Не только общие биологические, но и социальные факторы существования носителей естественного языка способствуют — при учете как генезиса, так и всей сложности структурных связей, устанавливающихся между предложениями наблюдения и постоянными предложениями в некоторой «концептуальной системе», — установлению *прагматически удовлетворительного* отношения перевода, теоретически не единственного, а одного из множества альтернативных, как изоморфизма, имеющего место между разными системами и гарантирующего коммуникацию носителей языка. Поэтому факт неопределенности перевода не может вызвать кризиса в лингвистике, подобного тому, который в свое время вызвало обнаружение антиномий в теории множеств¹.

Однако то обстоятельство, что смысл языкового выражения нельзя рассматривать вне определенной аналитической гипотезы (как и истинность положений научной

¹ «Все это» (т. е. концепция неопределенности перевода. — Р. Н.), — пишет Куайн, — на самом деле служит поводом для изменения преобладающего отношения к смыслу, идеям, пропозициям. А основной, прискорбный факт, наоборот, состоит в том, что «все это» не получает признания именно по причине не критического настаивания на старых понятиях смысла, идей, пропозиций. Существует устойчивое мнение, что наши предложения *выражают* идеи, притом именно *эти*, а не *другие*, хотя никакими поведенческими критериями нельзя установить, *какие именно...*» (249, с. 276).

теории — вне самой теории), вне определенной «концептуальной системы», представляющей собой систему взаимосвязанных предложений, частью которой оно является, так и то, что «концептуальная система» лишь своими «краями» «соприкасается» с физической реальностью, доказывает необоснованность постулирования абсолютных, семантических сущностей, вроде смыслов, пропозиций, абсолютных семантических различий, вроде аналитического /синтаксического и т. п.¹ Это ведет к принятию *релятивистского, плюралистского* понимания «концептуальной системы».

Перенос акцента с анализа «семантики языка» как определенного множества семантически интерпретируемых синтаксических объектов на анализ естественного языка как «концептуальной системы», релятивизация смысла и производных от него понятий, попытка вскрытия генетического и социального аспектов ее построения как построения определенного знания носителей языка о мире и отсюда следующее рассмотрение проблематики смысла как неотделимой от проблематики *познания* — все это говорит, с нашей точки зрения, о *методологическом значении* рассматриваемой концепции. Однако следует отметить, что эта концепция содержит существенные — с той же методологической точки зрения — следы влияния неопозитивистской концепции языка как «картины мира» (у Куайна — как множества таких «картин»).

В данной концепции речь идет о взаимосвязанных *предложениях* (или высказываниях — в логическом понимании) как содержании концептуальной системы, возникновение которой рассматривается как *каузально зависящее* от естественного языка. С этой точки зрения усвоение логики идет вместе с усвоением языка. Последнее рассматривается как усвоение определенной системы репрезентации, посредством которой носитель языка выражает свою мысль, она же полагается возможной благодаря той же системе репрезентации — по сути дела, они оказываются *неразличимыми*. В равной степени это относится к усвоению как бытового языка, так и языка науки (мысль, выраженная иносказательно, рассматривается тог-

¹ «То, что я пытался сказать, — пишет Куайн, — заключается в том, что с самого начала, даже в случае с «кроликом» и «стадиями кролика», мы должны остерегаться заблуждения, заключающегося в утверждении *языковых универсалий*» (257, с. 489).

да как некоторая функция от того, что выражалось бы при прямом употреблении языкового выражения).

С рассматриваемой точки зрения языковая коммуникация только в исключительных случаях предполагает систему кодирования и декодирования: языковые выражения, используемые для коммуникации мысли, полагаются *тождественными* или *близкими* тем, которые составляют *саму мысль*. При таком подходе только на начальном этапе усвоения нового естественного языка последний рассматривается как код; полное усвоение такого языка означает усвоение процедур мышления непосредственно на этом языке. Последний и усваиваемая вместе с ним логика полагаются единственным средством мышления и коммуникации.

Понимание концептуальной системы как системы взаимосвязанных предложений, каузальная зависимость ее возникновения от усвоения естественного языка неизбежно ведут к порочному кругу в объяснении функций языка в познании, к методологически и теоретически несостоятельной абсолютизации его функций в построении концептуальных систем. Такое понимание может быть объяснено лишь как следствие общеметодологической, унаследованной от неопозитивистской доктрины ориентации иметь дело исключительно с *наблюдаемыми феноменами* — языком и действительностью. С этим связан и другой фактор, в значительной степени ограничивающий конструктивность данной концепции и заключающийся в непризнании роли понятий семантики *возможных миров* в экспликации смысла языковых выражений.

6. СМЫСЛ КАК ЧАСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Анализ смысловых отношений как они реализуются в определенной концептуальной системе, отражающей познавательный опыт индивида, рассмотрение в этой связи функций и места языка в построении таких систем мы предпринимаем, опираясь на гипотезу о смысле как составной части концептуальной системы, но придавая последнему понятию существенно иной, нежели в рассмотренной выше концепции, смысл (см. также 37, 40, 233). Чтобы облегчить понимание этой гипотезы, вначале сформулируем ее в наиболее общих, сжатых чертах, а затем перейдем к более обстоятельному ее изложению.

Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть *невербальный* этап ее образования. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию.

Знакомство с языком для такой системы, как и знакомство с любым другим объектом познания, предполагает различение и отождествление его выражений. Оно означает построение определенной информации о нем как определенном объекте, что возможно только на базе информации, которая уже содержится в концептуальной системе. Таким образом, информация, содержащаяся в концептуальной системе, служит как для восприятия (выделения в мире) определенных объектов, так и для выделения языка как особого объекта: осуществляемое концептуальной системой их соотнесение есть кодирование языковыми средствами определенных фрагментов, «кусков» концептуальной системы. Дальнейшее усвоение информации о языке означает усвоение его грамматики как средства оперирования выражениями языка. Последнее — ввиду прикреплённости языковых выражений как кода к определенным фрагментам концептуальной системы — означает манипулирование содержащейся в ней информацией, что приводит к построению в ней такой информации, которая неконструируема без языка и которая дает возможность выйти за пределы непосредственного опыта. При всем этом любая новая информация становится частью концептуальной системы, если соблюдается последовательность ее образования в данной концептуальной системе.

Сказанное изложим более обстоятельно.

Согласно рассматриваемой гипотезе, процесс познания человека, заключающийся в развитии его умения ориентироваться в самом широком понимании этого слова в мире, является процессом образования смыслов, или *концеп-*

тов¹, об объектах познания, как процесс построения информации о них. Эта информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т. е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира) и есть то, что мы называем «смыслом», или «концептом». Более строго концепт можно рассматривать как *интенциональную функцию*, определяющую множество объектов, или предметов; значениями такой функции, очевидно, могут быть как объекты (предметы) действительного мира, так и объекты (предметы) возможных миров.

Усвоить некоторый смысл (концепт) — значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве *интерпретаторов*, или *анализаторов*, рассматриваемого концепта, «вводимого» — с внешней точки зрения, т. е. с точки зрения некоторого наблюдателя, находящегося вне системы, — в таким образом конструируемую систему концептов, или концептуальную систему. Очевидно, образование такой системы предполагает в качестве изначально данных некоторые первичные концепты как необходимые условия построения концептуальной системы.

С внешней точки зрения всегда имеется отношение несовместимости, выраженное разной степенью отрицания (при рассматриваемом непрерывном интервале от 0 до 1) между *вводимым* в систему (с точки зрения внутренней — *порождаемым* системой) концептом и теми, которые уже содержатся в системе. Ввиду важного значения понятия несовместимости остановимся на нем более подробно.

Прежде всего условно можно выделить три вида несовместимости: 1) *формальную*, 2) *материальную*, 3) *глобальную*. При этом первую мы будем рассматривать как особый случай материальной несовместимости, а вторую — как особый случай «глобальной» несовместимости. В качестве вербальной, весьма приблизительной иллюстрации « $\sim p$ » (т. е. «не- p »), когда « p », например, предложение «Ионас является студентом», первому виду несовместимости соответствовало бы «Ионас не является студентом» (по аналогии: «Ионас является разумным» — «Ионас не является разумным» или «Ионас является неразумным»);

¹ Мы используем термин «концепт» как нейтральный относительно традиционно используемой в литературе пары понятий «означающее — означаемое», уже терминологически исключающей рассмотрение означаемого вне (без) означающего.

второму виду соответствовало бы не только «Ионас не является студентом», «Ионас является не студентом», но и, возможно, «Ионас является профессором», «Вильнюс является столицей Франции», « $2 \times 2 = 5$ » и т. д., т. е. любому ложному предложению. Третьему виду « $\sim p$ » соответствовало бы любое предложение, которое не является « p », — как приведенные выше, так и, возможно, такие: «Вильнюс расположен на реке Нэрис», «Пегас летает», «Жириность молока понижается» и т. д. С этой точки зрения отрицание « p », представленное общей, стандартной формой « $\sim p$ » или «Неверно, что p », неоднозначно.

Так, утверждая «Неверно, что Ионас является студентом», я могу относить отрицание к каждой из составляющих предложение «Ионас является студентом». Понимая отрицание как то, что относится к составляющей «студент», я могу иметь в виду, что Ионас является рабочим, учеником, профессором и т. д. Рассматривая отрицание как то, что относится к составляющей «является», я могу иметь в виду, что Ионас был студентом, будет студентом и т. д. Понимая отрицание как то, что относится к собственному имени «Ионас», я могу иметь в виду, что не Ионас, а кто-либо другой, например Пятрас, является студентом. Считая, что отрицание относится ко всему предложению, я могу иметь в виду не только истинность данного предложения, но и отрицание истинностного значения, которое представляет это предложение. Наконец, отрицая предложение « p », я могу иметь в виду любое другое предложение в зависимости от контекста употребления и моих намерений употребления этого предложения.

Рассматриваемое нами отношение несовместимости мы назовем «*релевантной несовместимостью*», подразумевая под этим *степень смысловой близости концептов концептуальной системы* как решающий фактор возможности использования определенных концептов для построения, или определения, других концептов в рассматриваемой системе, как возможность перехода от одних концептов к другим концептам системы.

Познавательная (ориентировочная) деятельность человека неизменно сопряжена с необходимостью выделения объектов через их отличие от других объектов. Отождествление и различение объектов означают нахождение их границ, или определений. Фиксируя границы объекта, мы тем самым определяем его. Эту задачу познания можно считать решенной, если указано место объекта в системе

других объектов. В свою очередь, реализация операции отличия объектов предполагает наличие определенных концептов.

Вообще говоря, один объект отличается от другого, если ко второму нельзя отнести того, что относится к первому, т. е. если концепт второго есть *отрицание* концепта первого. В свое время Фреге утверждал: «Не может быть никакого отрицания без того, чтобы что-то отрицалось, и это является *мыслью*» (137, с. 2). При этом «отрицание относится к *содержанию* независимо от того, выступает оно в форме суждения или нет... Отрицание выступает в качестве знака возможного содержания суждения» (134, с. 4).

В предложенной Бар-Хиллелом теории семантической информации (83) содержание предложения (мера его информации) определяется числом отрицаемых предложением возможных состояний универсума, или описаний, по терминологии Карнапа, или возможных положений вещей, согласно Витгенштейну (305). Аналогично Р. Столнекер полагает, что «содержание того, что говорится или думается, должно пониматься в терминах исключаемых им возможностей» (290, с. 134).

Мы же рассматриваем отрицание как операцию, через которую реализуется отношение «*релевантной несовместимости*». Рассмотрим следующую схематизированную логическую модель познавательной ситуации.

Пусть дан мир, состоящий из двух предметов (в возможном наиболее широком понимании этого слова) p и q как объектов познания. Допустим, нам известен смысл, или концепт, p (т. е. мы располагаем определенной информацией относительно p); нам предстоит построить (определить) смысл, или концепт, q . Очевидно, мы будем делать это, исходя из знания p , т. е. концепта p , ибо — по соглашению — мы не располагаем никакой другой информацией. Если в концепте p есть то, что может служить средством к распознаванию, установлению, построению концепта q , то случай тождества p^1 относительно q будет означать, что p участвует полностью в построении q , т. е. полностью определяет q . В этом случае будем говорить, что отношение релевантной несовместимости между концептами p и q равно 0 (т. е. $p=q$, если $N_{p/q}=0$, где $N_{p/q}$ — отношение

релевантной несовместимости между концептами p и q). Если в смысле (концепте) p есть то, что может служить средством к построению q , и если только p не тождественно q , тогда либо p не участвует полностью в построении q , либо p недостаточен для построения q . В этом случае $N_{p/q} \neq 0$ (т. е. из $p \neq q$ следует $p = \sim q$, если $N_{p/q} \neq 0$). В результате можно установить такую закономерность: чем меньше «доля» p , участвующая в построении q , тем больше степень, в которой $p = \sim q$. Иначе говоря, чем меньше «доля» p , участвующая в построении q , тем больше значение $N_{p/q}$.

Если «долю» p , участвующую в построении q , обозначить p^* , то $p^* = 1 - N_{p/q}$, что является наиболее простой формой, выражающей эту закономерность. Следовательно, при N охватывающем (в численной интерпретации) непрерывный интервал между 0 и 1, т. е. $0 \leq N \leq 1$, $p=q$, если $N_{p/q}=0$; $p = \sim q$, если $N_{p/q} \neq 0$, причем $p = \sim q_{max}$, если $N_{p/q}=1$, $p = \sim q_{min}$, если $N_{p/q} \rightarrow 0$, где « $\rightarrow$ » — знак приближения. Если в построении (интерпретации) q , кроме p , участвует некоторый концепт r , т. е. p и r образуют структуру (p, r) , интерпретирующую q , то $N_{r/q} = 1 - N_{p/q}$ и т. д. Если N интерпретировать в терминах расстояния D между концептами системы, то можно определить, в частности: $D(p/q) < D(r/q)$, если $N_{p/q} < N_{r/q}$, где $D(x/y)$ — смысловое расстояние между x и y . Другими словами, «доля» p , участвующая в построении q , больше, чем «доля» r , участвующая в построении q . В соответствии со сказанным можно следующим образом сформулировать *фундаментальный принцип интерпретации*: концепт s конструируется (интерпретируется) в индивидуальной концептуальной системе CS_{Ind} , если и только если $N_{CS_{Ind} / s}$ меньше 1. Формально этот принцип можно рассматривать как *функцию интерпретации* Int , область аргументов которой образуют концепты (их структуры), содержащиеся в определенной концептуальной системе, а область значений — конструируемые из них концепты (их структуры). Индивидуальную концептуальную систему CS_{Ind} тогда можно определить как структуру (C_{Ind}, Int, N) , где C_{Ind} — множество концептов, на котором задана функция интерпретации концептов Int .

Так как познавательная деятельность человека не останавливается на выделении в мире одного, двух или трех предметов, а движется «вглубь» и «вширь», разумно рассматривать ее как деятельность, сопряженную с прогрес-

¹ Для краткости вместо «смысл, концепт p , q ...» будем говорить просто « p », « q »...

сирующим выделением в мире предметов, между концептами которых устанавливается отношение несовместимости, предполагающее операцию отрицания. Установление последнего указывает на наличие *системы*, степень сложности которой с точки зрения данной операции зависит от области действия, на которую в каждом отдельном случае простирается отрицание.

Фундаментальный принцип интерпретации, во-первых, требует *последовательности* во введении концептов: содержащиеся в системе концепты являются *основой* для введения в систему новых концептов. Во-вторых, согласно этому принципу, концептуальная система конструируется *непрерывно*. Таким образом, смысл рассматривается как концепт, состоящий из других концептов как его *семантических анализаторов* и непрерывно, но разной степенью несовместимости связанный с другими концептами системы. Степень несовместимости между концептами системы показывает возможность *определения* одних концептов другими, т. е. возможность перехода от одних концептов к другим, к построению *новых* концептов в данной концептуальной системе (*Omnis determinatio est negatio*¹, — утверждал уже Спиноза).

Из этого следует, что отношения между концептами, участвующими в построении определенного концепта в данной концептуальной системе, характеризуются различной степенью несовместимости. Иначе говоря, такие концепты выступают в качестве составляющих той концептуальной структуры, которая и представляет собой конструируемый в данной системе концепт (в вышеприведенной схеме, например, роль таких концептов выполняли концепты *p* и *r*, образовавшие структуру (*p, r*) в качестве конструируемого в системе концепта *q*). Отметим, наконец, что сам процесс усвоения смыслов как концептов не рассматривается нами как необходимо осознаваемый индивидом в смысле эксплицитного знания принципов, лежащих в основе этого процесса².

С точки зрения концептуальной системы объекты, отраженные в ней той же (значимой для осмысления того или иного их аспекта) структурой семантических анали-

¹ «Всякое определение есть отрицание».

² Прибегая к грубой аналогии, можно было бы сказать: человек переваривает ту или иную пищу, отличает ее от другой и т. д., хотя, как правило, не знает о процессах, происходящих в его желудке.

заторов, рассматриваются как (в релевантном аспекте) тождественные. Степень подобия (соответственно различия) объектов познания понимается как наличие определенного множества тех же анализаторов, участвующих в построении соответствующего концепта этого объекта.

Процедуры обобщения и классификации объектов, о которых здесь, очевидно, может идти речь, обычно полагаются в качестве *действительных признаков мышления*. Следовательно, фундаментальный принцип интерпретации, с одной стороны, служит для объяснения самой *возможности* познания объектов, возможности их концептуализации в определенной системе концептов, а с другой — он не только не исключает, но с необходимостью требует отнесения этих соображений к процессам конструирования (порождения) концептуальной системы еще на *доязыковой* (довербальной) стадии существования индивида. Имеются как эмпирические, так и логические основания считать, что система, порожденная таким образом, является *невербальной*.

Вообще, сколько существует способов общения с миром и его познания, столько и каналов, по которым может быть сообщена информация о нем (конкретно: глаза, передающие в мозг определенную информацию, позволяют отличить открытую дверь от закрытой, с тем чтобы в первом случае пройти в дверь, а во втором — остановиться перед ней). Очевидно, что в вышеприведенном понимании индивид начинает познавать мир в определенной степени, строя некоторую — возможно, очень специфическую с точки зрения онтологической — его картину, т. е. он *идентифицирует* и соответственно *различает* определенные объекты еще до *введения* (усвоения) естественного языка. При этом «чувственное» происхождение образующихся вследствие этого процесса познания концептов несколько не уменьшает их интеллектуального, или концептуального, статуса, а в силу неизбежных в этих процессах процедур обобщения — их абстрактности. «Чувственность» в данном случае указывает лишь на *сферу* познания и ее *ограниченность*.

Не существенно, какие объекты индивид выделяет в окружающем его мире, т. е. каким ему представляется мир, каким он его воспринимает: то ли как тот туземец Куайна, которому пробегающий через поле кролик, возможно, представляется как нечто, разбросанное по всему пространству (см. 255), то ли как 1—4-месячный ребенок,

для которого, согласно Ж. Пиаже, объекты внешнего мира неотделимы от его действий с ними. Между тем сила и эффективность этих бессловесных информационных процессов, согласно Пиаже, достаточны для доказательства того, что корни таких логических структур, какими, по его терминологии, являются классификация и сериация объектов, *независимы от языка* (46).

Принцип интерпретации концептов, согласно которому построение концептуальной системы осуществляется непрерывно, относится ко всем стадиям познания и деятельности человека вообще. Характерно, что в таком уникальном случае, каким является познавательная деятельность слепоглухонемых, «совершенно незнакомый предмет, данный в руки слепоглухонемого ребенка, не ощущается им. Измененные же по форме и величине предметы, с помощью которых он уже удовлетворял свои потребности, неуклонно вызывают ориентировочно-исследовательскую деятельность... Чем более новым является раздражитель, тем меньше шансов, что он вызовет у слепоглухонемого ребенка ориентировочно-исследовательскую деятельность» (32, с. 114).

Предположение о довербальном этапе становления концептуальной системы диктуется и логическими соображениями как необходимое условие осмысленного введения, т. е. понимания вербального символизма как кода на начальном этапе его усвоения. Игнорирование такого предположения исключает рациональное объяснение возможности усвоения индивидом языка и ведет не только к эмпирически и теоретически не обоснованному, но и методологически порочному приписыванию его формам функции порождения мысли из самой данности языка, к отождествлению мыслительных и языковых структур, к поиску соответствия между структурами языка и реальности, а в крайнем случае — как в неопозитивистской доктрине естественного языка — и к попытке выведения структур реальности из структур языка.

Таким образом, в отличие от подхода Куайна, считающего, что логика мышления необходимо усваивается в самом процессе усвоения языка, мы полагаем, что логика необходимо усваивается в *процессе образования концептуальной системы*. Она реализуется в ходе *последовательного* построения концептов, который, согласно излагаемому здесь подходу, регулируется фундаментальным принципом интерпретации. Последовательность (определяемый пра-

вилами переход от одних высказываний к другим, выведение вторых из первых согласно содержащейся в них и существенной для осуществления такого перехода информации) составляет логичность и вербального рассуждения, как оно формализуется в логике (см. 36).

В процессе введения естественного языка словесная символика служит в качестве *кода* для концептов и построенных из них структур, относящихся к довербальной стадии познания и отражающих *начальный* познавательный опыт индивида. При этом форма словесной символики, соотносимой с осмысливающими их концептами, может варьировать от слова до предложения или даже множества предложений. То, что выражается одним словом, может быть соотнесено с определенной структурой концептов, и наоборот. Вообще искать изоморфизм между словесной формой и концептами нет смысла уже ввиду непрерывности строения концептуальной системы и дискретности языка. Говорить же об иерархии концептов можно только в смысле построения, *генезиса* концептов в данной концептуальной системе.

Из сказанного следует, что, соглашаясь с куайновской холистской трактовкой концептуальной системы, мы, однако, непрерывность строения последней объясняем, исходя из постулирования необходимости возникновения такой системы *до введения языка*, а на дальнейшее ее построение, расширение смотрим как на непрерывное строение — и в этом существенная роль языка — новых смысловых структур на основе содержащихся в системе концептов.

Как в отношении любого другого объекта познания как объекта, подлежащего интерпретации в определенной концептуальной системе, введение естественного языка в качестве кода для концептов системы означает вместе с тем и построение определенного концепта о *самом языке* (как определенной физической и лингвистической сущности), содержащего знание о физических и грамматических его характеристиках. Важность усвоения такого концепта не только в том, что индивид тем самым усваивает определенные процедуры, принципы, правила *построения* языковых выражений — в качестве информации о фонологической и грамматической системах естественного языка (характеризуемых, например, специфическими фонологическими параметрами, системами, рода, числа, падежа, глагольных времен, аспирации и т. д.). Это означает, что интерпретация языковых выражений в концептуальной

системе осуществляется многопланово: как на уровне интерпретации фиксируемых ими в качестве вербального кода концептов, так и на уровне интерпретации *самого кода*. При этом значительность в семантическом аспекте интерпретации кода как такового, равно как и эффект взаимодействия разноуровневых интерпретаций, часто очевидны (например, в поэзии, в случае цитирования, подражания и т. д.).

Так, интерпретация личного местоимения, или индекса, «я» может пониматься как построение ряда концептов на уровнях *фонологии, грамматики и семантики*. В последнем случае следует разграничить *фиксированный* в языке, или *конвенциональный*, аспект, заключенный, грубо говоря, в виде концепта о том, что выражением «я» говорящий указывает на себя («первое лицо»), от *прагматического* аспекта, который относится к возможности установления в определенном контексте действительного или возможного объекта как референта этого выражения. Такой объект одновременно может быть референтом множества других выражений, в том числе, например, индекса «он» (с точки зрения других, третьих носителей языка), собственного имени, например «Ионас Кубилюс», и определенной дескрипции, например «Настоящий ректор Вильнюсского университета», фиксирующих определенную информацию в качестве концептов, относимых к рассматриваемому объекту как референту всех этих выражений и значению соответствующих концептов-функций. Способность осмысленного употребления естественного языка означает способность соотнести один с другим эти разноуровневые (начиная от фонологического и кончая прагматическим как аспектом семантического) концепты; в теоретическом плане такое соотнесение может рассматриваться как функция от одних концептов к другим.

Такое рассмотрение соотношения вербальной формы и фиксируемого ею содержания позволяет выяснить и тот статус, который имеют семантические сущности (*значения, смыслы, пропозиции*) в разных рассмотренных выше семантических теориях. При этом предложения, содержащие индексы, особенно удобны с точки зрения такого рассмотрения. Для примера возьмем словесную форму «Я болен». Воспринимаемая как определенная последовательность физических сигналов — звуков или графических знаков, она представляет собой то, что называется «предложением-знаком», как конкретная, одна из многих экзем-

плификаций (осуществляемых одним и тем же или разными носителями языка) соответствующего предложения-типа. На основе абстракции последнего — как определенного концепта, содержащего информацию о воспринимаемом содержании этих физических сигналов, — распознаются конкретные его реализации.

Таким образом, уже на этом уровне можно говорить, хотя и в нестандартном понимании этого термина, о *семантическом* анализе предложений-знаков. В стандартном, общепринятом понимании под последним, очевидно, имеется в виду приписывание воспринимаемым предложениям-знакам определенных *семантических сущностей*. Тогда приходится различать по крайней мере два вида этих сущностей: то, что мы выше назвали «*фиксированными значениями*» (аналог «*значений*» Монтегю и Крессвелла, «*характера*» Каплана, «*смысла*» и «*пропозиции*» Каца), и то, что представляют собой «*пропозиции*», «*смысл*» Монтегю и Крессвелла, «*содержание*» Каплана. С этой точки зрения предложения могут иметь тождественное значение, но выражать разные пропозиции — как в случае «Я болен», произносимого двумя носителями языка, т. е. когда употребляются два предложения-знака, представляющие то же предложение-тип, или как в случае предложений «Я болен» и «*I am ill*», произносимых носителями двух разных языков. Наоборот, пропозиции, выражаемые двумя предложениями, могут быть тождественны, а значение соответствующих предложений различное (как в случае, когда я произношу «Я болен» и моя жена говорит «Мой муж болен» или «Он [имея в виду меня] болен»). С таким подходом и связывается возможность рассмотрения пропозиций как сущностей *sui generis* (аналогично числам, множествам, классам и т. п.), как того, что может рассматриваться отвлеченно от любых предложений, которые используются для их выражения, от любого языка. Такие сущности рассматриваются в качестве *объектов* различных пропозициональных установок (см. гл. V) и полагаются носителями истины и лжи.

Когда то, что мы называли «*прагматическим аспектом*», вовсе не учитывается, имеют дело с семантикой исключительно на уровне значений предложений, причем, когда те рассматриваются независимо от концептуальных систем, имеют дело с абсолютизированным ее вариантом, который и описывается в интерпретативной концепции семантики. С точки зрения такой теории предложения

«Я болен» и «Я не болен» должны рассматриваться и рассматриваются как противоречащие одно другому даже в том случае, когда они произносятся *разными* посетителями языка и каждое из них является *истинным*. Когда же «прагматический аспект» учитывается, но лишь в той степени, в которой учитывается аспект референции языковых выражений, а сами пропозиции рассматриваются вне их связи с определенными концептуальными системами, имеют дело также с абстрактной «семантикой языка», хотя и построенной на рассмотрении связи языка и мира. Наконец, когда интенциональные сущности вообще не признаются в качестве теоретически приемлемых (как в концепции Куайна), т. е. ни в связи с концептуальными системами, ни в качестве их ингредиентов, тогда семантический анализ замыкается *в самом языке* как непосредственно (без каких-либо посредников) относящемся к действительности и к поведению его носителей. Носителями истинностных значений тогда полагаются *постоянные*, или контекстно-свободные, предложения; при этом предусматривается процедура перевода контекстно-зависимых предложений, вроде «Я болен», в постоянные предложения, предполагающая, в частности, замену индексалов на собственные имена и определенные дескрипции.

При таком подходе, однако, остается необъясненной не только интуиция приписывания разных значений (в вышеуказанном понимании) одному и тому же предложению, но и — что особенно важно — *сама возможность изначального усвоения* естественного языка. Последняя, с нашей точки зрения, предполагает в качестве необходимого условия соотношения языка и действительности как то, что субъект, воспринимая действительность, уже в определенной степени артикулирует ее, т. е. выделяет в ней определенные объекты, так и то, что среди этих выделяемых и тем самым отличаемых один от другого и от других объектов воспринимаемой субъектом действительности содвержатся *сами выражения естественного языка* как различаемые и отождествляемые субъектом в определенной степени физические сигналы.

Следовательно, мы проявляем способность различать объекты мира не благодаря усвоению естественного языка, как полагал Витгенштейн и как думают современные его последователи, не потому, что язык со своей системой классификации создает возможность выхода к действительности и тем самым является *априорным* условием ее

познания. Так, мы начинаем различать красные от не-красных объектов не потому, что усваиваем критерий правильного употребления предиката «красный». Усвоение естественного языка предполагает различение как *самых языковых выражений*, так и *ситуаций*, в которых они употребляются, и, наконец, их *соотнесение*: и то и другое осуществляется посредством концептов определенной концептуальной системы. При этом существенная сторона усвоения, или введения, вербальной символики как кода концептов индивидуальных концептуальных систем и средства коммуникации носителей этих систем заключается в *социальной*, конвенциональной ориентации этих систем в смысле стремления привести содержащуюся в них семантику и используемую для ее кодирования номенклатуру к принятым в определенном языковом обществе нормам.

На этом этапе язык может использоваться и используется (путем известных процедур подкрепления, фиксирования правильных с точки зрения социальной употреблений и, наоборот, исправления, отвержения неправильных употреблений языковых выражений) для определенной трансформации изначальной довербальной или уже в некоторой степени вербализованной (в смысле использования в определенной мере собственной идiosинкретической номенклатуры) «картины мира», для ее социализации.

Именно учитывая возможность осуществляемого посредством естественного языка перехода от индивидуального, субъективного к интересубъективному и в этом смысле объективному, т. е. к интересубъективному осуществляемым разграничениям, артикуляции мира посредством общепринятой номенклатуры, только и можно конструктивно истолковать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих разграничений (классификаций) в мире, как предпосылку социальной коммуникации носителей разных концептуальных систем. Иллюзия вездесущности языка создается уже потому, что мы не располагаем другим, кроме языка, средством объяснения нашего познания и понимания мира: мы не можем избежать использования языка при объяснении самого языка. Отсюда и иллюзия тавтологичности языкового объяснения (см. гл. III).

Кодирование концептов системы вербальными выражениями являет не только предпосылку вербальной социальной коммуникации. Естественный язык, символически

фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность, *манипулируя* — на основе усвоения и по мере построения концепта о грамматической структуре языка — *вербальными символами, манипулировать концептами системы*. Это значит строить в ней в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации *новые концептуальные структуры*, которые континуально, но опосредованно — через другие концепты и их структуры — соотносены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида. В таком понимании первые, очевидно, несводимы ко вторым, хотя и неразрывно связаны с ними. Содержание концептуальной системы может быть не только более или менее «богатым», но и более или менее близким к познаваемой действительности. Однако оно не является полностью детерминированным ею; речь идет о *логической* (т. е. обусловливаемой самой системой) возможности построения концептов.

Построенные посредством языка концептуальные структуры скорее относятся к *возможному*, чем к *актуальному*, опыту индивида. Они представляют собой информацию, которую без языка невозможно ввести в концептуальную систему, т. е. манипулируя языком и фиксируемыми им концептами, *построить в концептуальной системе и*, следовательно, провести соответствующие (дополнительные) разграничения в мире. (В этом, собственно говоря, и таится опасность абсолютизации, гипотезирования языка.) Это может быть информация как о принципиально наблюдаемых в действительности, но недоступных наблюдению индивида объектах, так и о принципиально или непринципиально ненаблюдаемых, или гипотетических, объектах. В этом смысле концепты, кодируемые вербальными символами «вода», «красное», «бежит» и т. п., отличаются от концептов, кодируемых символами «энтропия», «кентавр», «демократия», « $\sqrt{-1}$ » и др.

В таком расширении границ познания, в возможности перепахнуть границы актуального опыта и заключается познавательная ценность символизма, языка вообще. Это относится не только к естественным языкам, но вообще к любой символике, используемой в качестве средства кодирования и манипулирования концептами концептуальной системы. В качестве значительного момента такого расширения познавательных границ можно указать на то, что именуется феноменом «самосознания». С рассматриваемой точки зрения он представляет собой частный слу-

чай взаимоинтерпретации концептов, когда концептуальная система *in concreto* интерпретируется («отражается») в собственных концептах, что в лингвистическом плане выражается усвоением (построением) соответствующего концепта как смысла индекса «я».

Из-за отсутствия взаимооднозначного соответствия между континуумом концептуальной системы и множеством вербальных выражений не представляется возможным говорить об *абсолютных* выразительных возможностях естественного языка. Понятие «выражение» здесь требует существенной оговорки: естественный язык сам по себе вообще ничего не выражает, если не предполагается определенная его интерпретация. С точки зрения отстаиваемого нами подхода о выражении с помощью языка некоторого концепта можно говорить, понимая под этим фиксацию (благодаря кодирующей функции языка) или построение (благодаря *манипулятивной* его функции) определенного концепта в другой (принимавшей данное выражение) концептуальной системе, в тривиальном случае — в той же. Сами вербальные выражения скорее следует рассматривать — не игнорируя при этом их принципиально важной функции: символической фиксации концептуальных структур, манипуляции ими и порождения новых концептуальных структур — в качестве меток на непрерывном пространстве смысла, имеющих кроме своей *социальной природы и социальную функцию*: служить средством коммуникации.

Выделенные нами функции кодирования и манипулирования концептами объясняют возможность «передачи» информации посредством текста, когда в одном конце линии «передачи» концепты, принадлежащие определенным концептуальным системам, кодируются текстом (в исторической перспективе — «консервируются» текстом), а в другом — этот текст декодируется в определенных концептуальных системах.

Одним и тем же словесным выражением могут указываться разные концепты одной и той же концептуальной системы, что отражает неоднозначность языковых выражений. Мы говорим, что человек и лошадь бегут, бегут часы, бегут мысли, бежит ручей и т. д. Говорим «резкий» о спаде и «резкий» об ответе, «острый» о ноже и «острая» о критике. То же относится к употреблению таких, важных с точки зрения философской терминов, как «правильный» или «существует». Так, «правильны» (в смысле «ис-

типы») математические и логические формулы, и правительственные прогнозы погоды; «существуют» числа, классы и т. п. и материальные объекты. При этом, как отмечалось, форма вербальных символов, соотносимых с концептами концептуальной системы, может варьировать от слова до предложения или целых текстов.

Ввиду того что каждая концептуальная система как система интенциональных функций, с одной стороны, предполагает определенную онтологию как множество задаваемых этими функциями объектов, а с другой — имеет индивидуальную историю построения (что относится и к статусу ее концептов), возможны определенные несоответствия между индивидуальными концептуальными системами как содержащими различные «картины мира» (см. гл. V, 6). Эти несоответствия отражают разный опыт (в самых разных его аспектах и уровнях — обыденном, научном, физическом, социальном, этическом, эстетическом и др.), который наряду с другими факторами — социальным, культурным, физическим и другими контекстами — определяет разные ориентационные потребности носителей языка.

Языковые выражения в любом случае соотносятся с определенным концептом (или их структурой), неразрывно связанным с определенной концептуальной системой, т. е. определенными ее концептами. Поэтому понимание языкового выражения здесь рассматривается как его *интерпретация в определенной концептуальной системе*, а не в терминах определенного множества семантических объектов, соотносимых с языковыми выражениями и образующих «семантику языка», как полагалось в выше охарактеризованных семантических концепциях, исключая концепцию Куайна.

Вместе с тем благодаря манипулятивной функции естественного языка возможно ориентирование индивидуальных концептуальных систем в сторону специфических, значимых, принятых в определенном обществе социальных, культурных, эстетических и других ценностей, в сторону *социально значимой*, конвенциональной «картины мира», что и составляет необходимое условие социальной коммуникации носителей языка. Это дает нам право говорить о возможности специфической ориентации индивидуальных концептуальных систем, проявляющейся в образующей специфической «картины мира» как принятой в определенном обществе системы *концептуальных стерео-*

типов, в качестве принятых норм мышления, оценки, поведения в мире.

Излагаемый здесь подход помогает понять, почему часто один естественный язык содержит языковые формы для выражения таких концептов, для которых не имеется соответствующих средств выражения в другом языке. С принятой здесь точки зрения при усвоении нового языка — учитывая манипулятивную и порождающую его функции — увеличиваются возможности «выражения» концептов, а также построения новых концептов. Это обстоятельство, когда оно *так* понимается, и составляет, на наш взгляд, конструктивный момент в гипотезе лингвистической относительности.

Неконструктивная сторона этой гипотезы, утверждающей, что естественный язык определяет мировоззрение его носителей, а большие различия в естественных языках в конце концов означают различия мышления и понимания мира, связана с абсолютизацией функций языка в процессе построения концептуальной картины мира. Существенная роль естественного языка в построении концептуальных систем, как следует из сказанного, не дает права говорить о семантической системе определенного языка как некоторой семантической сущности. Естественный язык сам по себе не является концептуальной системой, он, образно говоря, «вплетен» в такую систему, он служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концептуальных систем, воплощающих как обыденные (в том числе и довербальные), так и научные, квазинаучные и другие возможные представления носителей языка о действительном или каком-либо другом возможном мире. Следовательно, в процессе коммуникации языковым выражением кодируется не какой-то *общий* для коммуникантов, или *один и тот же*, смысл «семантики языка», а концепт, непрерывно связанный с определенной концептуальной системой, порожденный и, следовательно, определенный ею.

В онтологическом плане это означает необходимость учета отдельных универсумов объектов, задаваемых соответствующими концептуальными системами, а следовательно, и релятивизацию относительно них семантических свойств и отношений языковых выражений. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о релятивизации определений таких свойств и отношений, а о том, как они реализуются в определенной концептуальной системе.

Представленные здесь соображения мы примем в качестве исходных для критического рассмотрения как самих проблем логико-философского исследования естественного языка, так и адекватности предлагаемых в разных теориях подходов к решению этих проблем. Однако, перед тем как приступить к их обсуждению, подведем итоги изложенному в этой главе.

Центральным, наиболее важным в методологическом плане аспектом анализа проблемы смысла, конечно, является рассмотрение отношения *мышления и языка* как части более общего, фундаментального отношения *мысли, языка и действительности*. При этом важнейшим моментом для определения статуса смысла в той или иной семантической теории, несомненно, является вопрос о том, можно ли сводить мышление к языку, мыслительные (логические) структуры к языковым (грамматическим), или, наоборот, их следует рассматривать как независимые одни от других, или, наконец, искать диалектическую, органическую связь между ними, пытаясь выявить ее суть, механизм, позволяющий теоретически и методологически верно определить место и функции языка в процессах мыслительного освоения действительности.

Существенным и общим для представленных выше западных семантических концепций языка является именно сведение мыслительных структур к языковым или их отождествление. Несмотря на принятие в них теоретически важного и перспективного различения поверхностного, доступного наблюдению и глубинного, абстрактного, недоступного наблюдению уровней анализа языка, несмотря на рассмотрение последнего в качестве *логического*, базисного, семантического, речь в этих теориях идет о *языковых смысловых структурах*. Абсолютизация таких структур как следствие рассмотрения языка в отрыве от процессов мышления реальных носителей языка неизбежно приводит к постулированию и гипостазированию «семантики языка», как бы она ни представлялась теоретически.

В наиболее явном, «чистом» виде «семантика языка» выступает в «интерпретативной теории» естественного языка, в которой вообще снят вопрос об отнесенности языковых структур к миру, к объективной действительности, в том числе и к знанию, которым носители языка располагают о ней. Такого соотношения знания носителей языка о мире с языковыми структурами нет и в «референтных теориях», выдвинутых в противовес «интерпретативной

теории», хотя в них и содержится попытка связать язык с объектами мира. В них, как и в «интерпретативном» анализе, постулируемая «семантика языка» есть нечто общее для всех носителей языка, хотя в данном случае это общее выражается в постулировании некой абсолютной — не зависящей от конкретных представлений о мире конкретных носителей языка — совокупности объектов мира как отображении «семантики языка» в мире. Наконец, в теории, сформулированной У. Куайном, в отличие от вышеназванных выдвигается тезис о необходимости рассмотрения проблематики смысла в связи с проблематикой *познания*.

Однако в этой теории языковые структуры прямо рассматриваются как логические, т. е. здесь даже не допускается, что, кроме языка и мира, имеются какие-то посредующие между ними мыслительные структуры: достоянием анализа объектом полагаются лишь доступные наблюдению, непосредственному восприятию *сущности*, а все остальное объявляется метафизической фикцией. Незря понятие «концептуальной системы» здесь отождествляется с понятием системы логически взаимосвязанных предложений языка. Характерная для этой теории попытка включить в анализ проблемы смысла в качестве доступного наблюдению поведение носителей языка есть не что иное, как бихевиористское «обновление» методологически несостоятельной неопозитивистской доктрины языка, следы которой явно ощутимы и в концепции Куайна. Сказанное о методологической стороне названных выше семантических концепций не следует рассматривать как отрицание важности содержащихся в них отдельных конструктивных идей и теоретических разработок, о которых уже шла речь выше и к которым мы возвратимся в последующем изложении. Эти разработки, базирующиеся на достижениях современной логики и лингвистики, являются неотъемлемой частью современной науки о языке.

Наш подход, однако, предполагает не отождествление мысли и языка и не их разрыв, а поиск такой их связи, которая позволяет на основе принципов диалектико-материалистической гносеологии и учитывая достижения современной науки определить механизм этой связи, в частности выявить, *как возможно* усвоение и понимание языка, какую роль он играет в построении концептуальной картины объективной действительности. Без выявления этих важных моментов критика анализируемых в работе семан-

тических концепций, останавливающаяся только на констатации диалектики соотношения мыслительных и языковых структур, была бы существенно неполной.

Принятый нами подход, заключающийся в последовательном раскрытии усвоения языковых структур, дает возможность выявить значимость таких факторов, на которые доселе вовсе не обращалось или обращалось недостаточное внимание. К этим скрытым, но, как показано, существенным факторам, в значительной степени определяющим новизну исследования, относится положение о неязыковом характере информации, которой обладает человек на начальном этапе познания мира и которая образует определенную систему его представлений о мире, или концептуальную систему. Без предположения такой системы информации, наличие которой подтверждается логическими и эмпирическими аргументами, теряется сама возможность рационального объяснения понимания языка на начальном этапе его усвоения и открывается почва для различного толка мистических интерпретаций этого процесса. Принятие допущения о наличии невербальной системы информации позволяет последовательно перейти к рассмотрению роли языка в дальнейшем ее конструировании. Смысл языковых выражений тем самым оказывается «вплетенным» в определенные концептуальные системы, отражающие познавательный опыт их носителей. Существенный результат такого подхода — выявление необходимости ссылки на фактор концептуальных систем при анализе смысла языковых выражений. Такая ссылка, как увидим дальше, является чрезвычайно важной для выявления связи языка и мира, определения критериев осмысленности языковых выражений, раскрытия соотношения мнения и знания и перехода от одного к другому при построении картины мира. Учет фактора концептуальной системы как *постоянно присутствующего контекста употребления и понимания языковых выражений* существен и для решения множества практических задач моделирования мыслительных процессов — всюду, где необходим учет определенного «запаса знаний» человека.

Глава III

ЯЗЫК И МИР: ПРОБЛЕМА УКАЗАНИЯ ОБЪЕКТОВ

1. ИМЕНА И ДЕСКРИПЦИИ: ЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Главная цель, преследуемая нами в данной главе, — определить, что дают как классические, так и современные семантические концепции для выяснения *связи языка и мира*. Посредством последовательного рассмотрения различных подходов к этому вопросу и представления своего понимания мы надеемся показать все большее значение, которое получает *фактор контекста* употребления языковых выражений по мере увеличения степени адекватности теории. В конечном итоге выявляется необходимость в качестве такого важнейшего фактора рассматривать *сами концептуальные системы носителей языка*.

Рассмотрение взаимосвязи мысли, языка и мира предполагает анализ функционирования того символического аппарата, с помощью которого фиксируются, «схватываются» фрагменты этого мира. Чтобы — истинно или ложно — говорить о свойствах и отношениях объектов мира, иными словами, чтобы нечто предсказать относительно этих объектов, необходимо располагать возможностью *указания*, или *референции*, на эти объекты. Такая функция в естественном языке отводится *сингулярным терминам: собственным именам и определенным дескрипциям*. В случае собственных имен указание на объект, или *референт*, осуществляется посредством его *называния* (например, «Аристотель», «Афродита»), в случае определенных дескрипций — посредством его *описания* («ученик Платона и учитель Александра Македонского», «богиня любви»).

За кажущейся простотой этих вещей стоит, однако, одна из наиболее глубоких, фундаментальных проблем философии языка, заключающаяся в выяснении семантического статуса сингулярных терминов, или проблема *их осмысленности*. Она состоит, в частности, в поиске ответа на вопрос о том, *имеют ли собственные имена смысл*, т. е. являются ли они осмысленными, аналогично предикатам — прилагательным, общим существительным, глаголам и построенным из них определенным дескрипциям. Выяснение статуса собственных имен ведет к рассмотрению проблематики взаимозаменимости, или подставимости, сингулярных терминов в интенциональных контекстах, в частности в контексте мнения (см. гл. V). Анализ этого контекста, как уже отмечалось, предопределяет решение кардинального вопроса о взаимоотношении мысли, языка и реальности, а с нашей точки зрения, языка и концептуальной «картины мира».

Рассмотрение проблематики референции актуально в тех современных формальных теориях естественного языка, в которых для формализации смысла языковых выражений существен анализ отношения между языком и миром. Тогда, как правило, исходят из определенной логической концепции указания. В свою очередь, известная в традиции логического анализа неоднозначность трактовки проблем референции прежде всего связана с попытками перенести концепции референции, разработанные для анализа искусственных языков, на реалии употребления естественного языка.

Исследование проблемы референции в логическом анализе мотивируется необходимостью раскрыть логическую форму соответствующих языковых выражений (собственных имен и определенных дескрипций), скрытую за их «поверхностной формой», «поверхностной грамматикой». Ввиду концептуальной и теоретической взаимосвязи проблемы референции языковых выражений с вопросом о существовании соотносимых с ними объектов определяющим для той или иной концепции референции является логический анализ *истинных утверждений о тождестве объектов*, обозначаемых сингулярными терминами, а также *утверждений предикации относительно несуществующих объектов*, обозначаемых сингулярными терминами.

Согласно классической концепции референции Фреге (см. 134, с. 56—78), имена осуществляют функцию указания благодаря своему смыслу, точнее, если и только если

имеется объект, удовлетворяющий смыслу имени: именование всегда предполагает описание объекта, к которому относится имя. При этом Фреге считал, что если нечто утверждается, то всегда имеется *пресуппозиция*, что употребляемое простое или сложное имя, указывающее на объект, о котором нечто — истинно или ложно — утверждается, имеет референт. Поэтому, если некто утверждает: «Кеплер умер в нужде», то имеется пресуппозиция, что имя «Кеплер» обозначает кого-то, иначе говоря, что Кеплер существует. Но отсюда не следует, что смысл предложения «Кеплер умер в нужде» содержит в себе мысль, что имя «Кеплер» обозначает кого-то. По Фреге, пресуппозиция не входит в предложение в качестве его собственной части, а является *условием его утверждаемости в качестве истинного или ложного*. Если такая пресуппозиция не удовлетворяется, т. е. референта не существует, рассматриваемое предложение полагается лишенным истинностного значения, но осмысленным.

В концепции Рассела, не принявшего фрегевского объяснения информативности утверждений тождества, определенные дескрипции существенно отличаются от того, что Рассел называет «логически собственными именами». В отличие от последних определенные дескрипции являются неполными символами, не указывающими на определенные объекты и, следовательно, не *имеющими* самостоятельного значения, хотя «любая пропозиция, в вербальном выражении которой они встречаются, имеет значение»¹. Термин «значение» Рассел, как и Фреге, понимает *экстенционально*: в случае пропозиции — это ее истинностное значение. Логически собственное имя он считает «простым символом, прямо обозначающим индивида, который является его значением и имеет это значение сам по себе, независимо от значений всех других слов» (271, с. 102). В таком понимании логически собственные имена в естественном языке наиболее близки к указательным местоимениям, таким, как «этот», «тот», «это», «то» и т. д., употребляющимся для указания объекта, с которым носитель языка «знаком» — в расселевском понимании этого сло-

¹ Например, «Круглый квадрат не существует» является истинным предложением. Однако мы не можем рассматривать его как отрицающего существование некоторого объекта, называемого «круглым квадратом». Если бы такой объект был, он бы существовал; мы не можем сначала допустить, что имеется некоторый объект, а затем отрицать, что такой объект имеется (270, с. 66).

ва — и с которым он имеет дело при остенсивном определении объекта. Такое имя «в противоположность скрытому описанию может быть дано всему тому или любой части того, что говорящий в определенный момент переживает» (50, с. 337) как определенный комплекс сосуществующих качеств, в отношении которого не предполагается знания всех его составляющих. Для таких имен «вопрос существования» просто не возникает. Так, семантика «Оснований математики» просто не допускает необозначающих собственных имен (содержащиеся в ней теоремы спецификации $(x)Fx \rightarrow Fa$ и экзистенциального обобщения $Fa \rightarrow \exists xFx$ означают, что каждая индивидуальная константа этой системы является обозначающей). Поэтому утверждение, содержащее отрицание существования, т. е. $\sim (\exists x) (x=a)$, является ложным при любом выборе индивидуальной константы вместо «a». Далее, поскольку «a не существует» полагается бессмысленным, если «a» является логически собственным именем, то отсюда следует, что собственные имена в естественном языке — ввиду осмысленности аналогичных утверждений, в которых они содержатся, — не являются логически собственными именами. По мнению Рассела, они являются скрытыми, или сокращенными, дескрипциями, с точки зрения логически правильного анализа их функционирования, а не с точки зрения «поверхностной грамматики». Поэтому если кто-то утверждает, например, «Санта Клаус не существует», то перед тем, как определить содержание такого утверждения, необходимо определить, какую определенную дескрипцию заменяет это имя.

Существенным отличием определенных дескрипций от логически собственных имен является то, что первые — поскольку они могут быть пустыми — порождают неоднозначности как следствие узкого или широкого понимания области действия дескрипции. Так, предложение, имеющее логическую форму $\sim G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$, где « $\sim$ » — оператор отрицания, « $\ulcorner$ » — оператор дескрипции, « $(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ » — определенная дескрипция, «G» — предикат, согласно Расселу, имеет две интерпретации. При одной оно рассматривается как сокращение для $\sim[(\exists y)((x)((Fx) \leftrightarrow (x=y)) \& (Gy))]$ (что истинно при пустой дескрипции). При другой интерпретации это предложение рассматривается как сокращение для $(\exists y)[(x)(Fx \leftrightarrow x=y) \& \sim Gy]$ (что ложно при пустой дескрипции).

При этом отрицание представляет собой частный случай выявления различий логического поведения опреде-

ленных дескрипций; вообще, предложения, содержащие определенные дескрипции, имеют логически неэквивалентные интерпретации в зависимости от приписываемой дескрипции области действия. Так, предложение «Георг IV думает, что автором «Вэверлея» является Скотт» может получить интерпретацию, при которой дескриптивная фраза «автор «Вэверлея»» употребляется для описания определенного *индивида* как *объекта* мнения Георга IV, или же дескриптивная фраза употребляется для выражения *содержания* мнения Георга IV. Аналогичным образом, когда мы говорим «Георг IV хотел узнать, является ли Скотт автором «Вэверлея»», мы имеем в виду либо «Георг IV хотел узнать, один и только один человек написал «Вэверлея» и Скотт является этим человеком», либо «Один и только один человек написал «Вэверлея», и Георг IV хотел узнать, является ли Скотт этим человеком» (267, с. 52).

Существенный для последующего развития логического анализа естественного языка аргумент о том, что определенные дескрипции порождают неоднозначность, первоначально использованный Расселом при определении логического статуса пустых определенных дескрипций в случае экстенциональных контекстов, впоследствии был применен А. Шмультцем (287) в качестве контраргумента против выдвинутой Куайном критики квантификации в модальных контекстах. Определенная дескрипция, содержащаяся в получаемом в качестве заключения предложении «Необходимо, число планет больше семи» из посылок «Девять — число планет» и «Необходимо, 9 больше 7» посредством замены тождественного, может рассматриваться как порождающая неоднозначность типа *de dicto/de re*; соответственно данное предложение формально получает либо интерпретацию $\Box[(\ulcorner x \urcorner)(Fx)]((\ulcorner x \urcorner)(Fx) > 7)$, где « $\Box$ » — оператор необходимости (при которой заключение полагается ложным и не следующим из посылок), либо интерпретацию $[(\ulcorner x \urcorner)(Fx)]\Box((\ulcorner x \urcorner)(Fx) > 7)$ (при которой заключение полагается истинным и следующим из рассматриваемых посылок в данном модальном контексте).

В этой связи отметим, что в классическом понимании различие *de dicto/de re*, известное уже в средневековой логике, есть различие между приписыванием свойства модальности *пропозиции* (*dictum* — тому, что говорится), например «Возможно, что Сократ бежит», и приписыванием такого свойства *определенному объекту* (*res*, о котором идет речь), соответственно «Сократ, возможно, бежит». При по-

нимании *de re* модальности как несводимой к *de dicto* это различие рассматривается как способствующее возрождению аристотелевской доктрины *эссенциализма*, согласно которой некоторые свойства присущи объекту эссенциально, необходимо. В современном, собственно логическом истолковании, когда модальности совмещаются с квантификацией, речь идет соответственно о различии, выражаемом формулами $\Diamond \exists x Fx$ («Возможно, что существует объект, имеющий свойство F ») и $\exists x \Diamond Fx$ («Существует объект, который, возможно, имеет свойство F »), $\Box(x)Fx$ («Необходимо, что все объекты имеют свойство F ») и $(x)\Box Fx$ («Все объекты необходимо имеют свойство F »). Речь идет, вернее, о допустимости принятия логических отношений, выражаемых «формулами Баркан» (см. 80, 81): $\Diamond \exists x Fx \rightarrow \exists x \Diamond Fx$ и $(x)\Box Fx \rightarrow \Box(x)Fx$.

В семантическом плане это связывается с принятием определенной концепции возможных миров: в случае *однородной* концепции этих миров, означающей, что в других возможных мирах существуют лишь те объекты, которые существуют в действительном мире, но отличаются от последних своими свойствами и отношениями, «формулы Баркан» полагаются вполне приемлемыми. Ситуация меняется в *разнородной* концепции возможных миров, согласно которой объекты, не существующие в действительном мире, могут существовать в других возможных мирах.

В логическом анализе естественного языка различию *de dicto/de re* придается существенная роль как при рассмотрении статуса сингулярных терминов, прежде всего определенных дескрипций, так и в связи с экстраполяцией этого различия на *эпистемические* модальности и рассмотрением приемлемости и следствий квантификации, что, в нашем понимании, неотделимо от рассмотрения языковых выражений как в большей или меньшей степени *прозрачных относительно определенных концептуальных систем* (см. гл. V).

Проведение различия между собственными именами и определенными дескрипциями служит Расселу основой для объяснения информативности утверждений вроде «Венера — утренняя звезда», «Скотт является автором «Вэверлея»» и т. д. Информативность таких утверждений обеспечивается тем, что по крайней мере один из терминов утверждаемого тождества является эксплицитной или скрытой дескрипцией, а не логически собственным именем. Аналогично объясняется непарадоксальность утверждений

отрицания существования вроде «Круглый квадрат не существует»: возможность таких — не только осмысленных, но и истинных — утверждений показывает, что выражение «круглый квадрат» не является логически собственным именем¹.

Отсюда делается вывод, что любое предложение, грамматическое подлежащее которого кажется именуемым несуществующий объект, должно быть подвергнуто такому логическому анализу, в результате которого это подлежащее элиминируется в логической парафразе предложения. В рассмотренном случае такой анализ дает следующую парафразу: «Ложно, что имеется один и только один объект, который является круглым и квадратным». Формально это выглядит так: $\sim ((\exists x)(y)(Fy \& Gy \leftrightarrow y=x))$, где F — «круглый», G — «квадратный». Предложения, имеющие вид «такой-то объект является таким-то» (т. е. имеет такое-то свойство), например «Автор «Вэверлея» является поэтом», тогда анализируются в конъюнкцию трех предложений, а именно как в рассматриваемом случае: «Кто-то написал «Вэверлея»», «Самое большое одно человек написал «Вэверлея»», «Любой, кто написал «Вэверлея», является поэтом». Формально это обозначается следующим образом: $\exists x Fx \& (x)(y)((Fx \& Fy) \rightarrow x=y) \& (x)(Fx \rightarrow Gx)$, где F — «написал «Вэверлея»», G — «поэт».

Существенным следствием такого анализа и вместе с тем его отличием от анализа фрегевского типа является то, что любое предложение, имеющее данную логическую парафразу, или данную форму, логически имплицитно утверждает предложение «Такой-то объект существует» — $G(\Box x)(Fx) \rightarrow E!(\Box x)(Fx)$, где консеквент импликации является сокращением формулы $(\exists x)(y)(Fx \rightarrow y=x)$. Следовательно, такое предложение считается ложным, если объект, о котором идет речь, не существует. Аналогичным образом результатом элиминации определенной дескрипции из утверждений тождества является то, что последние получают логическую форму экзистенциально обобщенных конъюнкций, а знак тождества ставится между связанными *перменными*.

¹ «Всегда, — пишет Рассел, — когда грамматический субъект предложения может полагаться несуществующим без того, чтобы превратить предложение в бессмысленное, ясно, что грамматический субъект не является логически собственным именем, т. е. не является именем, представляющим некоторый объект» (270, с. 66).

В итоге подход Рассела предопределяет иную, нежели у Фреге, спецификацию класса утверждений. У Рассела грамматическая правильность предложения является *условием его истинности или ложности*, а последнее в свою очередь определяет его *осмысленность*. Тем самым выдвигается дихотомия *бессмысленных* и *истинностно характеризующихся* предложений, а термин «ложное» получает широкое понимание — «не истинное». По Фреге, условия истинности или ложности зависят от соображений, выходящих за рамки грамматики, и являются вопросами *экстралингвистического порядка*.

Вообще, обсуждаемые здесь и ниже подходы Рассела, Фреге, Стросона, Крипке и других можно рассматривать и как — в каждом отдельном случае — специфическую реакцию на предшествующую им «*наивную*» теорию референции А. Мейнонга (по аналогии с «*наивной* теорией множеств» Г. Кантора), которая в определенной степени отражает интуицию носителей естественного языка. Согласно этой теории (216), во-первых, имеются объекты, которые не существуют (например, Пегас), и, во-вторых, такие объекты имеют определенные свойства (что, например, утверждается предложением «Пегас имеет крылья»). Следовательно, принимаемая область объектов намного шире всего того, что существует актуально.

Неадекватность теории дескрипций Рассела для некоторых реалий естественного языка в отличие от формальных языков логики и математики является основным мотивом критики, предпринятой в ряде исследований Стросона (293, 294, 295, 296). Важность этой критики заключается прежде всего в том, что от нее ведет начало поиск более адекватных теоретических моделей реалий употребления естественного языка. Вытекающее из них значение *экстралингвистического фактора* дает, как мы попытаемся показать, существенный аргумент против абсолютизации «семантики языка» и следующей отсюда абсолютизации роли естественного языка в коммуникации и познании.

Согласно Стросону, основной изъян расселовской теории в этом вопросе состоит в отождествлении *предложения* и *утверждения*, которое может быть осуществлено посредством данного предложения в разных случаях его употребления. Так, необходимо различать случай, когда некто высказывает предложение «Настоящий король Франции лыс» в эпоху монархии во Франции, от случая, когда некто высказывает это же предложение, например, сегодня, когда

Франция является республикой. В первом случае имеет место истинное или ложное утверждение (в зависимости от того, является ли индивид, о котором идет речь в предложении, т. е. король, лысым или нет). Во втором случае не утверждается ни нечто истинное, ни ложное, ибо утверждение «Король Франции существует» как *пресуппозиция*, а не логическое *следствие* (как полагал бы Рассел) рассматриваемого предложения является ложным. В таком случае вопрос об истинности или ложности предложения «Настоящий король Франции лыс» просто не возникает: сингулярный термин «Настоящий король Франции» *терпит неудачу референции*; здесь имеет место то, что Куайн назвал «*истинностным пробелом*» (247, с. 439). Таким образом, истинностное значение полагается характеристикой *утверждений*, а не *предложений*. Аналогично подходу Фреге Стросон не рассматривает истинность предложения в качестве необходимого условия его осмысленности, хотя «*S пресуппозит S'*» означает, что истинность *S'* является необходимым условием истинности или ложности *S*.

Конструктивным в подходе Стросона является то, что он рассматривает не только пресуппозиции сингулярных предложений (предложений, содержащих в качестве грамматического субъекта сингулярный термин), но и то, что пресуппозит квантифицированными предложениями, имеющими форму «Все *A* являются *B*», «Некоторые *A* являются *B*» и т. д. Так, предложение «Все дети Джона спят», согласно этому подходу, может получить истинностную оценку, если и только если предложение «Джон имеет детей», или «Существуют дети Джона», является истинным (294, с. 173), т. е. если и только если удовлетворяется формулируемое в пресуппозиции условие существования объектов. В противном случае два предложения «Все дети Джона спят» и «Неверно, что все дети Джона спят» создают только *видимость*, впечатление противоречия.

Закон исключенного третьего классической логики требует квалифицировать одно из таких предложений как ложное, однако такой альтернативы не возникает, если пресуппозицией обоих предложений является ложное утверждение («Джон имеет детей»). Приведенные предложения являются осмысленными, однако ни истинными, ни ложными: они не являются *утверждениями*. Поэтому названный логический принцип не может быть применен к ним. Для сравнения отметим, что Рассел также назвал бы

эти предложения осмысленными, но по *противоположным* мотивам: потому что при ложной пресуппозиции оба эти предложения он отнес бы к *ложным* утверждениям.

От стросоновского понятия пресуппозиции ведет начало экстраполяция этого понятия в современных формальных теориях естественного языка на значительно более широкий диапазон выражений этого языка как следствие рассмотрения их семантических свойств и отношений. Так, говорят о пресуппозициях *«фактивных предикатов»* («То, что Фрэд уехал, удивило Мэри» пресуппонирует «Фрэд уехал»), о пресуппозициях *вопросов* («Перестал ли Джон бить свою жену?» пресуппонирует, кроме «Джон существует», «Существует жена Джона», также «Джон бил свою жену»), о пресуппозициях *обещаний* («Я обещаю вернуть тебе долг» пресуппонирует «Я еще не вернул тебе долга»), о пресуппозициях *приказов* («Открой дверь!» пресуппонирует «Дверь имеется», «Дверь закрыта») и т. д., реализация которых считается необходимой для удачного осуществления «речевого акта».

Соответственно рассматривают пресуппозиции как формулирующие условия, которые должны быть удовлетворены для эффективного относительно целей коммуникации употребления языкового выражения. Конечно, такие условия не будут удовлетворены, если, к примеру, зная, что Джон не имеет детей, мы тем не менее будем спрашивать: «Все ли дети Джона спят?» Осмысленный (с точки зрения целей коммуникации) ответ на подобный вопрос предполагает знание реализации пресуппозиции, содержащейся в вопросе. Иначе говоря, осмысленная постановка вопроса и предполагаемый ответ на него зависят от *состояния знания* спрашивающего и отвечающего и в этом смысле от *контекста употребления*, охватывающего носителей языка как носителей, с нашей точки зрения, *определенных коммуникативных систем*.

В более поздних работах Стросон (см. 296, 299) допускает возможность релятивизации отстаиваемой им точки зрения, указывая на то, что реалии естественного языка не дают однозначного, окончательного ответа в пользу принятия — в случае неудовлетворения пресуппозиции существования обозначаемого сингулярным термином объекта — «истинностных пробелов» или, наоборот, как у Рассела, заполнения этих пробелов истинностным значением ложь, когда является ложным соответствующее утверждение существования.

С нашей точки зрения, предпочтение одного подхода другому связано с принимаемой в том или другом случае концепцией истины как концепции соответствия предложений естественного языка реальности. Действительно, если вообще можно говорить о каком-либо контексте, учитываемом в анализе Рассела, так это о контексте научного *объективного знания*, контексте серьезного, научного дискурса. В таком контексте предложения вроде «Санта Клаус живет на Северном полюсе», равно как «Санта Клаус живет на Южном полюсе», являются ложными, хотя интуитивно, например, в контексте Рождественской истории (если под последним понимать не только то, что относится к действительному миру, но и к какому-либо возможному миру) истинностный статус этих предложений, очевидно, различен.

Согласно классической модели предложения как того, что состоит из выражения-субъекта, служащего цели указания на объект, и выражения-предиката, характеризующего этот объект, утверждение является истинным, если предикатное выражение является истинным по отношению к объекту, *идентифицируемо указываемому* субъектным выражением. Соответственно утверждение является ложным, если предикатное выражение не является истинным по отношению к такому объекту. При неудачном указании, если следовать Стросону, имеет место случай «истинностного пробела».

Исходя из такой модели истинностная характеристика предложения, содержащего не менее двух (потенциально) указывающих выражений, одно из которых терпит неудачу указания, зависит от способа членения, которому подвергается такое предложение. Либо терпящий неудачу указания термин рассматривается как абсорбированный предикатным выражением, и тогда можно говорить, что мы имеем дело с ложным утверждением, либо такой термин рассматривается в качестве субъекта предложения (т. е. предикатным выражением абсорбируется идентифицируемо указывающий термин), и тогда такое предложение классифицируется как *не подлежащее истинностной оценке*.

Так, предложение «Настоящий король Франции посетил Парижскую ярмарку» может быть подвергнуто следующим, условно указываемым скобками вариантам анализа. А) («Настоящий король Франции посетил») (Парижскую ярмарку)», что должно быть истолковано как лож-

ное утверждение, в котором к идентифицируемо указываемому объекту — Парижской ярмарке — как субъекту утверждения относится ложный предикат «быть посещенной настоящим королем Франции»; В) «(Настоящий король Франции) (посетил Парижскую ярмарку)», что должно быть истолковано как предложение, лишенное истинностного значения, так как в роли субъекта здесь выступает термин, терпящий неудачу указания; С) «(Настоящий король Франции) (посетил) (Парижскую ярмарку)», что истолковывается аналогично только что рассмотренному случаю. Последний вариант соответствует стандартному переводу обсуждаемого предложения в первопорядковую логику, т. е. « $F(a, b)$ », где « F » — двуместный предикат «посетить», « a » — «Настоящий король Франции», « b » — «Парижская ярмарка» — аргументы этого предиката.

То или иное прочтение одного и того же предложения естественного языка, соответствующее, как в выше рассмотренном случае, различным вариантам его членения и анализа, вообще, та или иная интерпретация предложения как приписывание ему одних или других условий истинности, определяющих то или иное истинностное значение, — все это существенно зависит от *контекста употребления* предложения. Учет контекста употребления языковых выражений, причем не только в традиционном, но и в том его понимании, которое относится к *информации* носителя языка о мире, к тому, что мы называем «*концептуальной системой носителя языка*», неизменно присутствующей при интерпретации языковых выражений (см. разд. 6 настоящей главы), — словом, учет в *таком* понимании прагматического фактора употребления языка делает понятной критику, высказанную Стросоном в адрес теории дескрипций Рассела. Одновременно ссылка на прагматический фактор в том его понимании, в котором в него включаются и *референциальные намерения* носителей языка (о важности учета которых пойдет речь ниже), показывает жесткость, идеальность критериев идентифицирующей референции, которые разделяются как Расселом, так и Стросоном.

Ссылка на *так* понимаемый прагматический фактор (в отличие от узкого его рассмотрения, обсуждавшегося нами при анализе референтных концепций школы Монтегю) придает значимость и введенному К. Доннеланом и получившему разные модификации и интерпретации различию

«*атрибутивного*» и «*референциального*» употребления определенных дескрипций.

К. Доннелан (121, 122, 123) подвергает критике как теорию дескрипций Рассела, так и подход Стросона с точки зрения их адекватности реалиям функционирования дескрипций в естественном языке. В них, утверждает он, не учитывается тот факт, что одна и та же определенная дескрипция, встречающаяся в одном и том же предложении (например, «Убийца Смита сумасшедший»), может выполнять различные функции — *атрибутивную* или *референциальную*. Хотя в обоих случаях presupпонируется существование объекта, обозначаемого определенной дескрипцией, случаи ложной presupпозиции характеризуются различными следствиями.

При атрибутивном употреблении референт не фиксируется: нечто утверждается о любом объекте, который удовлетворяет рассматриваемому описанию. Если же такой объект не существует, утверждение не подлежит оценке с точки зрения истинности. Такая функция определенной дескрипции является объектом рассмотрения в теориях Рассела и Стросона. В случае референциального употребления определенной дескрипции референт фиксируется (как в вышеприведенном примере, где дескрипция «убийца Смита» может указывать на некоторое *конкретное* лицо, например Джоунса), однако объект необязательно должен соответствовать рассматриваемой дескрипции. Это возможно уже потому, что носители естественного языка не являются всезнающими (как в приводимом примере: многие могут не разделять мнения, что именно Джоунс является убийцей Смита, что тем не менее не мешает данной дескрипции осуществить функцию референции именно относительно Джоунса).

Отсюда следует, что референция в естественном языке может быть осуществлена и при *ложной* по отношению к объекту, *не соответствующей ему* дескрипции. Неудовлетворение presupпозиции существования объекта в таком случае не лишает утверждения его истинностного значения. Более того, если утверждение относительно рассматриваемого объекта истинно, то следует полагать истинным и *само утверждение*. Референциальная роль определенной дескрипции, когда она выступает в данной функции, является и из такого факта: если она не соответствует тому, к чему относится, то утверждение, в котором она содержится, может быть передано заменой ее на дескрипцию,

соответствующую обозначаемому объекту. Возможность такой замены объясняется чисто *референциальным* употреблением дескрипции.

Такое употребление дескрипции (когда указание на объект осуществляется посредством *неадекватной* объекту дескрипции) не рассматривалось ни Расселом, ни Стросоном, так как в классической семантической традиции под референтом дескрипции понимается объект, единственным образом удовлетворяющий условиям, выраженным определенной дескрипцией.

С точки зрения противопоставления семантики и прагматики естественного языка теория дескрипций Рассела является «чисто» семантической, она апеллирует лишь к тому, что определяется *семантикой самих языковых выражений*, а не к контексту их употребления и не к коммуникативным намерениям употребляющих эти языковые выражения. Согласно теории речевых актов, расселовская теория имеет дело с содержанием *«локуционных»*, а не *«иллокуционных»* актов.

Из этого следует, что для определения функции референции соответствующего языкового выражения недостаточно знать его синтаксическую или семантическую категорию: для этого необходимо знать *референциальные намерения* носителей языка, употребляющих данное выражение в определенном контексте. К этому необходимо добавить, что понимание такого контекста играет не менее важную роль в определении функции, в которой употреблена дескрипция. Однако ни *референциальные намерения* употребляющих дескрипцию, ни *понимание контекста их употребления* не могут быть предметом какой бы то ни было семантической теории, если ее предметом не является информация о мире, содержащаяся в концептуальных системах носителей языка.

2. СЕМАНТИКА ИМЕНИ: КРИТИКА КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ АНАЛИЗА

Как мы видели, для теории референции естественного языка имеет важное значение вопрос об условиях, которые должны быть удовлетворены, для того чтобы посредством определенной дескрипции и собственного имени осуществлялось указание. Этот вопрос, будучи непосредственно связанным с рассмотрением взаимоотношения

дескрипций и имен, является вопросом о семантическом статусе имен как таковых.

Классическая доктрина Дж. Милля (217), согласно которой имена имеют *денотацию*, но не имеют *коннотации* (в его терминологии), зиждется на следующем положении: тогда как определенная дескрипция относится к объекту только благодаря тому, что она описывает некоторый его аспект, собственное имя не описывает объекта и не является истинным по отношению к нему, а просто *называет* его (так, бессмысленным представляется вопрос «Что означает «Джордж Вашингтон»?» как вопрос о *смысле* данного имени в отличие от вопроса «Кто есть Джордж Вашингтон?» как вопроса о *деноте* имени). Однако такое понимание, как уже отмечалось, ставит проблему объяснения информативности утверждений тождества, как и объяснения статуса собственных имен в утверждениях существования.

Объяснение этих феноменов предполагается в доктрине Рассела, рассматривающего собственные имена — в отличие от логически собственных имен — как скрытые, или сокращенные, дескрипции¹: ответ на вопрос о референте собственного имени может быть дан либо процедурой остенсивного определения, либо посредством описания, которое уникально удовлетворяется объектом. Однако — и в этом суть дела — такие описания нельзя рассматривать как эквивалентные имени по определению, ибо тогда любое истинное утверждение пришлось бы полагать аналитическим, а не фактически истинным и соответственно любое ложное утверждение об объекте — контраридикторным. Так, если имя «Аристотель» означало бы «учитель Александра Македонского», то утверждение «Аристотель был учителем Александра Македонского» с точки зрения «семантики языка» (в данном случае — русского), т. е. с точки зрения принятых в нем правил обозначения, было бы чистой тавтологией. Однако оно не является таковым, ибо выражает *факт*: Аристотель учил Александра Македонского, т. е. то, что может оказаться ложным.

¹ К данной доктрине относится и предложение Куайна замещать имена дескрипциями, которые затем элиминируются (согласно процедуре контекстуальных определений, предложенной Расселом) в квантифицированные выражения логики первого порядка (см. 246). Однако такая формализация имен выдвигалась Куайном не в качестве теории референции для имен, а как одна из возможных «регламентаций» естественного языка, преследующая определенные *дедуктивные* цели.

Таким образом, если можно было бы прийти к согласию относительно точных характеристик, конституирующих тождество объекта, если бы критерии собственных имен естественного языка были во всех случаях строгими, специфичными и неизменными, тогда имя было бы не чем иным, как сокращением дескрипции. Кроме того, тогда двое говорящих выражали бы *разные* пропозиции, употребляя одно и то же имя в одном и том же предложении, имеющем одно и то же истинностное значение, если множество дескрипций, которые они рассматривают по отношению к данному имени, не тождественно (а предложения, содержащие контекст мнения, могут в таком случае различаться даже по *истинностному значению*).

Стросон и Сэрл (см. 280) в отличие от Рассела и Фреге полагают, что такое множество является некоторым составным описанием, охватывающим *наиболее часто* упоминаемые факты. По Стросону, такое описание должно включать как тривиальные, так и нетривиальные характеристики объекта, чаще всего относимые к нему разными носителями языка. По Сэрлу, речь должна идти не об отдельной дескрипции, а о некоторой *дизъюнкции идентифицирующих дескрипций*, аналитически связанной с рассматриваемым именем и выступающей в качестве его дескриптивной поддержки. Если же ни одна из идентифицирующих дескрипций, относимых в качестве истинных к некоторому объекту, не является истинной по отношению к нему, этот объект не может быть тождественным носителем рассматриваемого имени.

Следовательно, объект должен удовлетворять хотя бы некоторым из «достаточно широкого, но неспецифицированного» множества («пучка») таких дескрипций (логически — из множества открытых предложений, или пропозициональных функций, из которых эти дескрипции строятся). Однако установить, *какие* из составляющих такие дизъюнкции предложений являются ложными, проблематично, так как дескриптивная поддержка собственных имен в естественном языке не является точной.

Утверждение аналитической связи имени и некоторой дизъюнкции, состоящей из определенного множества дескрипций, рассмотрение имен как логически связанных с характеристиками объекта, на который они указывают, и содержит квазиутвердительный ответ Сэрла на вопрос «Имеют ли собственные имена смысл?». То, что только в некотором, не вполне определенном смысле можно гово-

рить, что собственные имена имеют смысл, по Сэрлу, вытекает из самих функций, которые выполняются собственными именами в естественном языке. В свою очередь, неопределенность критериев относительно собственных имен рассматривается как необходимое условие разграничения *функции указания* в языке от *функции описания*.

Таким образом, концепция Сэрла, как и подходы Фреге и Стросона, является модификацией того понимания, согласно которому именованное, или, более общо, называние, состоит в установлении умственной связи между множеством приписываемых объекту характеристик и именем объекта, в отождествлении чего-то (или кого-то) с носителем этих характеристик и благодаря этому отождествлению в использовании имени объекта.

Теперь рассмотрим другой подход, также абсолютизирующий референциальный аспект «семантики языка», согласно которому использование имени зависит от *каузальной* связи последнего с определенной процедурой изначального именованного, благодаря которой имя становится именем своего референта. В отличие от анализа фрегевского типа здесь основу референции составляет знание *исторических событий и их каузальных следствий*, а не знание смыслов имен в вышеприведенном понимании.

3. АБСОЛЮТИЗАЦИЯ И ДЕАБСОЛЮТИЗАЦИЯ «СЕМАНТИКИ ЯЗЫКА» В КАУЗАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ИМЕН С. КРИПКЕ

Теория некоторого достаточного множества дескрипций, которые, будучи логически связанными с собственным именем, в некотором непрямом смысле конституируют смысл собственного имени, хотя и более адекватна реалиям естественного языка, чем классические подходы Фреге и Рассела, но не свободна по крайней мере от следующих существенных возражений.

Во-первых, в практике употребления естественного языка описание — одиночное или групповое — не обязательно специфицирует единственный объект. Оно, даже будучи уникально специфицирующим, может быть истинным не относительно референта, которого говорящий имеет в виду, а относительно чего-то другого или вообще ничего (никого), как, например, в случае ложных представлений о чем-то. Во-вторых, как показал Доннелан, описание может быть ложным, хотя референция может иметь место.

Это требует более глубокого объяснения природы различий между собственными именами и дескрипциями.

Отправным пунктом такого объяснения, согласно С. Крипке, должно быть четкое разграничение двух аспектов, которые содержатся в фрегевском понимании *смысла*: 1) как *семантического содержания* собственных имен и определенных дескрипций («десигнаторов», по терминологии Крипке) и 2) как *способа задания*, установления их референции. По Фреге, эти аспекты содержатся в определенной дескрипции. У Крипке (см. 188) именно второй аспект является релевантным для усвоения носителями языка процедур *первоначального именования*, включая и остенсивное установление референта. В других ситуациях, согласно «каузальной», или «исторической», теории имен Крипке, референт, как правило, определяется посредством передачи имени от одного носителя языка к другому. При этом принимающий имя должен стремиться научиться использовать его с той же референцией, которая была установлена (имелась в виду) первоначально: «Именно следуя этой истории, и возможно дойти до указания» (188, с. 301). Развивая эту мысль Крипке, можно сказать, что вопрос в том, имеет ли имя референт, есть вопрос о *структуре* такой каузальной цепи, начинается ли она с актуально фиксированного референта, или же она не приводит к такому референту, имея в качестве своего начала некоторый *возможный объект*.

Следуя аргументации Крипке, даже в тех случаях именования, когда референт определяется по описанию, по какому-то уникально идентифицирующему признаку или свойству, эти описания, как правило, дают не смысл, не синоним имени, не то, относительно чего имя является сокращением, а, скорее, устанавливают *референцию*, причем, возможно, посредством *случайных* признаков объекта. Имя, обозначающее такой объект, тогда употребляется для указания на этот объект, для референции на него даже в контрфактических ситуациях, в которых данный объект не обладает рассматриваемыми свойствами, т. е. в тех возможных мирах, в которых этот объект существует, не обладая данными свойствами.

Вообще, когда десигнатор указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует (при этом не требуется, чтобы объект существовал во всех возможных мирах), такой десигнатор рассматривается как *жесткий*; в противном случае он пола-

гается *нежестким, случайным*. В интерпретации Крипке, собственные имена всегда являются жесткими десигнаторами в отличие от определенных дескрипций, которые, как правило, являются нежесткими десигнаторами (что соответствует *атрибутивной* функции употребления дескрипций в анализе Доннелана). Статус жестких десигнаторов из множества определенных дескрипций получают только те, которые обозначают *существенные* свойства объекта, т. е. такие, которыми объект обладает во всех возможных мирах. Так, дескрипция воды, характеризующейся на уровне обыденного опыта определенными чувственно определяемыми признаками, сопоставима в качестве нежесткого десигнатора с дескрипцией воды, представленной — на уровне научной концепции — формулой H_2O , в качестве жесткого десигнатора.

Из аргументации Крипке следует, что, если бы имена имели тот же смысл (означали бы то же самое), что соответствующие им дескрипции или семейства дескрипций, они не были бы жесткими десигнаторами; они не обозначали бы *необходимо* те же объекты во всех возможных мирах, ибо *другие* объекты могли бы обладать данными свойствами в других возможных мирах, если только не прибегать к существенным свойствам в формулировке соответствующих дескрипций. Так, президентом США в 1982 г. мог быть кто-то другой, а не Р. Рейган, но никто, кроме Р. Рейгана, не мог быть Р. Рейганом. Иными словами, хотя Р. Рейган мог бы не быть президентом — что равносильно предположению возможного мира, в котором он не является президентом, — Р. Рейган не мог бы не быть Р. Рейганом (хотя он мог бы не называться «Р. Рейган»).

Дескрипция «президент США в 1982 г.» указывает на определенный объект действительного мира, но кто-нибудь другой (например, Э. Кеннеди) мог бы быть президентом США в 1982 г., а Р. Рейган мог бы им не быть. Отсюда следует, что данная дескрипция не является жестким десигнатором¹. Она используется для осуществления референции на определенный объект, и поэтому, когда имеет место контрфактическое утверждение, вроде «Пред-

¹ Аналогично определенная дескрипция «число планет» рассматривается как нежесткий десигнатор по отношению к десигнатору (в данном случае имени) «девять»: число планет могло бы быть иным, чем оно есть на самом деле, но девять является девятью при любых обстоятельствах.

положим, Р. Рейган никогда не участвовал в президентских выборах», имеется в виду не предположение «Президент США никогда не участвовал в президентских выборах», а предположение «Этот человек никогда не участвовал в президентских выборах».

Другой пример: пусть имя «Аристотель» означает «самый великий ученик Платона». Естественно предположить, что в некотором возможном мире этот человек (т. е. тот, который носит имя «Аристотель») мог бы не быть учеником Платона. Но тогда, если бы мы контрфактически сказали: «Допустим, Аристотель вовсе не занимался философией», мы, конечно, не хотели бы этим сказать: «Допустим, человек, который учился у Платона, и учил Александра Македонского, и написал то-то и то-то, вовсе не занимался философией». Мы хотели бы только сказать: «Допустим, этот человек вовсе не занимался философией» (188, с. 276). Другими словами, когда мы говорим об *Аристотеле*, что он мог бы не сделать всего того множества вещей, которые ему обычно приписываются носителями языка, мы тем не менее говорим об *Аристотеле*, рассматривая его в некотором возможном мире.

Отсюда видно, что принятие без оговорок точки зрения о том, что смысл имени дается определенной дескрипцией (или дескрипциями), делает *невозможным* объяснение употребления имени в описании или рассмотрении контрфактических ситуаций. Действительно, данный аспект понятия жесткости определенных десигнаторов (в рассматриваемом случае имен) не может не быть акцептирован теорией концептуальной картины мира, конструируемой носителем языка, ибо он дает теоретическое объяснение *самой возможности* построения *контрфактических* рассуждений, в частности возможности осмысленного построения контрфактических утверждений.

В свете такого подхода неудовлетворительным представляется и классический (если под ним иметь в виду концепцию имен как сокращенных дескрипций) анализ сингулярных утверждений существования. Так, если принять, что имя «Моисей» означает «человек, который сделал то-то и то-то», то, если никто не сделал того-то и того-то, значит, согласно этому анализу, Моисей не существовал. Но из рассмотрения контрфактической ситуации (определенного возможного мира), где никто не сделал «того-то и того-то», вовсе не следует, что Моисей не мог бы существовать в таком возможном мире. Таким образом, утвержде-

ния вроде «Моисей существовал» не анализируемы в терминах удовлетворения условий существования и единичности относительно некоторой дескрипции.

Другой важный аспект понятия жесткости указания связан в концепции Крипке с непринятием понимания возможного мира, обнаруживающегося благодаря содержащимся в нем объектам, обладающим такими свойствами, которые делают возможным их распознавание и отождествление с объектами реального мира (как в концепции Д. Льюиса (см. 200)). По словам Крипке, «мы не начинаем с миров (которые предполагаются некоторым образом и качества которых — но не объекты — воспринимаются нами) и потом спрашиваем, каковы критерии трансмировой идентификации; наоборот, мы начинаем с *объектов*, которые мы *имеем* и можем идентифицировать в действительном мире. Затем мы можем спрашивать, могли бы некоторые предикаты быть истинными по отношению к *этим* объектам» (188, с. 267). Таким образом критика эссенциалистского понимания возможных миров и конституирующих их связей у Крипке аргументируется тем, что, во-первых, свойства, которыми обладает объект в некоторой контрфактической ситуации, не имеют ничего общего со свойствами, по которым этот объект идентифицируется в действительном мире; во-вторых, существенные свойства объекта, т. е. свойства, которых объект не может не иметь, не теряя тождественности, не являются теми свойствами, которые используются для идентификации этого объекта в другом возможном мире, ибо нет необходимости в *такой* идентификации.

На наш взгляд, абсолютизация такого понимания возможных миров вполне соответствует в концепции Крипке абсолютизации универсума объектов, составляющих возможные миры, определяемого исходя из постулируемой «семантики языка», характерно для нее приемлющей постулат жесткости определенных десигнаторов (собственных имен и некоторого множества определенных дескрипций). Жесткая референция на объект, содержащая в своей основе условие, что берется определенный объект реального мира, а затем рассматриваются различные его трансформации (то, что могло бы произойти с этим объектом при обстоятельствах, отличных от настоящих), освобождает Крипке от рассмотрения проблемы *качественной* трансмировой идентификации объекта, или, вернее, проблемы *реидентификации* объекта в некоторых других воз-

можных мирах. Жесткий десигнатор обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует: такие жестко обозначающие десигнаторы не меняют своих референтов при переходе от одного возможного мира к другому в абсолютном универсуме объектов. Употребление носителем языка жесткого десигнатора уже есть указание на объекты этого универсума.

Очевидно, такие термины должны подчиняться законам взаимозаменяемости (подстановки) тождественного и экзистенциального обобщения даже в модальных контекстах, так как они рассматриваются как жесткие в любых контекстах. Утверждение тождества посредством жестких десигнаторов (вроде «Цицерон является Тулием») есть с точки зрения рассматриваемого подхода утверждение необходимой истины, которая, однако, является не истинной *a priori* и не аналитической истиной (устанавливаемой в соответствии со смыслом употребляемых языковых выражений), а необходимой *a posteriori* истиной. Тем самым отрицается, с одной стороны, отождествление априорного и необходимого, и, с другой — апостериорного и случайного.

Речь идет, согласно Крипке, о метафизической необходимости, определяющей некоторое состояние мира в смысле его, мира, возможности быть иным, нежели он есть на самом деле, в отличие от эпистемологической необходимости, т. е. совершенно независимо от какого-либо знания носителей языка о мире.

Следовательно, вопрос о трансмировом тождестве объекта у Крипке есть метафизический вопрос о том, что значит сказать об объекте, что он является тем же в различных возможных мирах, а не познавательный вопрос о том, как носители языка отождествляют один и тот же объект в разных возможных мирах. Поэтому проблема взаимозаменяемости тождественного, согласно этому подходу, может получить решение только в терминах постулирования абсолютной — в плане обозначаемых выражениями языка объектов — «семантики языка», а не в терминах определенного знания носителей языка о мире. Проводя аналогию с интерпретативной концепцией, можно сказать, что в таком понимании постулируемый носитель языка должен знать все метафизически необходимые истины естественного языка.

Как критическое рассмотрение, так и развитие анализа Крипке в литературе относятся прежде всего к попыткам

экстраполяции понятия жесткого обозначения на определенные дескрипции. Любую такую экстраполяцию, конечно, следует рассматривать, прежде всего имея в виду тот теоретический контекст, который образуют традиционная дихотомия *de dicto/de re*, дихотомия атрибутивного/референциального употребления и расселовская идея о неоднозначности, порождаемой определенной дескрипцией, как следствии узкого или широкого понимания области ее действия.

Так, Л. Линский (206, с. 52—53), используя мысль о том, что определенные дескрипции порождают неоднозначность, будучи употреблены в неэкстенциональном контексте¹, прибегает к формальной интерпретации традиционного различия *de dicto/de re*. Предложение «Необходимо, что учитель Александра Македонского является учителем», представленное формально как $\Box T(\ulcorner x \urcorner)(Tx)$, получает *de dicto* интерпретацию $\Box[(\ulcorner x \urcorner)(Tx)]T(\ulcorner x \urcorner)(Tx)$, при которой оно полагается истинным, или *de re* интерпретацию $[(\ulcorner x \urcorner)(Tx)]\Box T(\ulcorner x \urcorner)(Tx)$, при которой оно полагается ложным. (В обобщенном варианте утверждение $\Box G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ в *de dicto* интерпретации предстает как $\Box[(\ulcorner x \urcorner)(Fx)] G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$, в интерпретации *de re* — как $[(\ulcorner x \urcorner)(Fx)]\Box G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$).

Ввиду того что в формальной семантике модальной логики каждая формула оценивается относительно каждого возможного мира, при *de dicto* интерпретации поначалу приписывается значение $(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ и G в мире w : если объект, который является значением $(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ в мире w , является членом экстенсии предикатного выражения G в w , $G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ приписывается истинностное значение Истина, в противном случае — Ложь. Если $G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ получает значение Истина в каждом возможном мире, тогда $\Box[(\ulcorner x \urcorner)(Fx)] G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ полагается истинным. При интерпретации *de re* в отличие от *de dicto* интерпретации после приписания значения $G(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ в w $(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$ не приписывается значения в каждом альтернативном возможном мире; берется значение $(\ulcorner x \urcorner)(Fx)$, зафиксированное в w , и соответствующий объект прослеживается в каждом другом возможном мире. При этом устанавливается, входит ли он или не входит в экстенсию G в каждом из

¹ Эта высказанная А. Шмультяном (см. 287) мысль является развитием идеи Рассела о неоднозначности, порождаемой пустыми определенными дескрипциями.

этих миров. В случае положительного ответа $[(\neg x)(Fx)] \square G(\neg x)(Fx)$ истинно в w .

Таким образом, разница между двумя интерпретациями объясняется тем, что в случае *de dicto* определенная дескрипция подвергается оценочной процедуре в каждом возможном мире, тогда как в случае *de re* значение дескрипции остается *фиксированным*, начиная миром w . Следовательно, семантическая роль оператора области действия определенной дескрипции заключается в указании на то, как рассматривается определенная дескрипция — в качестве жесткого или же нежесткого десигнатора¹. Наконец, если дескрипция получает одно и то же значение в каждом возможном мире, то для истинного значения любого модального предложения, содержащего такую дескрипцию, в любом мире не важно, какой процедуре — *de dicto* или *de re* — следуют при определении значения предложения в этом мире.

Предположение о том, что расселовская теория дескрипций вынуждает принятие *de dicto* интерпретации модальных предложений, содержащих дескрипции, Линский считает центральным в критическом отношении Крипке к этой теории. Однако если допустить, что такие предложения могут иметь *de re* интерпретацию, то они, как и собственные имена, могут быть употреблены для описания контрфактических ситуаций (как в предложении «Учитель Александра Македонского мог бы не быть учителем»).

Свойственная таким подходам объективистская концепция абсолютного универсума, состоящего из жестко указываемых объектов, ведет к абсолютизации понятия «семантики языка». При таком понимании специфичность концептуальных представлений носителей языка сводится к различным способам задания в конечном итоге одних и тех же объектов абсолютного универсума, в котором действуют законы не физической, а — ввиду соответствующего принятия идеологии и онтологии возможных миров — метафизической необходимости.

К категории жестких десигнаторов Крипке относит не только собственные имена, но и ряд общих имен, таких, как названия «естественных видов» (например, «золото»,

¹ Эквивалентность интерпретаций *de dicto*, *de re* выдвигается тогда в качестве необходимого и достаточного условия того, чтобы десигнатор считался жестким. Формально: $\square[D] F(D) \leftrightarrow [D] F(D)$, где D — неспецифицированный десигнатор, $[D]$ — оператор области действия десигнатора, $F(D)$ — атомарное предложение.

«вода», «кот» и т. п.), явлений («теплота», «свет» и т. п.), в противоположность общим именам, обозначающим «конвенциональные», «искусственные» виды, вроде «дом», «кровать» и т. п. Согласно Крипке, признаки, которые обычно используются для описания соответствующих объектов, как правило (например, как в случае предложения «Золото является желтым металлом», которое не только Кант, но и его современные последователи, в том числе лингвист Кац, полагают аналитическим), отражают свойства восприятия указанных объектов и не являются необходимыми.

Эти признаки служат для *референции* на соответствующие объекты, но не должны рассматриваться в качестве синонимов обозначающих эти объекты терминов, т. е. в качестве *смысла* этих терминов. Объект, удовлетворяющий определению, содержащему такие признаки, необязательно есть объект, обозначаемый соответствующим жестким десигнатором, и, наоборот, референт, обозначенный жестким десигнатором, необязательно должен удовлетворять такому определению. Иными словами, как и в отношении собственных имен, неудовлетворение такому определению не должно означать отрицания существования соответствующего объекта. Такие общие имена могут быть использованы для описания *контрфактических ситуаций* (как в предложении «Золото могло бы не быть желтым»). Они обозначают одни и те же виды во всех возможных мирах: благодаря имени мы сохраняем этот вид, «переходя» в метафизическом пространстве от одного возможного мира к другому.

Так, в обсуждаемом Крипке (188, 189) примере, иллюстрированном предложением «Кот является животным» (которое, следуя кантовскому пониманию, рассматривается как аналитическое в интерпретативной теории семантики Каца), гипотетически рассматривается возможность открытия: то, что мы до сих пор называли «котами», на самом деле суть некие автоматы, управляемые марсианами, т. е. не животные. Вопрос заключается в том, будем ли мы в таком случае продолжать называть объекты «котами», или же в «семантике языка» должно произойти изменение смысла этого слова. Согласно Крипке, следствием такого открытия не могло бы быть отрицание существования котов: речь шла бы о том, что тот объект, который мы называли «котом», на самом деле оказался не животным, а автоматом.

Далее, так как в науке сегодня принято считать предложение «Коты являются животными» истинным, то, поскольку это относится к *природе* рассматриваемого объекта, такие предложения следует квалифицировать как *необходимо истинные*, причем не *a priori* и не аналитически, а *a posteriori*, ибо к таким предложениям приходят вследствие эмпирического исследования. Аналогично отрицание биологом того, что киты являются рыбами, не означает, что его понятие рыбы отличается от соответствующего понятия обыденного носителя языка. Он просто поправляет последнего, установив, что предложение «Киты являются млекопитающими, а не рыбами» является необходимо истинным. Но ни предложение «Киты суть млекопитающие», ни предложение «Киты являются рыбами» в любом случае не рассматриваются как *a priori* или аналитически истинные утверждения.

Следует отметить, что в интерпретативной теории семантики Каца рассматриваемые случаи характеризуются как *изменение смысла термина*, ибо «смысл слова есть нечто вполне определенное, он передается единым куском информации» (178, с. 104). Включение же того или иного семантического маркера в качестве составляющей смысла языкового выражения (как в вышеприведенном случае — семантического маркера «животное») определяется, согласно данной теории, тем, насколько проще объясняет такой маркер интуицию носителей языка о семантических свойствах и отношениях предложений, в которых встречается слово «кот». Будучи принятым в качестве составляющей смысла, такой маркер — в рамках постулируемой «семантики языка» — автоматически делает аналитическим соответствующее атрибутивное утверждение (например, «Кот является животным»).

Кац указывает, что Крипке при рассмотрении проблематики смысла не различает того, что можно было бы назвать «*научным смыслом*», спецификации которого отвечают на вопрос «Какова существенная природа референта выражения *W*?», от того, что Кац называет «*лексикографическим смыслом*» (см. 181), спецификации которого отвечают на вопрос «Что означает данное выражение *W* в языке *L*?» (ср., например, слова «волна», «золото» в обыденном и в научном, физическом понимании). С точки зрения Каца, первый, к примеру, может представлять собой определенную *физическую* гипотезу, в то время как второй — определенную *лингвистическую* гипотезу. Первый

указывает на то, что научная теория говорит о природе объектов, составляющих экстенсию выражения *W*, преследуя тем самым цель предсказать и объяснить поведение этих объектов. Второй — на то, что другая научная теория, т. е. грамматика, говорит о смысле выражения *W* с целью предсказания и объяснения семантических свойств и отношений тех выражений, в которых встречается *W*.

«Лексикографический смысл» Каца ближе всего к тому, что Крипке называет «*феноменологическим понятием*», однако в теории Крипке последнему не придается статус смысла, т. е. то, что, согласно Кацу, впоследствии заменяется научным понятием. Это всего лишь грубая, часто ненадежная, хотя, бесспорно, используемая носителями языка в качестве указания на соответствующий объект аппроксимация к тому, что могло бы быть названо «*научным смыслом*». Поэтому такое понятие, не схватывая существенных свойств объекта (таких, которыми он обладает во всех возможных мирах), не может рассматриваться в качестве смысла — в интенциональном понимании — или части смысла соответствующего языкового выражения. Патнэм также считает (241, 242), что, употребляя термины, обозначающие естественные виды, носители языка руководствуются определенными семантическими их *стереотипами*, а не смыслом, определяющим экстенцию термина. Так, содержащиеся в стереотипе слова «лимон» характеристики (круглый, желтый, кислый и т. п.) вовсе не являются существенными семантическими его компонентами, а служат референции на объект благодаря первоначальному, передаваемому от одного носителя языка другому названию объекта. Поэтому для описания понятия экстенсии, соотносимого с таким стереотипом, предлагается использовать нечто вроде «*нечетких множеств*», а не множеств в классическом их понимании.

Намного ближе к определению экстенсии термина его научное понятие, однако, так как и такое понятие абсолютно не гарантировано от ошибки, Патнэм говорит о *подлинной экстенсии*, которая является одной и той же во всех возможных мирах. Такая экстенсия, однако, ввиду невозможности исключить ошибку в научном познании оказывается, скорее, никогда не достижимым идеалом. Поскольку стереотип не определяет экстенсии, он не является интенсией; в то же время такие стереотипы служат единственными понятиями многих терминов, используемых носителями языка. Из этого делается вывод, что носители

языка не обладают интенсиями: *смысл как интенсия термина не является ментальным объектом*. Между тем именно «лексикографический смысл», который, по мнению Каца, характеризует и раннюю стадию развития науки, является объектом рассмотрения в интерпретативной теории, как, впрочем, и в других лингвистических теориях естественного языка. Он, как отмечалось, описывается в терминах *универсальных семантических сущностей*.

«Лексикографический смысл» рассматривается Кацем как ингредиент «семантики языка». Он отличается не только от научного смысла (включая любую науку, кроме науки о естественном языке), но и от любой другой информации, используемой носителями языка для осуществления референции на объекты, но не являющейся частью «семантики языка» как объекта семантической теории. «Лексикографический смысл» представляет собой семантическую информацию о естественном языке, будучи частью его семантической структуры, т. е. определяя семантические свойства языкового выражения и его семантические отношения с другими выражениями этого языка и вместе с тем определяя референцию языкового выражения. Такая информация относится к *семантической компетенции* носителя языка в отличие от того, что Кац называет «не-семантической», или *вспомогательной*, информацией, которая тоже может быть использована носителями языка для указания на соответствующие объекты, но которая не является частью «семантики языка».

Такое разграничение означает отделение *знания естественного языка* от *знания мира*, словарной информации от энциклопедической информации о референтах языковых выражений, семантического компонента грамматики от системы «фактических мнений». Последняя в отличие от первой полагается не подлежащей формализации. Так, согласно Кацу, энциклопедическая информация, которой носители языка располагают о стюардессах, военных, священниках и т. д., разнится при переходе от одного носителя языка к другому в зависимости от их социального положения, культурных интересов и т. д. в большей степени, чем их словарная информация. Так, знание носителей языка о том, что стюардессы, военные, священники носят униформы, помогает им — в качестве определенных стереотипов — распознать соответствующие объекты, хотя такое знание не является с точки зрения данного подхода семантическим.

Рассматриваемому разграничению соответствует разграничение *грамматического смысла* выражения и *высказываемого смысла* (см. 182, 183). Первый есть смысл выражения как *типа*, или смысл языкового выражения как *нулевого* контексте. Второй есть смысл выражения как *знака*, или смысл выражения, как оно употребляется в определенном контексте и является объектом предполагаемой несуществующей *теории исполнения*, в отличие от *теории компетенции* языка. Иными словами, теория исполнения должна объяснить способ взаимодействия контекстуальных факторов со знанием грамматической структуры предложений, определяя *высказываемый* смысл предложений-знаков. Поскольку теория семантической компетенции определяет грамматический смысл предложений-типов, перед теорией исполнения ставится задача объяснения расхождения высказываемого смысла и грамматического смысла в ненулевых контекстах. Существенную роль в рассматриваемом расхождении выполняют «энциклопедические знания» носителей языка и то, что в лингвистической философии называют «прагматическими намерениями» носителей языка как участников определенного коммуникативного акта¹.

Сопоставляя подход Крипке к семантике выражений естественного языка с интерпретативной концепцией семантики, следует отметить, что как в одном, так и в другом случае происходит абсолютизация «семантики языка», хотя и в существенно разных перспективах ее рассмотрения. В теории Каца речь идет о задании абсолютного универсума смыслов и о рассмотрении их внутрисистемных отношений без подлинного выхода в экстралингвистическую реальность, т. е. без референции на соответствующий универсум объектов. В теории Крипке речь идет о задании абсолютного универсума объектов (рассматриваемых с точки зрения их поведения в различных возможных мирах) как референтов определенных выражений естественного языка и только в этом возможном понимании смыслов как (частичных) функций, имеющих в качестве своих аргументов возможные миры, а в качестве значений — соответствующие объекты универсума. Критика, высказываемая в адрес того понимания смысла, которое свойственно интерпретативной концепции, здесь не приводит к релятивизации смысла относительно концептуаль-

¹ См. исследования Грайса (141, 142), Сэрла (282).

ных систем носителей языка. Соответственно если в одном случае мы имеем дело с *метафизически всезнающим* носителем языка как конструктом теории, то в другом случае роль такого конструкта отводится *лингвистически всезнающему* носителю языка. Однако в обоих случаях необъясненной остается интуиция *реальных*, ни лингвистически, ни метафизически не всезнающих носителей языка.

В свете сказанного относительно общих имен очевидным является то, что как в одной, так и в другой теории как теории «семантики языка» невозможно в рамках одной когерентной теории учесть столь разные уровни знания носителей языка — от обыденного, предстающего в виде определенных стереотипов, до научного, включая самые разные, посредующие его аспекты. Неизбежным следствием такой попытки является хотя и осуществляемая в разных плоскостях — референтной и интенционалистской — абсолютизация разных аспектов «семантики языка».

Смысл множества общих имен естественного языка (таких, как «желтый», «тяжелый», «сладкий», «интересный», «хороший» и т. п.) не подлежит определению в терминах необходимых и достаточных условий как критериев идентификации соотносимых с ними объектов, как абсолютных (независимых от контекста употребления) критериев правильности употребления таких имен. В отношении этих имен, скорее, имеет место то, что Витгенштейн называл «*семейными сходствами*». «Определенная неопределенность», «размытость» смысловых границ этих общих имен делает их в достаточной мере гибкими и тем самым функционально эффективными для употребления во множестве контекстов естественного языка. Идентификация соответствующих объектов по их феноменологическим свойствам, а также исходя из определенного контекста употребления общих имен является вполне достаточной (т. е. является тем, что требуется) для множества прагматических целей языковой коммуникации, языкового поведения вообще.

Наконец, хотя отстаиваемое Крипке понимание возможных миров стимулируется рассмотрением реального объекта в различных контрафактических ситуациях и в этом смысле дает *один* четкий критерий прослеживания объекта через возможные миры, т. е. в разных контрафактических ситуациях, в которых объект не характеризуется рассматриваемыми в действительном мире свойствами, это не единственная возможная концепция, которая отвечает

определенной интуиции носителя языка. Последнему приходится решать проблему отождествления не только в терминах рассмотрения реального объекта, помещенного в различные контрафактические ситуации, но и сопоставления, отождествления, различения реальных, а также возможных объектов, исключительно исходя из реальных, или постулируемых, свойств этих объектов. Это и составляет подлинную проблему трансмировой идентификации объектов. В логико-лингвистическом анализе естественного языка это — проблема *корелации*, или совместного указания, языковых выражений.

4. КОРЕФЕРЕНЦИЯ: ВЫХОД В УНИВЕРСУМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ И ВОЗМОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

Проблемам референции в современных лингвистических формальных теориях уделяется внимание в той мере, в какой в этих теориях предусматривается рассмотрение *связи естественного языка и реальности*, т. е. постольку, поскольку такое рассмотрение полагается существенным для построения семантической теории языка. Тем не менее любая глубина рассмотрения проблемы референции предполагает рассмотрение проблемы *корелации* имен и именных групп, или фраз (в лингвистической терминологии), сингулярных терминов (в терминологии логики).

С экспликацией этого феномена (столь характерного при употреблении естественного языка), определяющего семантическую последовательность, связанность рассуждения (текста), в лингвистических теориях имеют дело всякий раз, когда анализируется «*анафорическое употребление*» местоимений, т. е. когда местоимение употребляется в качестве замены некоторого antecedenta — предшествующего ему имени, именной группы или даже некоторого множества предложений, обозначающих некоторый объект в возможно широком понимании этого термина. В силу как методологических установок рассматриваемых лингвистических теорий, так и их предсказательных возможностей речь, как правило, идет об экспликации анафорического употребления местоимений в рамках *отдельных* предложений. Однако даже в таком узком контексте приходится иметь дело с весьма сложными проблемами.

Определение функции денотации (обозначения), как отмечалось выше, составляет саму суть исследований по *референтной семантике*, так как оно относится не только

к именам и именным группам (как сингулярным терминам), но и ко всем осмысленным выражениям в качестве определения их смысла. Конструктивность теории кореференции как семантической основы анафорического употребления местоимений очевидна, когда речь идет о референции и кореференции относительно объектов *действительного мира*. Однако рассмотрение более сложных случаев требует разработки, определенной модификации этого подхода. Так, статус местоимения «*ее*» в предложении «Джон хочет поймать рыбу и съест *ее* на ужин» получает следующее объяснение (см. 228, с. 371). В данном случае речь идет о кореференции (на что указывает местоимение «*ее*») не непосредственно между соответствующими выражениями первой и второй частей предложения, а о кореференции относительно того объекта, который делает гипотетическую ситуацию, описываемую в первой части предложения, реальной. Аналогично, исходя из дихотомии атрибутивного/референциального употребления дескрипций, утверждается, что, например, в предложениях «Джон хочет жениться на девушке, которая не нравится его родителям, и иметь от *нее* много детей», «Джон ищет человека, который убил Смита, и Билл ищет *его*» даже в атрибутивном истолковании содержащихся в них определенных дескрипций имеет место кореференция, являясь базисом для прономинализации. Она обуславливается пресуппозицией существования объектов, удовлетворяющих рассматриваемым дескрипциям, хотя — в отличие от референциального употребления — не предполагает знания, *кто* является референтом дескрипции, *какой конкретный* индивид является, как в последнем предложении, объектом поиска, т. е. не предполагает априорного знания его тождества. Отсюда следует, что различие между атрибутивным и референциальным употреблением надо рассматривать как *независимое* от того, связывается с именной группой пресуппозиция существования или нет.

Различие атрибутивного/референциального употребления, исходя из реальностей английского языка, интерпретируется — благодаря тому что в этом языке фиксации рассматриваемого различия способствует наличие грамматической категории определенного и неопределенного артикля — и как различие между двумя неопределенными артиклями, отличающимися один от другого наличием дифференциальных признаков (см. 128). Ввиду возможной логической интерпретации неопределенного артикля как

квантора существования многие логики, следуя расселовскому пониманию, фиксируют данное различие как различие области действия квантора существования. Соответствующие логические парафразы вышеприведенного предложения «Джон хочет жениться на девушке, которая не нравится его родителям» в квазилогической нотации предстают как «Джон хочет ($\exists x$) (x — девушка, которую родители Джона не любят, & Джон женится на x)» — *атрибутивный* случай — и «($\exists x$) (x — девушка, которую родители Джона не любят, & Джон хочет жениться на x)» — *референциальный* случай.

Аналогично в теории Монтегю (224), где кванторные выражения (вроде «человек» — «*a man*», «единорог» — «*a unicorn*», «лошадь» — «*a horse*») относятся к той же синтаксической категории и семантическому типу, что и сингулярные термины, различие атрибутивное/референциальное объясняется разной областью действия кванторных слов, соответственно разным порядком применения синтаксических и семантических правил построения языкового выражения (как в «Джон ищет единорога», «Джон говорит о единороге», «Джон должен Смиту лошадь»). В формальном представлении — разным линейным взаиморасположением кванторов и предикатов в соответствующей логической формуле.

Рассматриваемая неоднозначность объясняется как возникающая в силу двух разных способов соотношения кванторных выражений с другими составляющими предложения. Так, атрибутивный случай объясняется в соответствующем дереве анализа предложения «Джон ищет единорога» в терминах соотнесения кванторного выражения «единорог» — по аналогии с сингулярным термином — с глаголом «ищет». В результате этого образуется непременная глагольная фраза «ищет единорога»; в квазилогической записи: «Джон ищет ($\exists x$) (x является единорогом)». В свою очередь, референциальный случай имеет место, когда кванторное выражение «единорог» соотносится в соответствующем дереве с выражением «Джон ищет x ». Согласно этому анализу, «Джон ищет единорога» истинно, если и только если имеется (определенный) единорог, которого ищет Джон, т. е. который характеризуется свойством «быть искомым Джоном». В квазилогической нотации: ($\exists x$) (x является единорогом, & Джон ищет x).

Из сказанного ясно, что для экспликации механизмов референции и кореференции, как они работают в практи-

Ке употребления естественного языка, необходимо распределить определенную *общей* схемой такой экспликации, охватывающей как простые, так и более сложные случаи и — что особенно важно — осуществляемой на методологически приемлемой основе. Попытки объяснения отдельных случаев референции и кореференции, взятых самих по себе, не дают возможности перейти к такой общей схеме и, как правило, страдают неопределенностью. Между тем подобные семантические моменты ведут к рассмотрению этих феноменов в свете той или иной концепции *возможных миров*. При этом существенным фактором, определяющим адекватность рассматриваемого анализа, является принятие в рамках той или иной концепции возможных миров определенного статуса возможных объектов, или индивидов. В традиции референтной семантики тут выделяются два подхода: один, при котором рассматривается *единый*, или *абсолютный*, универсум, состоящий из объектов, принадлежащих разным возможным мирам и являющихся значениями не-логических констант анализируемого естественного языка, как в вышерассмотренных референтных концепциях абсолютной «семантики языка», и другой, при котором принимается *релятивизированная* относительно носителей языка трактовка понятий «возможный мир» и «возможный объект».

Остановимся на некоторых существенных для целей нашего анализа моментах этого подхода, как он представлен у Я. Хинтикки. С нашей точки зрения, выдвинутые им идеи в значительной степени способствуют адекватному анализу феноменов референции и кореференции, равно как и конструктивному анализу естественного языка вообще.

5. КОРЕФЕРЕНЦИЯ И СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ Я. ХИНТИККИ

Разговор о кореференции имеет смысл только относительно спецификации определенного возможного мира или множества возможных миров. Внешним языковым признаком того, что предложение следует рассматривать с точки зрения возможных миров, выступает наличие в нем *модальных* терминов, т. е. терминов, фиксирующих модальные понятия. Понимание последнего означает понимание определенного — в зависимости от содержания рассматриваемого модального понятия — отношения альтернативности на определенном множестве возможных миров. Если

речь идет о понятиях, выражающих пропозициональные установки носителя языка (его знание, веру, мнение, убеждение, желание, стремление и др.), то отношение альтернативности рассматривается *релятивно данному носителю языка* и под соответствующими альтернативными мирами по отношению к *W* понимаются возможные миры, совместимые с данной пропозициональной установкой данного носителя языка как члена мира *W*.

Иными словами, речь тогда идет о мирах, совместимых с тем, что определенный носитель языка знает, думает, чего желает, к чему стремится и т. д. в данном мире *W*. Поэтому предложение «Джон вчера потерял черную ручку, а Билл сегодня нашел *ее*» с рассматриваемой точки зрения отличается от «Джон вчера потерял черную ручку, а Билл думает, что сегодня нашел *ее*» тем, что в последнем случае речь идет о тождестве черной ручки, потерянной вчера Джоном, с ручкой, которую сегодня нашел Билл, с точки зрения возможных миров, совместимых с *данной пропозициональной установкой Билла* и альтернативных миру, который описывается в рассматриваемом предложении: не исключено, что Билл ошибается в своем мнении и вовсе не нашел ручку Джона (157). Анализ предложений, содержащих кореференцию через несколько контекстов мнения (например, в предложении «Джон думает, что он поймал рыбу, которую он хотел поймать вчера, а Билл думает, что он поймал *ее*»), т. е. анализ предложений, содержащих обратную референцию на возможный мир, введенный ранее, конструктивно осуществляется в терминах «*обратно-смотрящих*» операторов, или *операторов возврата* (см. 276, 277).

В терминах такого подхода предлагается следующее объяснение случаев, когда *кореференциальность* имеет место независимо от *референциальности* (в хинтикковском понимании — как указания на существующий в действительном мире объект). Так, кореференциальность в вышеприведенном предложении «Джон хочет поймать рыбу и съесть *ее* на ужин» заключается в том, что в каждом возможном мире, совместимом с тем, чего хочет Джон, он ловит рыбу и съедает *эту* рыбу за ужином. Кореференция имеет место, хотя в *разных* возможных мирах *разные* объекты подвергаются той же операции. Соответственно экспликация различия атрибутивного и референциального употребления с позиции рассматриваемого подхода базируется на понимании предложения, имеющего форму «*Fa*»

(где «а» — рассматриваемый сингулярный термин, «F» — предикатное выражение, содержащее одно или более чем одно модальное понятие), например «Джон думает, что премьер-министр Дании — социал-демократ», — как предложения о различных объектах, которые указываются рассматриваемым сингулярным термином в различных возможных мирах: в этом случае речь идет об интерпретации *de dicto*.

При этой интерпретации приведенное предложение понимается как выражающее мнение Джона о том, что, *кто бы ни был* премьер-министром Дании, он является социал-демократом. Мнение Джона может основываться, например, на информации о том, что данный кабинет министров составляют исключительно социал-демократы. В этом случае мнение Джона касается разных датских политиков, которые в разных возможных мирах являются премьер-министрами Дании. Эти возможные миры и являются теми мирами, которые совместимы с тем, что думает Джон. Именно в силу этой референции на разные объекты, принадлежащие разным возможным мирам, из истинности «Fa» нельзя вывести — как предписывается классическим правилом экзистенциального обобщения — истинность « $\exists x Fx$ » (т. е. утверждение о существовании объекта, относительно которого истинно «Fx»), т. е. заключить о том, что «Fx» истинно относительно некоторого *определенного* объекта.

Кроме того, речь может идти о понимании предложения «Fa» как предложения об определенном объекте, который указывается (выбирается) сингулярным термином в ряде возможных миров, в том числе и в действительном мире. В этом случае имеют дело с интерпретацией *de re*, формально: $\exists x Fx$, где «Fx», например, «Джон думает, что x является социал-демократом». Иными словами, Джон имеет в виду *определенного* датского политика, ему известно, *кто* является премьер-министром Дании, ибо имеет мнение о том, *кто* чем является, — значит, согласно Хинтикке, иметь мнение об определенном индивиде, который удовлетворяет рассматриваемому предикату. Отсюда следует, что правило экзистенциального обобщения не общезначимо для *любой* интерпретации сингулярных терминов: его применение требует выполнения *дополнительного* условия, заключающегося в гарантии, что «а» выбирает один и тот же индивид во всех возможных мирах, в качестве члена которых «а» рассматривается в «Fa», т. е. в зави-

симости от того, какая пропозициональная установка приписывается данному носителю языка в «Fa». Если к тому же presupпонируется существование в действительном мире такого индивида, то мы имеем: $(\exists x)(x = a \& Fx)$, или альтернативно: $(x)(x = a \rightarrow Fx)$.

Таким образом, объяснение причин возможности или, наоборот, невозможности применения экзистенциального обобщения, иначе говоря, возможности осуществления квантификации через модальный контекст, сводится к рассмотрению возможности осуществления *перекрестного отождествления* индивидов, существующих в различных возможных мирах, т. е. к тому, можно ли сказать об определенном члене (множества индивидов) одного возможного мира, что он является или не является *тождественным* члену другого возможного мира¹.

Употребления *de dicto* и *de re*, согласно Хинтикке и в противоположность точке зрения Доннелана, не рассматриваются как несводимые. Особенностью данной неоднозначности, отличающей ее от других структурных (синтаксических или семантических) неоднозначностей, является то, что при наличии некоторой *дополнительной информации*, т. е. информации, не содержащейся в самом предложении, рассматриваемые две интерпретации «сливаются». Разница между утверждением о нескольких референтах в ряде возможных миров и утверждением об актуальном референте, который указывается сингулярным термином, исчезает, как только этот термин выбирает один и тот же объект во всех этих мирах. Так, относительно приведенного примера определенная дескрипция «премьер-министр Дании» в таком случае «выбирает» одного и того же индивида во всех совместимых с мнением Джона альтернативах по отношению к действительному миру. Это, в свою очередь, интерпретируется как означающее, что Джон имеет мнение о том, *кто* является премьер-министром Дании (157).

Рассмотрение неоднозначностей такого рода поднимает ряд вопросов методологического порядка, относящихся к эксплицирующим возможностям некоторых наиболее ло-

¹ В понимании Хинтикки, «квантор существования неразрывно содержит две кажущиеся разными идеи: *существование в определенном мире* и *тождество в ряде возможных миров*» (160, с. 124).

гически ориентированных лингвистических теорий «семантики языка». Так, возможность совпадения интерпретаций *de dicto*, *de re* при наличии дополнительной информации означает, что приписывание выражению определенной логической формы в общем случае зависит от *контекста употребления* языкового выражения. Конечно, проблема выявления такой неоднозначности решается в теориях, в которых смысл соответствующих выражений эксплицируется в интенциональных понятиях (например, в грамматике Монтегю), т. е. там, где понятия интенциональной логики используются для определения смысла языковых выражений, а не только для установления их референции и кореференции, как в генеративной семантике. Вместе с тем, отмечая большие эксплицирующие возможности теорий такого типа, следует подчеркнуть, что эти возможности исчерпываются *демонстрацией* определенного множества интерпретаций языковых выражений. Данные теории не содержат *объяснения* процедур разрешения таких неоднозначностей — выбора, согласно контексту, в широком понимании, согласно *знанию носителя языка*, содержащемуся в его концептуальной системе, *определенной* интерпретации языкового выражения из *множества возможных интерпретаций*. Между тем именно этот момент существен для понимания и употребления естественного языка его носителями.

Вместе с тем из того, что предложение не содержит терминов, выражающих модальные понятия, нельзя заключать, что это предложение не может быть перефразировано в дизъюнкцию нескольких предложений при наличии определенной ситуации, контекста, содержащего определенную дополнительную информацию. Иными словами, из того факта, что выражение не однозначно, когда оно рассматривается само по себе, т. е. вне контекста, не следует, что оно остается таковым, когда помещается в определенный контекст. Предложенная Хинтиккой релятивизация понятий возможного мира и объекта относительно пропозициональных установок носителей языка, несомненно, вносит конструктивный вклад в анализ проблем референции и кореференции. Широте диапазона охватываемых этим анализом явлений наряду с принятием специфической доктрины возможных миров в значительной степени способствует приятие в качестве теоретической основы этого анализа концепции *языковых*, или *семантических*, игр, или *теоретико-игровой семантики* как определенной системы

правил семантического анализа предложений естественного языка.

Методологически понятие языковой игры соотносимо с понятием «языковых игр» у Витгенштейна (см. 306), а теоретически — с аналогичным строгим понятием математической теории игр. С точки зрения рассматриваемого подхода понимание предложения есть знание того, что имеет место в соотносимой с этим предложением языковой игре как определенной правилосообразной деятельности носителей языка, связывающей язык с миром, о котором он говорит (см. 158, 163). Сама игра представляет собой последовательную процедуру верификации предложения (в частности, регламентируемую правилами игры трансформацию квантифицированных предложений в атомарные предложения). Один из двух игроков, называемых «Я» и «Природа», соответственно пытается доказать, что рассматриваемое предложение является истинным (в традиционном смысле), а его оппонент, соблюдая приписываемую правилами ведения игры очередность своих действий, — что оно является ложным. Иными словами, истинность предложения означает, что игрок, называемый «Я», располагает выигрышной стратегией в игре, соотносимой с данным предложением. Ложность предложения соответственно означает, что *другой* игрок, т. е. «Природа», располагает выигрышной стратегией в данной игре.

Таким образом, основная идея заключается в определении истинности предложения ссылкой на соотносимую с ним семантическую игру. Например, поскольку верификация экзистенциальных утверждений сводится к поиску и — в случае успеха — нахождению определенного объекта, семантические игры, связанные с кванторами — основными средствами референции и кореференции, представляют собой по сути дела игры поиска и нахождения, в которых раскрывается семантика кванторных выражений естественного языка, неохватываемая известными логическими исчислениями, например логической теорией первого порядка.

Не вдаваясь в более детальный анализ этого вопроса, отметим, что, несмотря на известное противопоставление *теоретико-истинностного* (как описательного) и *теоретико-игрового* (как деятельностного) подходов к анализу семантики языковых выражений, в конечном итоге нельзя не видеть их фундаментальную связь, заключающуюся, с нашей точки зрения, в следующем. В одном случае считает-

ся, что знание смысла предложения имплицитно знание о том, каким должен быть мир, чтобы предложение было истинным, т. е. на какие объекты мы можем натолкнуться, когда знаем смысл предложения. В другом случае полагается, что знание смысла предложения имплицитно знание пути его реализации, т. е. знание процедур поиска соответствующих объектов. Короче говоря, если в первом случае речь идет о *представлении* (описании) *условий истинности предложения*, то во втором — о том, *как устанавливается их наличие*, в терминологии лингвистической философии — как *практически устанавливается* (обосновывается) истинность предложения перед лицом возможного его опровержения (см. 208).

Существенной характеристикой теоретико-игрового подхода является то, что под семантической интерпретацией предложения понимается не соотношение с ним какой-то глубинной структуры (из которой оно может быть получено синтаксически), а последовательность операций, осуществляемых на поверхностной форме предложения и шаг за шагом раскрывающих его смысл. Речь идет не о синтаксическом выведении *поверхностной* структуры предложения из постулируемых различных семантических репрезентаций его, а о применении к предложению множества правил игр как правил его семантической интерпретации. Хотя семантический анализ предложения определяется поиском *скрытой* (т. е. выявляемой в процессе применения правил игр) семантической структуры, результатом каждого применения правил является определенное осмысленное (правильно построенное) *предложение естественного языка*, т. е. определенная поверхностная форма. Рассматриваемый в обратном порядке, такой анализ, естественно, может пониматься как процесс порождения данного предложения.

Таким образом, семантическая интерпретация предложения не определяется непосредственно его поверхностной формой. Хотя каждое правило игры оперирует на такой структуре, оно превращает ее в другую поверхностную структуру для последующих применений правил. Семантическая интерпретация исходного предложения определяется *игрой в целом*, а не какой-то ее частью. При таком понимании семантический анализ может быть охарактеризован как систематическое предвидение того, что может иметь место в соотносимых с предложением языковых играх. Сами семантические репрезентации, формулируемые

в определенной логической теории, например эпистемической логике, в лучшем случае рассматриваются как продукты этого анализа. Они не фигурируют на какой бы то ни было стадии семантического анализа. Наконец, ввиду того что семантические игры относятся к *употреблению* (применению) естественного языка, делается вывод о том, что вопросы его *употребления не могут быть исключены из семантики*.

Такой подход, совмещающий в одной теории релятивизированную (относительно носителей языка) доктрину возможных миров с теоретико-игровой интерпретацией предложений естественного языка, не только закладывает основу для систематического исследования логического поведения множества кванторных выражений естественного языка, но и поднимает ряд вопросов, которые относятся к *методологии* его анализа в современных формальных теориях.

Неадекватность такого анализа объясняется тем, что его конечный результат рассматривается как функция анализа частей некоторого целого в соответствии с «принципом Фреге» — как в синтаксическом, так и в семантическом плане — и таким образом определяется направлением *«извне-вовне»*, тогда как фактор контекста всегда характеризуется *обратным* направлением. Ряд семантических неоднозначностей, в том числе различие *de dicto/de re*, получает разрешение при наличии определенной *дополнительной экстралингвистической информации*.

Однако принципиально важным здесь является не то, что контексту приписывается функция определения неоднозначности языкового выражения, а то, что в рассматриваемых теориях не предусматривается *обратная связь* контекста с находящимся в области его действия языковым выражением, которая и разрешает неоднозначность языкового выражения. В этом смысле нам представляется квестионируемым как фрегевский принцип анализа, так и тезис рекурсивности множества грамматически правильных предложений естественного языка, приписывание логической формы *независимо* от контекста употребления языкового выражения, постулат *универсальности* глубинных языковых структур. Словом, имеется достаточно оснований подвергнуть сомнению то соотношение синтаксических и семантических структур, которое они получают в современных формальных теориях естественного языка как теориях логической формы его выражений, и тем самым

квestionировать обоснованность релевантной аналогии естественного языка и формальных языков, на предположении которой зиждется такое понимание соотношения синтаксического и семантического аспектов этого языка.

Для теории кореференции, базирующейся на использовании понятий семантики возможных миров, фундаментально важным является обоснование *методов отождествления*, или методов перекрестного отождествления, объектов, существующих в различных возможных мирах. Сложность проблемы установления этих методов, естественно, соответствует сложности описываемых естественным языком всевозможных, в том числе контрфактических, ситуаций. В итоге для анализа таких ситуаций часто прибегают к понятиям, которые только в первом приближении соответствуют интуиции носителей языка. Так, известный в литературе пример Дж. Макколи «Мне снилось, что я Бриджит Бордо и что я целовал меня», не поддающийся анализу в терминах кореференции объектов действительного мира, в терминах семантики возможных миров рассматривается как описывающий ситуацию, в которой речь идет о том, что в «мирах-сновидениях» говорящего (т. е. в мирах, совместимых с тем, что ему снится) имеется двое его двойников, или аналогов, причем аналогов в различном смысле¹. Один из двойников говорящего является тем, чей опыт говорящий разделяет в данном «мире-сновидении», другой, очевидно, является его двойником в ином отношении. Проблема состоит в установлении методов отождествления этих объектов, тем более что иногда (см. 193) предполагается раздробление одного и того же объекта на несколько объектов в другом возможном мире.

Действительно, критерии, по которым носители языка на самом деле осуществляют перекрестное отождествление и решают, являются тождественными или нет объекты, принадлежащие к различным возможным мирам, проблематичны, так как не представляются ясными структурные свойства того, что называется «мировыми линиями», связывающими разные «манифестации», «роли», «двойники», или «аналоги», одного и того же объекта в различных возможных мирах. Хинтиikka рассматривает понятие «мировой линии» в качестве экспликата понятия смысла син-

гулярных терминов как определенную *индивидуирующую функцию* от возможных миров к их объектам, или индивидам (156). При этом тождество индивидов понимается как нечто, устанавливаемое не посредством каких-то абсолютных логических принципов, а путем сравнения, осуществляемого носителями языка, разных возможных миров исходя из принципов континуальности и сходства объектов. Вид континуальности может в принципе быть выбран различным способом, т. е. континуальность не элиминирует выбора носителями языка различных «мировых линий».

Полагается, что носители языка в своей актуальной концептуальной и языковой практике постоянно имеют дело по крайней мере с двумя различными системами мировых линий в зависимости от того, полагаются ли они при рассмотрении объектов на их *дескриптивные* (физические) или на *перспективные* (контекстуальные) характеристики. Соответственно одна из этих систем основывается на методах дескриптивного отождествления, осуществляемого главным образом исходя из континуальности объектов в пространстве и времени, а другая — на отождествлении объектов, состоящих в тех же перцептуальных или в других непосредственных познавательных отношениях в разных мирах с данным носителем языка, и называется «*перцептуальным*» отождествлением (160, с. 218—219). Как то, так и другое рассматривается как экспликация расселовской эпистемической дихотомии *знания по описанию* и *знания по знакомству* (см. 268).

Поскольку значениями связанных переменных должны быть объекты, тождественные во всех рассматриваемых возможных мирах, в логическом плане двойственность методов перекрестного отождествления отражается в двойственности соответствующих пар кванторов. В качестве дескриптивных кванторов используются «*Ex*», «*(y)*», а в качестве перцептуальных — «*∃x*», «*∀y*». В интуитивном плане переменные первых пробегают по обычным физическим объектам, а переменные вторых пробегают по перцептуальным объектам, характерно индивидуализируемым по их местонахождению в перцептуальном поле носителя языка.

Различие между методами перекрестного отождествления во многих естественных языках проявляется уже на поверхностном уровне и выражается разными типами языковых конструкций. Так, логика дескриптивного отождест-

¹ Концепция аналогов, контрфактически определяемых посредством отношения сходства с реально существующими объектами, была выдвинута Д. Льюисом (260, 202).

вления может рассматриваться как логика, или теория логической формы, сложноподчиненных вопросительных предложений, содержащих в качестве основного глагола эпистемические глаголы «знать», «думать», «понимать», тогда как логика перекрестного отождествления «по знакомству» рассматривается как логика, или теория логической формы, конструкций прямого дополнения с соответствующими эпистемическими глаголами (160, с. 1—25). Различие *de dicto/de re*, очевидно, проходит через различие перекрестного отождествления по описанию и по знакомству: оно относится как к тому, так и к другому. Так, хотя как предложение «Джон знает, кто есть девушка, стоящая перед ним», так и предложение «Джон знает девушку, стоящую перед ним» являются *de re*, речь идет об использовании в них разных критериев отождествления: дескриптивного и перспективного.

Как уже отмечалось, одним из фундаментальных вопросов, касающихся структуры «мировых линий», является вопрос о том, может ли последняя делиться, «дробиться» при переходе от одного мира к возможным его альтернативам. Утвердительный ответ на этот вопрос означал бы, что допускается существование в некотором из альтернативных миров нескольких «манифестаций», или «двойников», рассматриваемого объекта, что внесло бы неоднозначность как в понимание модуса *de re*, так, следовательно, и различия *de dicto/de re*. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Хинтикки: то, что рассматривается как разделение «мировых линий», является, скорее, показателем того, что мы имеем дело с функционированием разных принципов перекрестного отождествления. Вопрос же о континуальности или сходстве в качестве основы перекрестного отождествления объектов, как показывают дальнейшие исследования (см. 275), зависит от типа интенционального контекста, в котором рассматривается объект, подлежащий отождествлению. А именно: в *безличных* модальных контекстах (таких, например, как «Возможно, что через пять лет мой брат будет напоминать меня, каким я есть теперь, больше, чем я сам буду напоминать себя»), а также в *контрфактических* ситуациях (как описываемая в предложении «Если Джон дал бы достаточно большую взятку сенатору X, он бы справился с Карсвеллом») приоритет имеет принцип континуальности объекта, критерий дескриптивного отождествления объекта; речь идет о рассмотрении того, что мы называем «*объективными*» модаль-

ностями, не релятивизированными относительно чьей бы то ни было перспективы рассмотрения, т. е. в отличие от *персонализированных* модальностей, каковыми являются пропозициональные установки (см. гл. V).

Теоретическому обоснованию этого подхода способствует разграничение двух аспектов понятия «возможный мир»: того, что называется «*возможным ходом событий*», и того, что называется «*возможным состоянием дел*». При этом последние могут рассматриваться автономно, т. е. как не связанные между собой каким бы то ни было ходом событий. Соображениям континуальности отдается предпочтение в случае рассмотрения объекта в терминах возможных ходов событий, т. е. в терминах связанных определенным ходом событий возможных состояний дел. Когда же объект рассматривается в терминах автономных состояний дел, не являющихся стадиями определенного возможного хода событий, в качестве основы его перекрестного отождествления выступают соображения сходства. В реальной семантической практике носители языка, как правило, имеют дело с возможными ходами событий, хотя это может и не быть явно выражено в поверхностных формах соответствующих предложений.

Таким образом, обоснованным представляется заключение, что один из наиболее значительных критериев трансмировых сравнений дает не какая-либо доктрина эссенциализма, при которой перекрестное отождествление рассматривается в терминах каких-то привилегированных атрибутов рассматриваемых объектов, а *различные принципы континуальности*, используемые носителями языка. Как отмечает Хинтикка, «если даже рассматривать эти свойства континуальности как «существенные атрибуты», они явно очень далеки от аристотелевского эссенциализма» (160, с. 131).

Сказанное приводит нас к рассмотрению знания или информации, на основе которой носители языка осуществляют отождествление реальных или возможных объектов. Такая информация, с нашей точки зрения, является частью того, что мы называем «концептуальными системами» носителей языка. Соответственно речь должна идти о решении проблемы отождествления объектов с точки зрения концептуальной системы носителя языка исходя из определенных концептов, которыми располагает его носитель о реальных или возможных объектах, исходя из соответствующей информации о них.

6. СЕМАНТИКА СИНГУЛЯРНЫХ ТЕРМИНОВ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА

С нашей точки зрения, как отождествление, так и различение объектов — реальных или возможных — является делом субъекта как носителя определенной концептуальной системы и осуществляется на основе информации, которой он располагает о тех или иных объектах в качестве их концепта (как мнения или знания субъекта об этих объектах), который словесно фиксируется определенной дескрипцией или собственным именем. В таком понимании концепт, принадлежащий определенной концептуальной системе, представляет собой *смысл* сингулярного термина *для определенного носителя языка*, задающий определенный объект в релятивизированном по отношению к определенной концептуальной системе универсуме объектов, а не смысл сингулярного термина как такового в некоем абсолютном, объективистском плане, в плане «семантики языка». Отнесенный к определенной концептуальной системе — в чем, собственно говоря, и заключается *интенциональная* природа смысла, — такой смысл является критерием отождествления объекта.

Рассмотрение проблематики смысла как проблематики усвоения определенной информации носителем языка позволяет нам соотнести смысл предложения со знанием его истинностных условий определенным носителем языка как критерием установления истинностного значения предложения и соответственно соотнести смысл имени с определенной информацией как критерием идентификации (распознавания) объекта. Соотнесение смысла со знанием условий истинности, а не истинностного значения объясняет то, что носитель языка может понимать предложение без знания его истинностного значения. Иными словами, он может знать или не знать, что *p* (т. е. *каково* истинностное значение «*p*»), но как в одном, так и в другом случае он должен понимать, что *значит* «*p*». Аналогично понимание смысла имени как критерия распознавания его референта не означает знания референта, т. е. не предполагает знакомства с ним в качестве необходимого условия.

Вообще говоря, или с внешней относительно концептуальной системы точки зрения, «совпадение» определенных составляющих концептов делает возможной коммуникацию носителей языка как свидетелей и участников разделяемого ими определенного общественного опыта. Не-

обходимость оговорки относительно такого «совпадения» объясняется тем, что, во-первых, такой концепт (как и любой другой) не существует *вне* связи с определенной концептуальной системой, т. е. вне связи с другими концептами системы, непрерывно конституирующими его и отражающими определенный (разноуровневый) опыт носителя языка. Во-вторых, такое «совпадение» здесь рассматривается в *прагматическом* плане, т. е. с точки зрения *практики употребления естественного языка*, удовлетворяющего те или иные цели обыденной, научной и другой коммуникации. В этом отношении «совпадение» характеризуется двумя факторами: 1) тем, что употребляется определенное множество *общих* для носителей языковых выражений, однако фиксирующих определенный концепт, принадлежащий *определенной* концептуальной системе, и 2) тем, что строгость определения такого концепта и вообще выбор достаточных (исчерпывающих) параметров, характеризующих желаемую степень строгости, определенности такого концепта, всегда релятивны рассматриваемому *контексту* употребления языкового выражения. Это означает, что от определенного множества других параметров, характеризующих данный концепт как относящийся к определенной концептуальной системе, ввиду отсутствия необходимости их учета в рассматриваемом контексте просто абстрагируются.

Установление тождества референта в межиндивидуальном плане, если речь идет о реальном объекте, зависит как от того множества характеристик, которые ему приписываются, так и от возможности их верификации (в этом *специфическом* понимании, в ограниченном аспекте следует рассматривать и неопозитивистский тезис о знании смысла как знании *метода верификации* предложения).

Если речь идет о *возможном объекте*, задаваемом определенной дескрипцией, вернее, данным концептом системы, то этот объект есть такой, каким он задается, так как он выступает *объектом для субъекта*. Понимание предложения о таком объекте не требует знания того, *кто* является референтом соответствующего сингулярного термина. В этом смысле сам факт употребления собственного имени в некотором предложении, относящемся к действительному или возможному миру, и рассмотрение его как такового достаточны для построения рассуждения об объекте, названном таким-то именем, и последующего его отождествления в рассуждении. Следовательно, референ-

ция на объект не обязательно предполагает знание объекта как такового. Но это и не значит, что употребление имени объекта не обязательно означает референцию на него (тут, конечно, мы не имеем в виду случаев, когда интерпретация имени в определенной концептуальной системе сводится чисто к его интерпретации как лингвистической сущности, или формы). Иначе создается впечатление, что возникает противоречивая ситуация. Так, когда я пишу «Я, конечно, не осуществляю референцию (не имею в виду, не указываю) на Витгенштейна», я тем самым уже осуществляю референцию на него.

На вопрос о том, где я указал на Витгенштейна, было бы абсурдным указать предложение, в котором я говорю: «Я, конечно, не осуществляю референцию на Витгенштейна». Однако противоречия тут нет, если только мы допускаем, что рассматриваемое предложение может получить по крайней мере следующие две интерпретации. Первая из них предполагает наличие контекста и содержит мысль, что нечто (высказанное в этом контексте) не относится к Витгенштейну. Другая (скорее всего та, которая подразумевается в приведенном примере) показывает *возможность* построения средствами естественного языка тривиально ложных утверждений, которую эксплицитно реализует предложение «Я не указываю на объект, когда я указываю на него».

Построение рассуждений о возможных объектах, осуществление предикации относительно их зависят прежде всего от возможности указания на них. Вообще говоря, интенциональный статус концепта возможного объекта в концептуальной системе такой же, что и интенциональный статус концепта действительного объекта, — формально: статус функции, построенной в данной концептуальной системе и в качестве своего значения имеющей или не имеющей — в зависимости от положения дел в мире — тот или иной референт. Мы употребили выражение «вообще говоря» потому, что в случае знания о наличии объекта среди объектов действительного мира такое знание, как и любое другое, имеет статус концепта в данной концептуальной системе. В таком случае речь идет как о концепте возможного объекта, так и о концепте его *существования* в действительном мире.

Таким образом, если возможность построения самой функции как концепта определяется концептуальной системой, то наличие в области значений функции действи-

тельного объекта зависит исключительно от *положения дел в мире*. Знание последнего означает знание того, относятся ли задаваемые функцией объекты к действительному или только к некоторому возможному миру. Оно означает построение особого концепта в рассматриваемой концептуальной системе, равно как и знание о том, что некоторые различные интенциональные функции задают один и тот же объект (как в случае истинных утверждений тождества) вроде «Сосед Ионаса является братом Пятраса», «Утренняя звезда является Вечерней звездой».

О возможных объектах, указанных и определенных некоторым множеством дескрипций, может быть высказано нечто истинное или ложное с точки зрения определенного возможного мира, описанного средствами естественного языка, вернее, посредством фиксируемых ими концептов (то, что, например, Гамлет был датским принцем, а не литовским князем, что он убил Полония, что он не был женат и т. п.). Дать имя возможному объекту аналогично действительным объектам — значит указать на него как на «таким-то-именем-названного-объекта», но не в действительном, а в некотором возможном мире и следить за ним при любых его трансформациях. Иными словами, дать имя — значит располагать *минимальным*, но достаточным условием, для того чтобы «вызвать» (направить, обратить внимание на) «таким-то-именем-названный-объект» и реидентифицировать его в последующем рассуждении. Один из конвенциональных, обретаемых в процессе усвоения языка концептов состоит в том, что имена являются *именами объектов* (например, «Ионас» является именем объекта, названного «Ионасом»). То же можно сказать и о таких «нейтральных» именах, или квазиименах, какими являются *индексалы*. Так, индексал «я» можно считать именем-кодом для концепта «говорящий», «первое лицо», индексал «ты» — именем-кодом для концепта «индивид, к которому обращаются», «второе лицо» и т. д. Такие концепты представляют собой те *минимальные, но необходимо посредующие* (между выражениями и объектами) интенциональные функции, которые имманентны употреблению собственных имен и индексалов. Последние уже поэтому не могут рассматриваться как *непосредственно указывающие* соответствующие объекты.

В этом плане само утверждение дихотомии референциального/атрибутивного употребления определенных дескрипций можно рассматривать как абсолютизацию разли-

ция между двумя крайними точками континуума («очевидности») данности объекта, т. е. когда имеется в виду *определенный объект* (референциальный случай) и когда известна только *некоторая дескрипция* (атрибутивный случай). Так, пользуясь примером В. Х. Парти (228), можно представить себе детектива, занятого выслеживанием преступника и по ходу расследования обстоятельств дела собирающего о нем все больше и больше дескрипций. Однако вовсе не просто определить, в *какой момент* детектив, о котором можно сказать, что он занят поиском человека, совершившего то-то и то-то, перестает искать *любого* совершившего то-то и то-то и переходит к поиску *вполне определенного* индивида.

Определенная дескрипция в таких случаях действительно выполняет двойную функцию: она *фиксирует референт* и *дает смысл собственному имени*, которым мы его обозначаем. Даже тогда, когда я говорю: «Президент США в 1982 г. мог бы не быть президентом США в 1982 г.», дескрипция «президент США в 1982 г.» фиксирует одну из известных мне составляющих концепта о Р. Рейгане и одновременно осуществляет референцию на определенный объект, тогда как остальная часть рассматриваемого предложения говорит о том, что объект, который является президентом США в 1982 г., мог бы им не быть, т. е. мои знания о Р. Рейгане могли бы быть другими при ином ходе событий.

Такое рассмотрение дескрипций, ориентированное на их интерпретацию в определенных концептуальных системах и, следовательно, на учет последних при определении роли, которая приписывается дескрипции в определенном контексте ее употребления, дает основу как для выявления самого статуса различий *de dicto/de re*, атрибутивного/референциального, узкой/широкой области действия, так и для определения их отношений и тем самым для выяснения теоретического разноречия в понимании этих отношений. Так, вопреки осуществляемому многими исследователями (в том числе и Хинтиккой) отождествлению *de re*-случая с референциальным, а *de dicto* — с атрибутивным Крипке (190) и другие авторы считают такое отождествление необоснованным, равно как и попытку выразить *de dicto/de re* различие посредством расселовского синтаксического понятия области действия дескрипции (получающего, как мы видели, соответствующую интерпретацию в семантике возможных миров).

Согласно Крипке, *de re* употребление нетождественно ни референциальному, ни атрибутивному. Так, употребляя предложение «Джон думает, что самая богатая дебютантка города выйдет за него замуж» *de dicto*, мы имеем в виду определенное *содержание* мнения Джона, а именно что самая богатая дебютантка города станет его женой. Такое понимание в свое время послужило для Фреге поводом для того, чтобы в качестве *референта* дескрипции, помещенной в контекст мнения, рассматривать *смысл* дескрипции, а в качестве *объекта* мнения — соответствующую *пропозицию* как *мысль* субъекта мнения. Употребляя это же предложение *de re*, мы имеем в виду, что Джон думает о девушке, которая (действительно) является самой богатой в городе, что она станет его женой. Однако это же предложение может быть высказано лицом, которое думает (допустим, ошибочно), что в городе нет ни одной дебютантки; тогда это лицо, конечно, не говорит о наиболее богатой дебютантке даже в атрибутивной интерпретации. В свою очередь, референциальное употребление полагается нетождественным случаю *de re*. Так, в предложении «Убийца Смита, *кто бы он ни был*, известен полиции, но она не говорит» или «Полиция знает относительно убийцы Смита, *кто бы он ни был*, что он совершил убийство, но она не говорит, кто он» дескрипция «убийца Смита» употребляется атрибутивно, но *de re*.

Рассмотрение дихотомии *de dicto/de re* используется в связи с анализом проблемы взаимозаменяемости сингулярных терминов в предложениях мнения (см. гл. V) для обоснования *de re* характера перцептуального знания, эпистемической фундаментальности *de re* модальностей, их несводимости к *de dicto* модальностям (см. 88, 90). Так, содержащаяся в предложении «Джон думает, что его сосед музыкант» дескрипция «его сосед» *de re* может быть заменена на любой другой сингулярный термин, указывающий тот же объект. Приписывание данной установки мнения Джону означает отнесение Джона *непосредственно к этому объекту* без атрибуции какого-либо описания, которым он мог бы обозначить этот объект.

При *de dicto* интерпретации, однако, такая замена, при которой не учитывается способ, которым Джон выделяет рассматриваемый объект из других (т. е. определенная дескрипция, которую он использовал для указания на этот объект), неосуществима. Естественно, логически необходимым не полагается и переход от предложения, содержа-

щего *de dicto* интерпретируемую установку мнения, к предложению, утверждающему существование объекта, обозначенного сингулярным термином, помещенным в контексте мнения.

De re установка считается *перцептуальной*, содержащей индексный элемент, который относит субъекта установки к воспринимаемому им контексту; такой элемент приписывается даже собственным именам. Полагается, что непосредственное отношение субъекта к такому контексту проявляется в его неспособности описать (концептуализировать) объект установки. Наличие *de re* установок рассматривается как *необходимое условие понимания естественного языка, усвоения эмпирического знания о мире*. Такой эпистемический статус *de re* установки обязывает рассматривать ее как несводимую к *de dicto*.

Анализ возможных контекстов употребления дескрипции, в которых для характеристики различия этих употреблений применяется дихотомия *de dicto/de re* соответственно атрибутивного/референциального употребления, показывает, что в самих этих дихотомиях можно выделить разные аспекты, которые по-разному эксплуатируются в концепциях указания. Так, с нашей точки зрения, *de dicto* модус охватывает две идеи: 1) *множественность* указания, осуществляемого посредством дескрипции, и 2) ссылку на *содержание* как на определенную интенциональную сущность (*мысль, смысл, концепт* носителя языка и т. п.), выражаемую сингулярным термином, в частности дескрипцией. И тот и другой аспекты, на наш взгляд, подразумеваются и в атрибутивном употреблении, т. е. когда под рассматриваемую дескрипцию попадают лишь те объекты, которые удовлетворяют формулируемым в ней условиям, но неизвестно, какой именно (кем и чем бы он ни был) является носителем выражаемых дескрипцией свойств.

Понимание *de re*, в свою очередь, включает 1) идею указания на *определенный* (*well-defined*) объект и 2) идею *принадлежности* объекта-референта дескрипции *действительному миру* (иначе говоря, соответствующую пресуппозицию существования объекта в действительном мире). Из этого следует, что *de dicto* модус соответствует атрибутивному употреблению: он объемлет как идею множественности указания, так и идею его содержательности. Под последним аспектом *de dicto* употребления может пониматься ссылка не только на определенную интенциональную сущность, но и — через нее — на *определенный* (*well-*

defined), задаваемый ею объект, который ввиду возможной отнесенности этой сущности к определенному носителю языка может не существовать в действительном мире, что, конечно, не исключает возможности его существования в других возможных мирах.

В таком истолковании этот содержательный аспект *de dicto* соответствует выделяемым нами аспектам *референциального* употребления. В терминах мировых линий Хинтикки речь идет о задании определенного объекта посредством его мировой линии, идущей через определенное множество возможных миров и имеющей в качестве своего значения один и тот же объект во всех этих мирах и — возможно, но не необходимо — в действительном мире. Когда такой объект не существует в действительном мире, то говорится, что соответствующая установка мнения направлена на специфический, определенный, но несуществующий объект (см. 278). *De re* уже референциального употребления: последнее, во-первых, содержит идею об определенном объекте (и в этом отношении противостоит множественному аспекту *de dicto* употребления); во-вторых, оно необязательно привязано к действительному миру; в-третьих, в отличие от *de re* оно допускает возможность использования для указания на объект *неадекватной* относительно него дескрипции.

Необходимость учета информации, содержащейся в индивидуальных концептуальных системах носителей языка, при определении функции, в которой употребляется дескрипция, заключается прежде всего в том, что мы обязаны учесть, *кто* употребляет дескрипцию, т. е. *к какой* индивидуальной концептуальной системе относится эта дескрипция — говорящего, второго или третьего лица или же к тому, что можно назвать *«объективной концептуальной системой»* как абстракции от индивидуальных концептуальных систем, аккумулирующей содержащуюся в них объективную информацию о мире (см. гл. V, 6). Неэквивалентностью содержащейся в индивидуальных концептуальных системах и в «объективной концептуальной системе» информации, связываемой с определенной дескрипцией, и можно объяснить противопоставление выделенного нами второго *de dicto*-аспекта второму *de re* аспекту. Речь идет о случае, когда посредством дескрипции осуществляется ссылка на определенную интенциональную функцию, относимую к определенной концептуальной системе, и когда дескрипции приписывается

информация, относящаяся к «объективной концептуальной системе». В первом случае имеется в виду не просто соотношение дескрипции с определенной интенциональной функцией (интерпретируемой Фреге и многими современными его последователями как осуществление посредством дескрипции, помещенной в косвенный контекст, указания на *смысл* в отличие от обычных, прямых контекстов, когда дескрипция рассматривается как указывающая на *объект*, удовлетворяющий ее смыслу), а одновременно и указание на *объект*, задаваемый такой функцией. В косвенном контексте, как и в прямом, мы можем говорить о референции на мир объектов, только речь тогда идет о соотносимых с определенными концептуальными системами множествах объектов. В таких контекстах, по удачному выражению Г. Кастаньеды, референция сингулярных терминов «просвечивается» (96, 97, 98): языковые выражения не теряют своей обычной функции указания; просто чтобы проследить путь этого указания к объектам, может потребоваться учет *множества* концептуальных систем.

Объект, задаваемый интенциональной функцией, принадлежащей к определенной индивидуальной концептуальной системе, может быть нетождественным объекту, задаваемому аналогом такой функции, принадлежащей к «объективной концептуальной системе», хотя в обоих случаях используется одна и та же дескрипция. Это различие интерпретации одной и той же дескрипции, на наш взгляд, отражено и в расселовской дихотомии *узкой* и *широкой* области действия дескрипции. Что касается различия между выделенными нами первым аспектом *de dicto* (аспектом множественности указания) и первым аспектом *de re* (аспектом указания на определенный объект), то, признавая естественность этого различия в том отношении, что одна и та же интенциональная функция может выбирать разные или один и тот же объект в различных возможных мирах, мы считаем необходимым, во-первых, дополнить его понимание вышеизложенными соображениями о возможности перехода от *de dicto* (в атрибутивной интерпретации) к *de re* (в референциальной интерпретации) и их возможном конечном совпадении; во-вторых, указать на преимущество более широкого, чем *de re*, и более адекватного использованию естественного языка понимания референциального употребления дескрипции. Это преимущество состоит в том, что отмеченное понимание допускает возможность использования для указания на объект *неаде-*

кватных ему дескрипций и вместе с тем не обязывает рассматривать в качестве определенных *только* объекты, существующие в действительном мире.

Таким образом, с нашей точки зрения, дескрипция может служить одновременно как для указания — *референциальный план* — на *определенный объект* (в случае множественного понимания *de dicto* — на *различные* объекты, существующие в различных возможных мирах), так и для *фиксации* *смысла*, или *концепта*, — *интенциональный план*, — приписываемого носителем языка дескрипции или соотносимому с нею имени.

Придание имени возможному объекту аналогично ситуации с реальным объектом выполняет функцию указания на него (как на *таким-то-именем-названного-объекта*), но не в действительном, а в *возможном мире*. Четкое понимание этой референциальной функции имени в данном случае, как и в случае с реальными объектами, дает объяснение отношения имени рассматриваемого объекта к дескрипциям, посредством которых этот объект определяется. Референциальная функция имени позволяет рассматривать данный возможный объект в разных альтернативных по отношению к данному возможному миру мирах, в которых указанному посредством данного имени объекту приписываются дескрипции, несовместимые с теми, которыми он характеризовался в данном возможном мире. (Так, о Гамлете как об объекте, названном так Шекспиром, можно сказать, что он мог бы не убить Полония, жениться на Офелии, иметь от нее много детей и т. д.)

Возможность такого рассмотрения доказывает, что концепт как смысл имени может изменяться при переходе от одного мира к другому. Однако даже в случае наиболее радикального изменения смысла имени (как, например, в волшебных сказках, в которых наблюдаются различные трансформации объектов) оно сохраняет (в релевантном для употребления естественного языка, но не в каком-то абсолютном, эссенциалистском смысле тождества) фиксируемый объект при переходе от одного возможного мира к другому. (Вследствие этого свойства собственного имени мы, к примеру, можем понять историю, описанную Ф. Кафкой в его рассказе «Насекомое», герой которой Грегор Замза, однажды проснувшись утром, обнаруживает, что он превратился в насекомое).

Рассмотрение дескрипции, связанной с определенным именем, в качестве составляющей смысла этого имени для

определенного носителя языка как концепта объекта, названного таким-то-именем, не означает — ввиду референциальной функции имени — утверждения *синонимии* (в плане абсолютном, т. е. в плане «семантики языка») между именем и дескрипцией. Если имя аналогично дескрипции рассматривается не только с точки зрения референциальной функции, но и в качестве *обозначения* определенного *концепта* данной концептуальной системы, оно, очевидно, тривиально синонимично тому множеству дескрипций, которые обозначают тот же концепт. Тогда утверждение тождества, осуществляемое посредством имени и дескрипции, является *аналитическим для определенного носителя языка*. Так, референциально имя «Гамлет» относится к объекту, о котором можно сказать, что он убил Полония и что он мог бы не убить его. Интенционально имя «Гамлет» относится к определенному концепту, содержащему в себе информацию о том, что Гамлет убил Полония, и все то, что говорится в соответствующем произведении Шекспира при условии, что носитель языка располагает *именно такой* информацией. Но это имя может относиться и к другому концепту в зависимости от той информации, которой носитель языка располагает об объекте, названном именем «Гамлет», в зависимости от того, в каких возможных мирах он его рассматривает.

Референциальная функция имени неизменно предполагает определенную *интенциональную функцию* (в крайнем, или минимальном, случае, как отмечалось, последняя может быть тривиальной, вроде «таким-то-именем-названный-объект») как критерий для последующего отождествления объекта. При этом соотношение (например, в определенном тексте) имен и вообще сингулярных терминов как относящихся к одному и тому же объекту имеет структуру «*анафорических цепей*» (см. 99), т. е. такую последовательность сингулярных терминов, что каждый последующий элемент рассматривается как указывающий на тот же объект, что и предшествующий ему элемент цепи. Тогда указание последующего элемента цепи рассматривается как зависящее от указания предшествующих ему элементов. В более сложных случаях речь идет о пересечении различных «анафорических цепей», что предполагает у носителя языка как *интерпретатора* этих цепей способность проследить структуру каждой из них, отнести термин к *правильной* «анафорической цепи». Установление таких анафорических связей, образуемых именами,

дескрипциями и индексами, является необходимым условием *понимания* соответствующих текстов и, как следует из сказанного, предполагает понимание определенного контекста употребления соответствующего термина.

Отсюда ясно, что установление указательной функции языковых выражений, их анафорических отношений может быть неосуществимо в рамках *отдельно взятых* предложений. Поэтому и рассмотрение таких изолированных предложений в качестве объекта анализа есть абстракция от более крупных структур: групп предложений, целых текстов и т. д. Это, конечно, не может не отразиться и на оценке адекватности определения логической формы отдельно взятых предложений.

Вместе с тем имя фиксирует в нашей памяти *изменения*, которые может претерпеть названный данным именем объект, связывая один с другими ассоциируемые с ним различные концепты как неодинаковые интенциональные функции, *различные перспективы* рассмотрения объекта. При этом возможно, что усвоение носителем языка таких интенциональных функций осуществляется без знания его о том, что некоторые из них относятся к *одному и тому же объекту* (например, выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект — планету Венера). Усвоение такого знания есть построение особого концепта в данной концептуальной системе. В этом мы и видим основание отнесения утверждений тождества, осуществляемых посредством соответствующих имен, к *эпистемическим*, а не метафизическим, как полагает Крипке, модальностям.

Будучи средством фиксации определенных соотносимых с объектами концептов и лишь через них средством указания на них, имена обладают идеальным с точки зрения *прагматики коммуникации* свойством: оставаясь, так сказать, нейтральными по отношению к разным концептам, относимым к ним как одним и тем же, так и разными носителями языка, они делают возможной ссылку на обозначаемые ими объекты без того, чтобы в каждом случае их употребления приходилось к согласию относительно содержания кодируемых ими концептов¹, соотносимых с ними разных дескрипций, тем более что фиксирование референта

¹ Это качество имен вынуждает некоторых исследователей считать их *пропозиционально непрозрачными*, т. е. не раскрывающими мыслительного содержания, относимого к ним определенными носителями языка (см. 97, 98).

имени во многих случаях является более важным, нежели выражение того способа, которым этот референт мыслится, т. е. выражение смысла, придаваемого имени носителем языка.

Таким образом имена позволяют связывать один с другим не только разные концепты, относимые к одному и тому же объекту одним и тем же носителем, но и разный познавательный опыт разных носителей языка как *предположительно* относящийся к тем же объектам мира, иначе говоря, связывать разные мысли разных носителей языка о *предположительно* тех же объектах. Такое содержащееся в концептуальных системах *предположение* является прагматической предпосылкой коммуникации носителей этих систем. В этом смысле можно сказать, что имя выполняет каузальную роль: его употребление «вызывает», «возбуждает» определенные концепты в определенных концептуальных системах и, соотнося их как «выбирающие» предположительно те же объекты на межиндивидуальном плане, делает возможной коммуникацию носителей языка.

Сказанное относится как к именам в собственном значении этого слова, так и к *индексалам*, выполняющим аналогично именам функцию указания на объекты, т. е. к «квазиименам» вроде «это», «здесь», «я», «теперь» и т. п. Осуществление указания посредством таких квазиимен предполагает не только усвоение смысла («фиксированного значения») соответствующего индексала (с нашей точки зрения — построение определенного концепта в данной концептуальной системе), но и восприятие *контекста* указания как выделения в нем определенных объектов, интерпретации имеющих в нем место жестов и т. п. Так, усвоение смысла демонстратива «это» может рассматриваться как построение концепта об объекте, который существует в поле восприятия субъекта. Соответственно его употребление означает направленность мысли субъекта (что иначе определяется как *интенциональность*) на определенный воспринимаемый им объект¹.

¹ Такой объект может иметь физическую или абстрактную природу, а указание на него может осуществляться через посредничество какого-либо другого объекта как его представителя и т. п. (например, рассматривая картину какого-либо объекта и произнося «это», я могу иметь в виду не картину объекта, а *сам объект*, т. е., хотя я указываю (в прямом смысле) не на объект, а на его картину, я все же указываю на объект *через* его картину).

Усвоение смысла как фиксированного значения «я» может рассматриваться как построение концепта о говорящем, воспринимающем себя субъекте; соответственно его употребление означает направленность мысли субъекта на себя самого¹. Усвоение смысла выражения «здесь» может рассматриваться как построение концепта о воспринимаемом субъектом месте (при возможных различных, зависящих от контекста истолкованиях «объема» места), соответственно речь идет о направленности мысли субъекта на определенное место и т. д. *Индексальные смыслы* (именуемые в других работах «характерами» (174), «ролями» (235), «языковыми значениями» (90), «постоянными значениями») (286) или просто «значениями», как у Монтегю и Крессвелла) представляют собой то постоянное мыслительное содержание, которое присутствует в разных контекстах употребления индексалов, осуществляемого одним и тем же или разными носителями языка, которые тогда характеризуются тем же *состоянием сознания, мнения*. Тогда о двух носителях языка, произносящих, например, «я», говорят, что они разделяют то же состояние мнения, но указывают — ввиду разных контекстов употребления «я» — на разные объекты (см. 236, 290).

Вместе с тем указание на объект, осуществляемое посредством индексалов, предполагает выделение объекта как определенным образом представляющегося воспринимающему его субъекту, т. е. построение концепта объекта в конкретной концептуальной системе, построение определенного «*дескриптивного*» смысла, относимого к данному индексалу в конкретном контексте его употребления. При этом не обязательно, чтобы носитель языка был способен сформулировать, выразить такой определяющий объект дескриптивный смысл. Тогда референт индексала с точки зрения формальной есть значение той интенциональной функции, которая является результатом соотнесения «постоянного» и «дескриптивного» смыслов. Ввиду этого утверждение тождества, выражаемое, например, предложением

¹ Такая интерпретация индексала «я», употребляемого в различных контекстах, естественно, может потребовать определенной модификации. Так, когда писатель, используя «я», ведет рассказ от имени героя своей книги, «я», очевидно, относится к последнему; аналогично синхронный перевод на другой язык может содержать употребление «я», что не означает, что переводчик имеет в виду себя. «Я» относится к тому, кто, возможно, употребил «I», «Je», «As» и т. п.

нием «Это тождественно этому» и осуществляемое в определенном контексте вопреки классическому пониманию, может полагаться информативным.

Аналогично именам индексалы связывают разные относимые к ним интенциональные функции, позволяя тем самым соотнести разные моменты не только действительной истории объекта-референта индексала, но и разных возможных его историй, в чем, с нашей точки зрения, и проявляется «жесткость» указания, присущая как подлинным, так и квазиименам. Индексалы, употребляемые в определенном контексте, сохраняют объект-референт индексала при переходе от одного мира к другому.

Когда индексалам отводится функция указания в структуре предикации (например, «Это красное», «Я — автор этой книги»), восприятие указываемых индексалами объектов, проявляющееся в построении определенных концептов как «дескриптивных» смыслов, может быть представлено определенной вербально формулируемой дескрипцией. Однако последняя не может рассматриваться как *тождественная* содержанию восприятия. Она является более или менее адекватным способом *выражения* восприятия и в этом качестве — одним из возможных способов построения концептов, а через них — одним из возможных способов представления, задания объектов.

Невозможность исчерпать содержание восприятия самого себя, имеющего место при использовании индексала «я» в предикативной структуре, служит причиной приписания этому индексалу *существенно индексальной*, т. е. несводимой к какой-либо дескрипции, природы (см. 236). Так, многие индивиды могут разделять состояние мнения, выражаемое формой «Я заблудился», но только я могу быть субъектом и объектом выражаемого мною состояния «Я заблудился». Поэтому и неосуществима замена «я» на какую-либо меня определяющую дескрипцию, какой бы детальной она ни была в качестве моей мысли о себе самом. Такая замена потребовала бы объяснения тождества дескрипции и индексала, что невозможно без употребления того же индексала, т. е. она привела бы к *повторению*, а не к избавлению от индексалов.

Из этого следует, что функция указания объекта неотделима от функции его *характеристики*: возможность указания объекта предполагает возможность построения определенного концепта об этом объекте. Однако если в случае употребления дескрипции функция характеристики объек-

та представлена *явно*, в самом указывающем выражении, то в случае имен и квазиимен такая функция явно не представлена. Она содержится в концептах интерпретирующей эти выражения, равно как саму ситуацию их употребления, концептуальной системы. Иначе говоря, когда в предикативных структурах в качестве указательных терминов мы употребляем индексалы, мы не навешиваем предикаты на «голые», лишенные каких бы то ни было качеств объекты. Скорее, наоборот, такие структуры — не на поверхностном, языковом, а на семантическом уровне, на уровне приписываемых индексалам смыслов — в определенной степени избыточны: указывая на такой-то объект, мы уже таким-то образом его характеризуем, выделяем среди других объектов.

Например, это имеет место, когда я указываю на красный объект и говорю «Это красное». «Чистое», непосредственное указание есть такая же фикция, как и существование объектов, лишенных каких бы то ни было качеств. Иначе говоря, выражение, содержащееся в предикативной позиции, может, в частности, рассматриваться как то, что уже приписывается индексалу употребляющим его, т. е. говорящим (с точки зрения слушающего, оно, кроме того, служит определению возможной экстенсии индексала). В любом случае для *выражения* указания мы не можем избежать языка: мы должны как-то лингвистически фиксировать объект нашего рассмотрения, чтобы что-то сказать о нем. Такая функция выполняется указательно используемыми индексалами; их прагматическое удобство заключается в *неявности* — с точки зрения языковой — соотносимой с ними *дескриптивной поддержки*. К сказанному следует добавить, что предикативно используемое выражение может представлять собой и новую — относительно кодируемой индексалом — информацию.

Неучет концептуальной системы, в которой осуществляется интерпретация индексалов, предполагающая соотнесение концептов, представляющих постоянные и дескриптивные (зависящие от контекста) смыслы употребляемых индексалов, неявность — в отличие от стандартных случаев употребления определенных дескрипций в качестве указательных терминов — дескриптивной, качественной поддержки индексала склоняют некоторых исследователей к рассмотрению индексальной референции как просто определяемой контекстом употребления индексала. Она ведет к рассмотрению индексалов как *непосредствен-*

но — т. е. без какого-либо ментального, интенционального посредничества — указывающих выражений естественного языка. Такой непосредственный познавательный опыт Рассел называл «знакомством»: в нем объект представлен субъекту *непосредственно*, дан в непосредственном контексте такого опыта.

В других исследованиях, относимых к «постклассическому периоду» лингвистической философии и претендующих на объяснение механизма указания и предикации (см. 263, 303), выражения, вроде «Это есть *F*», рассматриваются как относящиеся («привязанные») непосредственно к перцептуальной, наличной ситуации. Полагается, что посредством таких выражений всего лишь *регистрируется* наличие изменений в перцептуальной ситуации, когда индивид (рассматриваемый тогда в качестве определенного «регистрирующего» устройства) «просто реагирует» определенным вербальным образом на наличную ситуацию. Выражениям такого «регистрационного» языка отказывают в функции указания, а следовательно, и в функции идентификации объектов — в этом языке отсутствует возможность произведения утверждений.

Присутствующий в таких выражениях индексал — всего лишь сигнал привязанности к ситуации, он не рассматривается как указывающий «место» применения предиката. Правильность же употребления «квазипредикатов» этого языка проверяется непосредственно: критерием ее является его употребление в ситуациях того же типа, что и ситуации, в которых он определялся, т. е. в ситуациях научения (усвоения). Согласно этому подходу, подлинны предикаты в отличие от «квазипредикатов» применяются к ситуации не непосредственно, а к ситуации, указываемой посредством *подлинных* сингулярных терминов, которые указывают на определенные объекты как «места» применения предикатов. Таким образом, предикатам приписывается дополнительная, характеризующая роль в составе целого предложения, где они соотносятся с сингулярными терминами, выполняющими указательную функцию. С этой точки зрения опосредованное употреблением определенных лингвистических средств применение предикатов делает их использование ситуативно независимым, определяя возможность неперцептуального отношения к действительности, а сам переход от «квазипредикатов» к подлинным предикатам знаменует усвоение естественного языка как средства мышления, артикуляции действительности.

Представленное «объяснение» структуры указания не выдерживает критики. Во-первых, ни логически, ни эмпирически необоснованно рассмотрение употребления выражений, содержащих индексалы (вроде «Это есть *F*»), как лишнего указательной функции. Осмысленное употребление таких выражений, как и их понимание, предполагает выделение индивидом определенных объектов в качестве объектов его восприятия, что, как показано выше, *уже* дает характеристику этих объектов. При этом усвоение (введение) естественного языка означает соотнесение осуществляемых индивидом разграничений в мире с принятой в определенном языковом обществе номенклатурой, что имеет чрезвычайно важные следствия ввиду той функции естественного языка, которую мы назвали «манипулятивной» и которая относится к построению в данной индивидуальной концептуальной системе определенных концептуальных структур средствами естественного языка и ведет, так сказать, к «обобществлению» содержания индивидуальных концептуальных систем.

Во-вторых, в таких концепциях *просто декларируется*, а не объясняется функция указания сингулярных терминов: просто утверждается, что именно с усвоения сингулярных терминов, как обозначающих «места» применения предикатов, начинается подлинное, непривязанное к ситуации употребление естественного языка, но не объясняется, *как возможно* понимание (усвоение) сингулярных терминов, осмысленное их употребление. Ожидать такого объяснения через определение связи сингулярных терминов и конструкций, вроде «Это есть *F*», не приходится: содержащемуся в них индексалу вовсе не приписывается указательная функция. Между тем имя может быть введено относительно любого объекта, на который осуществляется указание: типичный случай такого введения и представляет указание посредством употребления индексалов, которое — это следует подчеркнуть лишний раз — означает наряду с «*индексальным смыслом*» построение определенного «*дескриптивного смысла*», относимого к рассматриваемому (выделенному) в определенном контексте объекту¹.

Наконец, индексальный элемент присущ и употреблению самих дескрипций, содержащих в своей структуре

¹ С этой точки зрения куда ближе к истине слова Витгенштейна: «Для имени характерно как раз то, что оно объясняется через указательное «Это есть *N*» (или «Это называется «*N*»»)» (306, § 38).

как предикаты (общие имена), собственные имена, так и индексалы (например, «этот ученик Платона»). Однако вопрос семантического статуса этих составляющих дескрипции при обсуждаемом подходе остается неясным. Концепции, замкнутые в схеме, конституируемой двумя категориями — естественным языком и его употреблением, не способны предложить конструктивной альтернативы критикуемым в них классическим — платоническим и номиналистским — подходам. Свойственные таким концепциям попытки объяснить способность осмысленного употребления предикатов ссылкой на наличие в мире того, что называется «естественными классами» объектов и что рассматривается как необходимое условие способности думать и говорить о мире, не могут дать желаемого результата, ибо сами «естественные классы» рассматриваются как постижимые исключительно благодаря использованию естественного языка, точнее, посредством употребления многократно применяемых предикатов. Очевидным результатом таких попыток является круг в объяснении. Верно, что использование предикатов, имен и индексалов есть использование языка. Однако не менее верно, что язык не является априорным условием познания мира, а интерпретация его выражений осуществляется лишь в концептуальных системах носителей языка, являющихся *необходимым условием* усвоения и осмысленного употребления вербальной символики и вместе с тем объектом дальнейшего построения средствами естественного языка.

Относительно же семантического статуса и коммуникативной функции дескрипции ясно, что она не обязательно должна быть единственным образом идентифицирующей рассматриваемый объект (такая идентификация, как правило, осуществляется в рамках определенного, способствующего ей *контекста*). Дескрипция служит фиксации объекта, характеризованного таким-то образом; при всем этом возможны различные комбинации референциальной и интенциональной функций. Мы имеем в виду то, что любое множество интенциональных характеристик может участвовать в комбинации с референциальной функцией имени в качестве референциальной основы для (последующего) рассмотрения таким-то образом характеризованного объекта в других интенциональных ролях, с точки зрения других интенциональных функций. Так, характеристика некоторого объекта, названного именем «Гамлет», как принца Дании может служить референциальной основой для рас-

смóтрения такого объекта — *Гамлета-как-принца-Дании* — в других, нежели предложенные Шекспиром, интенциональных ролях, например как того, кто (в некотором возможном мире) не убил Полония, женился на Офелии и т. д. и т. п.

Именно опираясь на информацию, которой носитель языка располагает о некотором объекте в своей концептуальной системе (если, конечно, исключить случай намеренной лжи), он может успешно осуществить референцию на объект даже при использовании *неправильной* (неадекватной объекту) дескрипции, если и только если эта дескрипция фиксирует некоторое множество характеристик, в достаточной степени совпадающих (в выперассмотренном смысле этого термина) с характеристиками, адекватно фиксирующими объект и приписываемыми ему другими носителями языка в данной конкретной ситуации (контексте) употребления дескрипции. В другом случае это множество характеристик может быть минимальным или даже пустым (т. е. вовсе не необходимо, чтобы таких, адекватных, характеристик было больше, чем неадекватных), если контекст употребления дескрипции аннулирует референциальный эффект неадекватных характеристик и содействует реализации указания.

Так, можно представить ситуацию, в которой некто, находясь в дальнем углу комнаты, указывает на лицо, сидящее за роялем, и говорит: «Хозяйка дома прекрасно играет». Допустим, остальные присутствующие в комнате знают, что лицо, сидящее за роялем, вовсе не хозяйка дома и вовсе не девушка, а парень, которого наш субъект принял за девушку из-за длинных волос. Такая ситуация не оставляет сомнения в том, *какой* референт приписывается выражению «хозяйка дома» *другими* присутствующими в комнате носителями языка.

Таким образом, даже в случае, когда сама дескрипция не содержит ничего, что соответствовало бы в релевантном аспекте рассматриваемому объекту, сам контекст ее употребления, включающий других людей в качестве носителей определенных концептуальных систем, может содействовать или даже обеспечить достижение ее референциального эффекта. В приведенном примере на релевантные, т. е. имеющие отношение к выделению рассматриваемого объекта, референциально обозначенного неадекватной дескрипцией, аспекты такого контекста наряду с другими факторами, конечно, указывают слова говорящего «пре-

красно играет», которыми он характеризует референциально указываемый объект. Такая дескрипция служит средством направления внимания (мысли) других посетителей языка на определенный объект, или *сигналом искать объект*. Таким сигналом служат и другие употребляемые относительно объекта выражения, причем в случае отсутствия удовлетворяющего дескрипции объекта поиск далее направляется другими относимыми к объекту предикатами (в нашем примере предикатом «прекрасно играет»). Нахождение такого удовлетворяющего рассматриваемый предикат объекта означает заполнение того места (аналогично заполнению мест пропозициональной функции), которое было указано (*оставлено пустым*) неадекватной дескрипцией.

Такой *расчет поиска и нахождения объекта* лежит в основе и той языковой практики, когда указание на объект осуществляется заведомо неадекватной дескрипцией, т. е. когда носитель языка сам сознает неадекватность употребляемой им дескрипции, но рассчитывает на контекст ее употребления и людей как части этого контекста, корректирующей и содействующей достижению эффекта указания. Следовательно, языковые выражения не осуществляют референции сами по себе, достижение референциального эффекта не определяется только «семантикой выражения»; оно предполагает учет носителей языка как носителей, интерпретирующих эти выражения концептуальных систем, и участников интерпретируемого в этих системах прагматического контекста их употребления. Абстрагируясь от такого фактора, мы вообще должны были бы полагать, что, например, собственные имена («Иван», «Джон», «Жан», «Ионас» и др.) — ввиду присущей им индексальности — являются общими именами.

Такую релятивизацию понятия смысла, имеющую в качестве онтологического следствия релятивизацию понятия универсума объектов относительно определенной концептуальной системы, можно сопоставить с проводимым в современных логико-философских исследованиях естественного языка различием *прагматических* и *семантических* аспектов языка. Речь идет о различии в интенциональном плане *значения* предложения — как функции от контекстуальных факторов к пропозициям — и *смысла* предложения, т. е. пропозиции как функции от возможных миров к истинностным значениям. В таком случае пришлось бы различать: 1) *значение* предложения, 2) *пропозицию*,

или *смысл*, для *говорящего* и 3) *пропозицию*, или *смысл*, для *слушающего*. В примере, приводимом Б. Ханссоном (148), Джон всегда путает имена жены Билла Сьюзан и его сестры Сью. Билл это знает, поэтому, когда Джон говорит: «Я надеюсь, Сью поправляется», Билл понимает, что речь идет о его жене. В этой ситуации *объективно* как пропозиция, выраженная Джоном, так и пропозиция, принятая Биллом, состоят в том, что Джон надеется, что Сьюзан поправляется, но ни одна из них не тождественна *значению* предложения, употребленного для выражения этой пропозиции.

В аналогичном рассмотрении Крипке (190) признает необходимость различать то, что он называет «*семантической референцией*», от «*референции говорящего*». Под первой разумеется то, что *означают* слова говорящего, а под второй — то, что, согласно Крипке, говорящий *имеет в виду*, употребляя эти слова в определенной ситуации. Последнее охватывает *намерения* говорящего и разные параметры *контекста* употребления. Под референтом говорящего тогда понимается тот объект, о котором говорящий, согласно Крипке, желает, имеет намерение говорить и относительно которого он думает, что он (этот объект) удовлетворяет условию быть семантическим референтом употребляемого говорящим выражения. В терминах такого различия Крипке интерпретирует примеры вроде: «Человек, пьющий шампанское, является тем-то» (в ситуации, когда это предложение относится к индивиду, который *на самом деле* не пьет шампанское, о чем говорящий не знает, но который *на самом деле* является «тем-то»); «Ее супруг очень любезен с ней» (в ситуации, когда это предложение относится к женщине, за которой ухаживает данный индивид, которого говорящий принимает за ее мужа, хотя *на самом деле* он не является таковым); «Джонс сгребает листья» (в ситуации, когда говорящий — из-за отдаленности — принимает Смита, который *на самом деле* сгребает листья, за Джонса) и т. д.

Так как семантическими референтами сингулярных терминов являются те объекты, которые *на самом деле*, или *объективно*, — т. е. согласно общепринятой в данном обществе языковой номенклатуре — соответствуют им (удовлетворяют данным терминам или являются референтами соответствующих терминов), приведенные предложения с точки зрения семантической референции, т. е. согласно общепринятой номенклатуре, должны полагаться

ложными, что отвечает расселовской теории определенных дескрипций.

Однако с точки зрения *референции говорящего*, предполагающей учет прагматического фактора употребления выражения, хотя референты и не соответствуют употребляемым сингулярным терминам, контекст употребления может способствовать достижению референциального эффекта и, следовательно, осуществлению функции предикации. Осознание говорящим того, что его референция не соответствует семантической референции, должно, по Крипке, привести его к исправлению своей ошибки; эффективное осуществление коммуникации предполагает совпадение семантической референции с референцией говорящего. Такое требование, однако, как аргументировалось нами выше, реализуемо лишь в условиях *идеальной* коммуникации, характеризуемой принятием всеми носителями языка одной и той же абсолютной «семантики языка».

Более того, необходимость объяснить референцию, осуществляемую посредством неадекватного выражения, и вместе с тем приверженность к той же абсолютной «семантике языка», непризнание значимости фактора концептуальной системы, на основе которой носители языка осуществляют указание на объекты мира и их отождествление, вынуждают Крипке считать референтами говорящего объекты, которые с точки зрения концептуальной системы говорящего *таковыми не являются*. Так, в вышеприведенном примере именно Джонс, а не Смит, как полагает Крипке, является референтом употребляемого говорящим имени «Джонс», т. е. тем, кого говорящий *имеет в виду*, хотя именно к Смиту относится предикат «сгребает листья» с *объективной точки зрения*, т. е. с точки зрения того, что мы назвали конструктом «объективной концептуальной системы», содержащей информацию о действительном положении вещей в мире и являющейся абстракцией от индивидуальных концептуальных систем. Именно с таким конструктом имеют дело в теориях «семантики языка», хотя, как мы могли убедиться, феномен указания при использовании неадекватного выражения объясняется не тем, что *должен* иметь в виду говорящий для успешного осуществления референции, а тем, что с точки зрения концептуальной системы говорящего объект, к которому относится рассматриваемый предикат, в обсуждаемой ситуации отождествляется с объектом, который он *на самом деле* имеет в виду.

Таким образом, наш анализ еще раз показывает, что при всем возможном многообразии критериев отождествления объектов основой такого отождествления, как и определения содержания осуществляемого посредством языковых выражений указания на объекты, является информация, содержащаяся в конкретных концептуальных системах как части определенного контекста употребления языковых выражений. Именно ссылка на такого рода информацию и дает, как мы увидим, необходимую предпосылку решения двух других фундаментальных проблем современного логико-философского анализа естественного языка — установления критериев осмысленности языковых выражений и проблемы анализа соотношения мнения и знания.

ОСМЫСЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ

1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ИСЧИСЛЕНИЯ: ГРАНИЦЫ ИХ АНАЛОГИИ

Целесообразность сопоставления двух факторов — концептуальной системы носителя языка и постулируемой «семантики языка» — очевидна при рассмотрении вопроса об осмысленности языковых выражений как проблемы *установления критериев* осмысленности при поиске критериев правильности их построения. Построение семантической теории естественного языка в этом смысле можно рассматривать как попытку построения разрешающей процедуры для понятия «осмысленное выражение естественного языка» и тем самым как попытку систематического разграничения *осмысленных* и *бессмысленных* выражений. Проведение такого разграничения базируется на предположении, что осмысленные выражения образуют рекурсивное множество: речь идет об объяснении способности носителей языка порождать, соответственно распознавать не только *осмысленные* выражения, но и *бессмысленные*. Попытка построения такой разрешающей процедуры, как было показано выше, в современных формальных исследованиях естественного языка осуществляется путем построения определенного исчисления, посредством которого определяется правильность строения, а в семантическом аспекте — осмысленность языкового выражения. Такое исчисление, рассматриваемое в качестве некоторой формальной системы, можно назвать *лингвистическим исчислением*.

Для логического исчисления проблема разрешимости, как известно, состоит в установлении того, является ли данная последовательность знаков, т. е. выражение данного

языка, теоремой или нет. Успешность проведения аналогии между логическим и лингвистическим исчислениями, очевидно, зависит от возможности рассмотрения в качестве теорем конечных выражений, порождаемых посредством правил лингвистического исчисления.

В *логическом* исчислении семантическим аналогом синтаксического понятия «теорема» является понятие «общезначимое выражение». Идея построения логического исчисления — в кодификации, систематизации того, что называют «логическими истинами», т. е. общезначимых выражений: соответствующий формализм служит для спецификации таких общезначимых выражений, которые слишком сложны для интуитивного понимания логика. Соответственно логическое исчисление полагается адекватным, если оно порождает все и только общезначимые выражения. Так как множество таких выражений является бесконечным, оно не может быть охарактеризовано перечислением его членов: такая характеристика достигается абстракцией специфической рекурсивной структуры.

Идея построения *лингвистического* исчисления заключается в кодификации, систематизации того, что называют — *синтаксически* и *семантически* — правильно построенными выражениями естественного языка как объяснения интуитивного понятия правильности и способности носителей языка понять любое (новое) выражение языка. Лингвистическое исчисление считается адекватным, если оно порождает все и только правильно построенные выражения языка. Критерий адекватности такой экспликации — в ее согласованности с *интуицией* носителей языка; бесконечное множество правильно построенных выражений дается абстракцией их специфической рекурсивной структуры.

Таким образом, речь идет о возможности проведения аналогии между парами понятий «быть теоремой» и «быть общезначимым», с одной стороны, «быть порождаемым» и «быть осмысленным» — с другой. Остановимся на содержании, обоснованности и методологических следствиях проведения такой аналогии.

Из сказанного ясно, что как логические, так и лингвистические исчисления можно характеризовать в терминах *нормативности* и *дескриптивности*. В первом случае речь идет о том, какие выражения должны полагаться общезначимыми (в случае формального языка), следовательно, каким нормам должны соответствовать логически правиль-

но построенные рассуждения (т. е. о компетенции *идеального логика*). Соответственно в случае естественного языка речь идет о том, какие выражения этого языка должны считаться осмысленными, следовательно, каким нормам должны отвечать осмысленные выражения естественного языка (т. е. о компетенции *идеального носителя языка*). Под дескриптивностью, в свою очередь, следует понимать соответствие конструируемых моделей реальным процедурам порождения выражений.

Существенным как для логического, так и для лингвистического исчисления является понятие *логической формы* выражения как того, от чего зависят, в терминах чего определяются логические связи выражений на рассматриваемом уровне задания их логической формы, а в отношении естественного языка — на рассматриваемом уровне его формализации. При этом если в логическом исчислении правильность построения выражения является предварительным, необходимым условием его доказуемости, то в лингвистическом исчислении осмысленность выражения рассматривается как *конечная* цель исчисления. Далее, если в логическом исчислении общезначимость является тем свойством, которое с помощью правил вывода, или трансформации, переносится с аксиом (которые являются правильно построенными выражениями) на теоремы (которые также являются правильно построенными выражениями), то в лингвистическом исчислении предикат «осмысленное» можно отнести только к конечному результату исчисления, т. е. к *самому языковому выражению*.

Как было показано, глубинные, базисные структуры, логические формы выражений как их семантические представления могут задаваться различными формализмами: правилами «фразовой структуры» с последующей интерпретацией на множестве универсальных семантических маркеров; правилами, определяющими правильность строения глубинной структуры как логической формы, выраженной в терминах универсальных атомарных предикатов и получающей интерпретацию в семантике интенциональной логики; правилами «категориальной грамматики» с последующей интерпретацией в терминах интенциональной логики. Такие семантические репрезентации, будучи абстрактными формальными объектами, не являются так же интуитивно осмысленными (правильно построенными), как порождаемые ими или выводимые из них языковые выражения. Более того, чем «глубиннее», т. е. абстрактнее,

структуры, соотносимые с некоторым выражением, тем менее интуитивными они представляются, тем менее ясно, что в отношении их вообще делаются какие-либо эмпирические утверждения.

С понятием структур, достаточно удаленных от поверхностных структур, в трансформационной-генеративной теории, как известно, связывается тезис об *универсальности* первых. Однако, поскольку в таком случае понятие трансформации предполагается очень сильным, причем оно задается на множестве формальных объектов, которые являются сущностями, содержащими неопределяемые в теории категории, разумно предположение о *тривиальности утверждения универсальности*. Вместе с тем очевидным и не более утешительным следствием требования *близости* логической формы, или семантической репрезентации, к поверхностной форме языкового выражения является то, что последние должны быть признаны наилучшими семантическими репрезентациями самих себя.

Таким образом, если общезначимость аксиом, с одной стороны, и теорем — с другой, проверяема, то смысловое тождество глубинной и поверхностной структур выражения, логической формы выражения и самого выражения не проверяемо — оно *просто утверждается* или по крайней мере *предполагается*. Если же говорить о правильности, которая относится к обоим уровням анализа, то речь, очевидно, может идти о ней только в техническом плане, и тогда понятие правильности определяется *самим исчислением*: правильность выражения с этой точки зрения есть его порождаемость в данном исчислении. Но в таком случае любое лингвистическое исчисление необходимо описывает все и только правильно построенные выражения естественного языка (168). В соответствии с проводимой в современных формальных лингвистических теориях естественного языка дихотомией слабой и сильной генеративной способности такие исчисления являются по крайней мере слабо эквивалентными. Сильная их эквивалентность означала бы, что они кроме способности порождения того же множества правильно построенных языковых выражений приписывают каждому из них те же, т. е. в той же степени адекватные интуиции носителей языка, семантические свойства и отношения.

Чтобы можно было обсуждать разрешающую процедуру для логического исчисления (например, для такого элементарного, каким является классическое исчисление вы-

сказываний), необходимо, как известно, иметь независимое от соответствующего формализма (*интуитивное*) понятие общезначимости как того, что свойственно всем общезначимым выражениям рассматриваемого языка. Общезначимые выражения в этом смысле обозримы до построения формализма, служащего их экспликации. При этом требуется, чтобы общезначимость, как она определяется в логическом исчислении, или формальное определение общезначимости, соответствовала интуитивному ее пониманию. Установление общезначимости данного выражения за конечное число шагов означает указание *разрешающей процедуры* для рассматриваемого свойства выражения. Аналогично этому, чтобы адекватно описать естественный язык, необходимо располагать независимым от конкретного лингвистического исчисления, или метода семантической репрезентации, понятием синтаксической и семантической правильности выражения этого языка.

Можно ли таким же образом рассматривать выражения естественного языка? Есть ли нечто, что присуще всем и только правильно построенным его выражениям, что знает лингвист или логик, когда он приступает к экспликации посредством некоторого формализма, посредством задания формального определения правильности языковых выражений как построения разрешающей процедуры для рассматриваемого свойства языковых выражений? Эти вопросы требуют специального анализа, к которому мы и перейдем.

2. ОСМЫСЛЕННОСТЬ И СЕМАНТИКА ЯЗЫКА

Разграничение синтаксического и семантического компонентов грамматики в интерпретативной концепции обоснованно влечет разграничение двух аспектов правильности построения языкового выражения естественного языка — *синтаксического и семантического*. Аналогию между логическим и лингвистическим исчислениями видят в следующем. При построении формального языка, осуществляемом посредством указания его первичных знаков и правил образования его выражений, предполагается возможность определенной семантической интерпретации порождаемых соответствующим исчислением выражений языка. При этом, как правило, исключается ситуация, когда некоторые выражения языка вовсе не получают интерпретации и потому ничего не утверждают о рассматриваемом множестве объектов. Однако, если предположить принципиальную

возможность такой ситуации, например за счет расширения логического исчисления или определенной стандартной его интерпретации, тогда язык, порождаемый таким исчислением, будет содержать как синтаксически неправильно построенные выражения, так и *бессмысленные, но синтаксически правильно построенные выражения*. В качестве такого — «интерпретационно неполного» языка — и рассматривается естественный язык (см. 178).

Согласно интерпретативной концепции семантики, языковое выражение является осмысленным, если оно порождается правилами рассматриваемой грамматики, точнее, если его глубинная синтаксическая структура может получить интерпретацию, не нарушающую формулируемых в данном исчислении ограничений на построение возможных семантических объектов. Речь идет о «селекционных» ограничениях, содержащихся наряду с семантическими маркерами в смысле языкового выражения и определяющих его семантически допустимые комбинаторные возможности в процессе построения смысла синтаксически сложных составляющих из смыслов их частей. В противном случае выражение квалифицируется как лишенное смысла, т. е. бессмысленное. Тогда такое выражение не рассматривается в качестве состоящего в каких-либо отношениях вывода с другими выражениями естественного языка.

Формулировка названных семантических ограничений ввиду утверждаемого в теории постулата эмпирической ее верификации в качестве критерия ее адекватности интуиции носителей языка, как правило, отражает их некоторый обыденный познавательный опыт. В рассматриваемой модели он канонизируется, получая статус «семантики языка», и трактуется как *знание носителей языка о системе языка*, представляющее лингвистическую компетенцию последних в отличие от их *знания о мире*. Хотя включение определенных ограничений на построение осмысленных языковых выражений отражает понимание необходимости теоретической реконструкции интуиции носителей языка, относящейся к различению осмысленного и бессмысленного, само по себе множество таких ограничений не является ни исчерпывающим, ни адекватным.

Во-первых, в качестве основного материала языковых выражений как объекта семантической модели берутся осмысленные с интуитивной точки зрения выражения, т. е. такие, которые, по нашему мнению, представляя определенное знание носителей языка о мире, в интерпретатив-

ной концепции семантики получают статус знания носителей языка о системе языка. Бессмысленные языковые выражения при таком подходе суть выражения, отклоняющиеся от семантических норм, характеризующих данное множество языковых выражений, принятых в качестве осмысленных в данной модели. Следовательно, определение выражения как бессмысленного, т. е. как несовместимого со знанием носителей языка о языке, на самом деле есть рассмотрение его как *несовместимого со знанием носителей языка о мире*, знанием, выраженным данными выражениями языка. Если знание носителей языка о мире меняется, меняется и их знание о языке, даже если исходить только из того усредняющего знание носителей языка о мире понимания, которое именуется «семантикой языка» и в котором абстрагируются от рассмотрения этого знания в контексте концептуальных систем носителей языка.

Во-вторых, понимание бессмысленных предложений как тех, которые не получают интерпретации в данной модели, явно неприемлемо, поскольку интуитивно неотрицаема именно *смысловая разница* между разными бессмысленными с точки зрения данной модели предложениями. Неадекватность такого подхода очевидна, когда имеется дело с предложениями мнения, содержащими в своей подконтекстной части такие «бессмысленные» предложения.

Наконец, проблематичность содержащихся в теории (как теории семантической компетенции носителей языка) ограничений заключается в том, что ее концептуальный аппарат не предусматривает связи ее конструкторов с экстралингвистической реальностью, рассмотрения *экстралингвистического фактора* употребления языковых выражений. Конечно, такой фактор в определенной степени учитывается *теорией исполнения* языка. С этой точки зрения предложение-тип может быть осмысленным в языке (в нулевом контексте), но знак этого предложения (то же предложение, как оно употребляется в определенном контексте), может быть бессмысленным, и, наоборот, предложение-знак может быть осмысленным в определенном контексте его употребления, но бессмысленным в языке (см. 182). Такое разграничение и сопоставление аспектов осмысленности, на наш взгляд, лишний раз доказывают неконструктивность самого понятия «осмысленное в языке», или *осмысленное с точки зрения «семантики языка»*.

«Онтологическая нейтральность» теории здесь проявляется не в том, что ее сторонники не желают быть вовлеченными в «метафизический» спор о сущностях, а в том, что в ней считается несущественным для формализации предиката «осмысленное выражение естественного языка» рассмотрение *связи между языком и миром*, между *языком и концептуальными системами носителей языка*. За «бортом» такой модели оказывается множество выражений естественного языка, нарушающих ее правила и ограничения, но признаваемых носителями языка в качестве вполне корректных не в каком-то абсолютном смысле, а относительно *возможности их употребления в определенном контексте*.

Внутриязыковая замкнутость рассматриваемой модели как модели идеального носителя языка, «способного» порождать и интерпретировать лишь отдельно взятые языковые выражения в рамках теоретического аппарата данной модели, порождает абсолютизацию семантических свойств и отношений языковых выражений, в том числе и свойства осмысленности языковых выражений. Поэтому оценка адекватности объяснения этих свойств и отношений может быть дана только с учетом данной особенности рассматриваемой теории. В этом узком (абстрагированном от функционирования языка в процессе познания, построения концептуальной системы и коммуникации) смысле можно говорить о том, что имеется некая «семантика», или «семантическая система» естественного языка, и о том, что рассматриваемая концепция формализует свойство осмысленности языковых выражений.

Если же не принять такого «онтологического нейтралитета» теории, то придется признать, что утверждение эмпирического характера теории, с одной стороны, и рассмотрение ее как теории лингвистической компетенции носителей языка — с другой, несовместимы. Разграничение и противопоставление *внутрилингвистического знания* (как знания носителей языка о системе языка) и *экстралингвистического знания* (как знания носителей языка о мире) в рассматриваемом аспекте, т. е. с точки зрения установления критериев осмысленности языковых выражений, является не только эмпирически не обоснованным, но и теоретически бесплодным. В этом свете апелляция к понятию «идеального носителя языка» как аналогу понятия «идеальной логики» явно искажает саму идею экспликации интуиции носителя языка. Творческая потенция

последнего не исчерпывается рекурсивностью правил построения языковых выражений, а построение семантической теории, адекватной интуиции носителей языка, не может рассматриваться как задача спецификации, порождения правильно построенных выражений, которые слишком сложны для понимания носителя языка.

3. ПОСТУЛАТЫ СМЫСЛА И ПЛЮРАЛИЗМ ЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ

Учет внелингвистического фактора контекста употребления языковых выражений приводит в концепции *генеративной семантики* к определенной релятивизации понятия «правильно построенное выражение естественного языка» относительно разделяемых членами определенного языкового сообщества концептуальных предпосылок о положении вещей в мире и к включению этих предпосылок в семантическую репрезентацию языковых выражений. Это, несомненно, свидетельствует о более конструктивном, нежели в интерпретативной модели, понимании функции естественного языка в процессе познания и коммуникации. Однако, отмечая плодотворность контекстуального подхода к семантическому анализу языковых выражений, следует подчеркнуть, что и в данной концепции речь идет об экспликации «семантики языка» как определенной семантической системы, при этом экспликация должна осуществляться «естественной логикой» как определенной логической системой.

Переход к концептуальной системе носителей языка представляет собой в генеративной семантике лишь попытку формализовать один из наиболее сложных фрагментов той же «семантики языка». Таким образом, не экспликация структуры концептуальной системы, а формализация «семантики языка» является определяющим мотивом и в этом анализе. Учет контекстуального употребления языковых выражений уже ввиду возможной несовместимости или даже несоизмеримости концептуальных предпосылок или индивидуальных знаний носителей языка делает невозможной по крайней мере непротиворечивость, если вообще не определимость, системы аксиом, или *постулатов смысла*, такой логической системы. Между тем знание того множества логических структур предложений, которые составляют индивидуальное знание и являются, как это будет показано в следующей главе, объектом мнения,

позволяет говорить об инференциальных отношениях, заданных на этом множестве. Возможность взаимозаменяемости языковых выражений в таком контексте определяется знанием того, что имеет место в альтернативных действительному миру и с точки зрения определенного носителя языка мирах.

Специфичность условий взаимозаменяемости языковых выражений в таких контекстах делает необходимой релятивизацию относительно индивидуального знания самого понятия логической структуры, или логической формы, предложений, выражающих мнения носителей языка. Таким образом, своеобразие «естественной логики», как логической системы, как теории аргументации, проводимой с помощью естественного языка, не только в том, что она бесконечно далека от завершения. Ее особенность заключается в принципиальной недостижимости ее целей как теории «семантики языка», т. е. как теории аргументации, с одной стороны, осуществляемой посредством естественного языка, а с другой — *реально* осуществляемой носителями этого языка на основе определенной концептуальной системы.

Наконец, при учете необходимости соотнесения языковых выражений с разными модельно-теоретически интерпретируемыми логическими структурами как возможными их смыслами остается неразрешенной проблема *указания критериев осмысленного выбора* той или иной логической структуры при наличии того или другого концептуального контекста. При этом речь идет о контексте не как критерии осмысленности данного употребления языкового выражения, а как критерии *разрешения неоднозначности* языкового выражения, а в более широком понимании — как критерии осмысленности языкового выражения, рассматриваемого в контексте с другими выражениями и в зависимости от степени *смысловой связанности* их логических структур образующего или не образующего с ними осмысленной логической структуры. Разрешимость такого рода, с нашей точки зрения, играет принципиальную роль в аргументации, проводимой с помощью естественного языка.

В референтных семантических концепциях, в которых понятие смысла предложения рассматривается как неотделимое от информации о том, что мир является таким, что он удовлетворяет истинностным условиям предложения, построение определения осмысленности рассматривается

как построение рекурсивного определения *истинности* для выражения естественного языка. Ввиду же постулируемого в этих концепциях параллелизма синтаксических и семантических операций (правил) порождения языкового выражения рекурсивное определение синтаксически правильно построенного выражения изоморфно рекурсивному определению семантической правильности, т. е. *осмысленности*, языкового выражения. Иначе говоря, смысл правильно построенного выражения выводится соответственно операциям, посредством которых это выражение строится синтаксически. Следовательно, аспект осмысленности языковых выражений здесь понимается как аспект их *интерпретации в данном исчислении*, т. е. как аспект приписывания смысла языковому выражению как его (выражения) истинности в некотором «возможном мире». Поэтому введение каких-либо ограничений (вроде «селекционных правил» в интерпретативной концепции семантики) на построение возможных семантических объектов вовсе не рассматривается как существенное для построения семантической теории естественного языка в качестве теории связи языка и мира.

В концепции Монтегю вопрос осмысленности языковых выражений в таком плане не возникает, потому что для задач семантической теории языка экспликация *внутрикатегориальных* (относящихся к одной и той же синтаксической категории) семантических различий *дескриптивных* — в отличие от логических — выражений естественного языка не полагается существенной. С точки зрения такого подхода в равной мере осмысленными следует считать, например, предложения «Человек спит» и «Идея спит».

Принципиально, как в концепции Льюиса, введение ограничений на построение осмысленных выражений не исключается в силу допущения, что интенции как смыслы языковых выражений могут быть частичными функциями от возможных миров (вообще говоря, от индексов, или точек референции) или нулевыми функциями, неопределенными для некоторых возможных миров (т. е. язык, порождаемый при таком подходе, может рассматриваться, по терминологии Каца, как «интерпретационно полный»). Так, согласно Льюису, если предположить, что выражение «зеленая идея» имеет нулевую интенцию, то следовало бы указать, что интенция «зеленая» должна быть частичной функцией для таких аргументов, как интенция выражения «идея». В подобных случаях формально предусматривает-

ся такая фильтрующая связь трансформационного компонента лингвистического исчисления с базисной структурой, что выражения, имеющие нулевую интенцию, не получают представления в поверхностной структуре.

Можно ли сказать, что такой и аналогичные ему подходы достаточны для *экспликации понятия осмысленности языковых выражений*? Если в качестве примера (пожалуй, наиболее показательного) взять категорию неоднозначных выражений, то, как явствует из анализа этих теорий, их эксплицирующие возможности в лучшем случае сводятся к указанию *спектра возможных интерпретаций* таких выражений (здесь мы оставляем в стороне вопрос о связи этих интерпретаций с определенными концептуальными системами). *Разрешение же неоднозначности*, т. е. то, что делает носитель языка, *понимая* выражения естественного языка, строя тот или иной его смысл в зависимости от контекстуальных факторов, выходит за пределы возможностей таких теорий. Не зря в них подчеркивается, что теория дает смыслы всех *независимо осмысленных* выражений естественного языка.

В понятие независимости здесь, очевидно, вкладывается тот смысл, при котором осмысленность языкового выражения задается правилами лингвистического исчисления, перед которым ставится задача экспликации «семантики языка». Такие правила просто фиксируют определенный ряд употреблений языковых выражений. Анализ употреблений последних во множестве других возможных контекстов выявляет ограниченность любой системы таких правил как правил семантической репрезентации языковых выражений, принадлежащих определенному лингвистическому исчислению и определенных данным выбором употреблений языковых выражений. Поэтому установку на выбор определенного исчисления как предлагающего *единственно* адекватную формализацию естественного языка нельзя считать обоснованной, ввиду того что выбор одного из формализмов в качестве варианта задания базисной и существенной для определения семантических свойств и отношений структуры, в качестве наиболее адекватной, *единственно* правильной теории семантики языковых выражений никогда не является исчерпывающим. Он указывает на определенный ряд *возможных интерпретаций* языковых выражений, существенно различающихся в зависимости от контекста их употребления.

Приписывание одному и тому же выражению в разных

формальных теориях разных базисных структур в качестве логической формы выражения, очевидно, зависит от содержания, вкладываемого в понятие *логической формы*, которое, в свою очередь, определяется как интересом к раскрытию того или иного представленного в качестве интуитивно значимого аспекта семантики языкового выражения, так и соображениями внутритеоретического порядка. Следовательно, приписывание выражениям естественного языка определенных семантических свойств и отношений следует полагать зависимым от выбранного метода семантической репрезентации. Сама же возможность такого приписывания, или плюрализм логических форм, свидетельствует о неправомерности абсолютизации понятия логической формы.

В этой связи можно согласиться с выводом, к которому пришел У. Хаас в результате анализа дескриптивных возможностей ряда современных лингвистических теорий (см. 147). Суть его в следующем: то, что представляется как описание базисной структуры языкового выражения в разных формальных моделях, есть не что иное, как описание разных *семантических тенденций* употребления языкового выражения, реализующихся в рамках определенных синтаксических правил, но не являющихся их частью. Речь идет о тенденциях, которые реализуются при наличии определенного лексического выбора или определенного контекста употребления языкового выражения. Соответствующие их описания в лингвистических исчислениях следует рассматривать не в терминах несовместимых альтернативных базисных правил (или ограничений), а в терминах описания совместимых семантических свойств соответствующих грамматических конструкций, проявляющихся в определенном, специфическом контексте употребления языкового выражения. Таким образом, видимость соперничества между теориями создается представлением в них посредством альтернативных правил (ограничений) того, что на самом деле является *совместимыми семантическими тенденциями, характеризующими одну и ту же языковую конструкцию*.

Так, рассматривая семантический «потенциал» составляющей «Y» в структуре «X flew Y to Z», Хаас указывает, что «Y» могут быть приписаны в разных моделях базисной структуры как семантическая характеристика «объекта», так и «субъекта», «инструмента», «агента», «датива» и т. д. в зависимости от конкретного лексического выбора и кон-

текста употребления. Такие характеристики и рассматриваются как семантические тенденции данной синтаксической позиции. Любая из них может быть активизирована, равно как и «подавлена», при определенном контексте и лексическом выборе. К этому следует добавить, что теоретически не представляется удовлетворительной и сама экспликация семантики языковых выражений, осуществляемая в терминах *таких и подобных* им семантических характеристик, отражающих не более чем удовлетворительную с позиции «чувства грубой реальности» схематизацию действительности, которая только метафорически может быть экстраполирована на менее «грубо» воспринимаемые ее аспекты.

Какой бы сильной ни являлась семантическая тенденция, то, что имеет место, *как правило*, не должно утверждаться в качестве *правила*. Когда какому-либо семантическому признаку придается привилегированный статус составляющей базисного правила (правила базисной структуры), тогда исключаются другие признаки, которые имеют такое же право, а иногда и приоритет во множестве других контекстов. Эта «чувствительность» к специфическому контексту и лексическому выбору недопустима в изложении синтаксических правил или ограничений; она является характерной чертой *семантических свойств* языковых форм. Поэтому, когда мы говорим на определенном естественном языке, мы обязаны подчиниться его фонологическим и синтаксическим правилам, но мы свободны — в рамках такого подчинения — *осуществлять выбор среди множества семантических тенденций*. В этой свободе выбора, а не в каком-либо генеративном механизме базисных правил Хаас видит творческий аспект языка.

С нашей точки зрения, зависимость от контекста — вербального, социального или же физического — играет принципиальную роль при определении осмысленности языковых выражений, взятых сами по себе: «самое бессмысленное» выражение становится вполне осмысленным, когда оно помещается в определенный, «приемлемый» контекст. Важность контекстуальных соображений еще более очевидна, когда речь идет о степени связанности рассуждения, построенного из определенной последовательности языковых выражений, осмысленных *per se*, но *in corpore*, возможно, не образующих осмысленного целого. Адекватность теории, способной — если принять такое допущение в качестве действительного — на приписывание смысловой

структуры только отдельно взятым языковым выражениям, весьма сомнительна.

Ввиду принципиальной важности контекстуальных соображений при определении осмысленности языковых выражений правомерен вопрос: могут ли такие соображения быть введены в некую семантическую теорию естественного языка, например, в виде определенного множества *«постулатов смысла»*, *«правил здравого смысла»* и т. п.? Утвердительный ответ на этот вопрос означал бы по крайней мере, что возможна теория, заключающая в себе всю информацию, какой только располагает человек об окружающей его действительности, — какова она есть, могла или может быть. Иными словами, если такая универсальная теория возможна, то она должна была бы предсказать в качестве осмысленных не только предложения обыденной речи (чем лингвисты часто определяют эмпирический универсум лингвистической семантической теории), но любое выражение естественного языка и любую их последовательность, т. е. она была бы просто тривиальной.

Несовместимость понимания семантической теории как теории «семантики языка», с одной стороны, и как теории, цель которой — теоретическая реконструкция способности носителей языка понимать любое новое его выражение, — с другой, выявляется на уровне рассмотрения предписываемых теорией процедур, лежащих в основе феномена *понимания* языкового выражения, т. е. его *осмысления*. В качестве существенной характеристики таких процедур в современных формальных теориях естественного языка, как правило, полагается рекурсивное соотнесение выражения с некоторым семантическим объектом. Так, согласно интерпретативной концепции семантики, носитель языка знает смысл выражения, если он располагает знанием правил трансформационной-генеративной грамматики языка, соотносящих языковое выражение с определенными семантическими сущностями — *мыслями*, получающими в теории статус теоретических конструкций, а именно *семантических маркеров*. Иными словами, носитель языка понимает, например, предложение «Снег является белым» благодаря тому, что он соотносит с данным предложением мысль о том, что снег является белым.

Согласно референцному подходу, носитель языка знает смысл языкового выражения, если он располагает правилами *определения истины для своего языка*. Например, носитель языка понимает предложение «Снег является бе-

лым» благодаря тому, что он знает, что данное предложение истинно, если и только если снег является белым. В обоих случаях — в отношении носителя языка — такая экспликация представляет собой круг, если соотносимый с языковым выражением объект (мысли или знание истинностных функций соответственно) является *вербальным*. Если же речь идет о соотнесении языковых выражений с невербальным объектом (например, определенными сущностями в интерпретативной концепции) как элементом множества смыслов «семантики языка», аналогичная проблема возникает для такого *менталистского языка*. Вообще, рассуждения о «языке мысли», с нашей точки зрения, представляют собой просто злоупотребление термином «язык» без придания ему какой-либо объяснительной силы: если «язык мысли» не похож на обычный язык, мы вправе спросить, почему его называют «языком». Если же, наоборот, он аналогичен обычному языку, тогда речь идет не об объяснении, а о *перевод с одного неясного на другой, еще менее ясный язык*. Проблема не решается, а просто откладывается.

4. ОСМЫСЛЕННОСТЬ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Проблема перевода, как и проблема контекстуального определения осмысленности языковых выражений, не возникает при предлагаемом нами рассмотрении информации, которой располагает носитель языка в виде определенной концептуальной системы, имеющей, как и образующие ее концепты, определенную историю построения, или порождения, и отражающей определенный познавательный социальный опыт индивида на уровне обыденной практики, квазинаучных, научных, этических, гипотетических и других представлений о мире. В гипотезе смысла как непрерывного невербального конструкта аспект его генезиса, а также значимость контекстуальных соображений, акцентированная выше в качестве аргумента против абсолютизации семантических свойств и отношений языковых выражений, вытекают из предполагаемого этой гипотезой статуса концептуальной системы.

Согласно формулируемому в гипотезе фундаментальному принципу интерпретации, чтобы какой-либо объект (независимо от его природы) интерпретировался в данной концептуальной системе, последняя должна дать значимую

для такой интерпретации структуру концептов, которая сама непрерывно связана, т. е. интерпретируется другими концептами системы. Такая интерпретация объектов в данной системе есть, как указывалось выше, построение в ней информации об определенном (действительном или возможном) мире, некоторой «картины мира». Таким конструируемым в системе концептом может быть и является в процессе усвоения естественного языка как знания определенных грамматических его форм (таких, как системы рода, числа, падежа, глагольных времен, фонологии), так и знания их семантической значимости, иными словами, правил построения, образования выражений языка как необходимого условия правильного (с точки зрения грамматики данного языка) их употребления. Усвоение таких правил — от простых к более сложным — вполне можно рассматривать как усвоение грамматики языка, или системы его синтаксиса (если понимать под последним, как часто принимается в формальных теориях, «грамматику без семантики»).

С теоретической точки зрения это усвоение рекурсивного определения синтаксически правильно построенного выражения данного языка в качестве формализации соответствующей интуиции его носителей. При этом нет необходимости прибегать к гипотезе *врожденной универсальной грамматики*: достаточно предположить у носителей языка способность к осуществлению соответствующих индуктивных обобщений. Врожденной является не универсальная грамматическая теория, а способность индивида с первых дней жизни выборочно реагировать на окружающую среду и различать определенные объекты, явления этой среды и обобщать соответствующие их характеристики. Благодаря этой способности и содержащимся изначально в системе концептам и вырабатывается представление о грамматической структуре или системе естественного языка.

Рассмотрение некоторой грамматики в качестве единственно правильной (равно как формальной структуры языкового выражения в качестве единственно адекватной) не только не выдерживает контраргументов методологического порядка, содержащихся в куайновской теории неопределенности перевода, но и отвергается наличием множества разных, но на уровне слабой генеративной способности эквивалентных грамматик, формализующих понятие синтаксической правильности языкового выражения.

Осмысленность языковых выражений с точки зрения принимаемого нами подхода рассматривается как вопрос о *возможности построения структуры концептов в определенной концептуальной системе*. С позиции принятого нами понимания смысла языковых выражений как информации об определенном положении вещей в действительном или возможном мире это вопрос о возможности построения определенной «картины мира». Такая возможность определяется выполнением условий, накладываемых фундаментальным принципом интерпретации в качестве функции интерпретации концептов, заданной на данном множестве концептов и определенной посредством отношения несоместимости. Таким образом, выражение считается осмысленным для *определенной системы*, если и только если соотносимая с выражением концептуальная структура интерпретируется на множестве ее концептов. В этом случае мы будем говорить, что выражение *понимается* носителем языка как носителем данной системы. Так, если « p » выражение языка L , CS_{Ind} — индивидуальная концептуальная система, c_p — концепт или концептуальная структура, соотносимая с « p », то « p » осмысленно относительно CS_{Ind} , если c_p интерпретируется на множестве концептов CS_{Ind} .

Содержание интерпретации, или ее *качество*, т. е. то, как интерпретируются рассматриваемые объекты, *какой* смысл им приписывается, обуславливает содержание интерпретирующих их концептов как части определенной концептуальной системы. С этой точки зрения вполне естественны качественные различия в интерпретации одних и тех же языковых выражений и вообще любых объектов как предметов интерпретации в определенных концептуальных системах: каков «арсенал» содержащихся в системе концептов, таково и качество интерпретации. Соответственно в той степени, в какой индивидуальная концептуальная система способна строить *новые* концепты, в той и только в той мере она интерпретирует новое, и в этой же мере оно является осмысленным для нее.

Следовательно, «творческие» возможности системы определяются и *границы осмысленного*, т. е. условия познаваемости объектов как условия их осмысления в определенной концептуальной системе. При этом то, что традиционно понимается под осмысленностью выражений естественного языка, не означает, что синтаксическая правильность выражения является необходимым условием его осмысленности: синтаксическая неправильность не необходимо на-

рушает осмысленность языкового выражения. Поэтому свойственные лингвистической практике почти постоянные отклонения от грамматических норм языка терпимы в языковой коммуникации, если только гарантируется сохранение осмысленности языкового выражения.

Ввиду того что осмысленность здесь понимается *как интерпретируемость определенной структурой концептов в данной системе*, выражение, осмысленное относительно некоторой системы и некоторой структуры концептов, может быть бессмысленным относительно другой системы или по отношению к другой структуре концептов той же концептуальной системы. Иными словами, когда интерпретируется некоторый объект, нужна в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации определенная структура концептов, которая непосредственно или опосредованно соотнесена с другими концептами системы. Языковое выражение может получить в концептуальной системе более одной интерпретации, т. е. может интерпретироваться разными концептуальными структурами, различным образом связанными одна с другой, но содержащимися в одной и той же концептуальной системе. Последняя дает адекватную (с точки зрения носителя языка и интерпретационных возможностей его концептуальной системы) интерпретацию при наличии достаточного контекста, определяющего необходимый для интерпретации фрагмент (множество концептов) системы. Таким образом, система может не только дать ряд интерпретаций языкового выражения, но и выбрать адекватную, соответствующую интуиции носителя языка интерпретацию, тем самым в определенной мере разрешая неоднозначность выражения.

Такой подход дает возможность выяснить адекватность концепций, в которых осмысленность языковых выражений рассматривается как *правилосообразное их употребление* в речевом акте. Реализация таких актов возможна исключительно на основе знания условий успешного их осуществления, с нашей точки зрения, на основе знания их смысла, принадлежащего — как любое другое знание — определенной концептуальной системе. Только понимая, что значит утверждать, спрашивать, приказывать, обещать, угрожать и т. д., носитель языка может реализовать тот или иной *иллокуционный* (в терминологии теории речевых актов) потенциал, вернее, придать языковому выражению определенную иллокуционную направленность. Только на

основе такого знания и учитывая контекст употребления языкового выражения (который в равной мере интерпретируется концептуальной системой), носитель языка может распознать намерения других носителей и определить конкретное иллокуционное содержание употребляемых ими языковых выражений. Следовательно, автономно — вне концептуальных систем — анализируемые речевые акты не могут рассматриваться как определяющие смысл соответствующих языковых выражений. Тем более неприемлемой следует полагать попытку сведения проблемы осмысленности языковых выражений вообще к анализу автономно понимаемых речевых актов.

Построение концептуальной системы есть вместе с тем и построение концепта, воплощающего выбор, предпочтение, отдаваемое в данной системе определенному концепту или определенной их структуре в качестве *мнения* носителя языка, — к какому бы аспекту восприятия и познания мира оно ни относилось. «Выделение» определенной структуры концептов из множества других можно рассматривать как выбор определенного осмысленного «текста» (в широком информационном понимании этого термина) из множества других осмысленных (т. е. интерпретируемых в данной концептуальной системе) «текстов» в качестве «принимаемого» индивидом «текста», образующего *ориентационную основу его отношения к миру*, в частности основу его *веридиктного отношения к действительности*. В таком понимании осмысленного мы и видим предпосылку анализа взаимоотношения *осмысленного*, того, что *полагается истинным*, и того, что *является истинным*.

С нашей точки зрения, изменение мнения индивида обоснованно рассматривать как отказ от определенной «выделенной» структуры в пользу другой, в равной мере осмысленной (интерпретируемой в данной системе) структуры, в пользу другого «текста». Множество таких «выделенных» и взаимосвязанных (отношением интерпретации) и связанных с концептуальной системой структур и образует то, что можно назвать «*концептуальной картиной мира*» или «*системой мнений*» (см. следующую главу) носителя языка.

Указание критериев осмысленности языковых выражений, а следовательно, и ее предсказание не могут относиться к области какой-либо теории «семантики языка». Такая теория, если перед нею действительно ставится задача объяснения способности носителей языка понимать

его выражения — как известные, так и новые, должна неизбежно превратиться в утопическую универсальную науку: чтобы приписать осмысленность языковым выражениям, она должна содержать знание обо всем, иначе она рискует давать тривиальные, не менее деструктивные предсказания, вроде «Любое выражение является осмысленным», «Всякое рассуждение является осмысленным» и т. п. В любом случае она не объясняет человеческой способности познать мир и употреблять язык осмысленно.

В свете этих соображений необоснованно говорить как об абсолютной осмысленности языкового выражения, так и об его осмысленности относительно некоторого языка (исключая, естественно, чисто грамматический аспект выражения). Даже рассуждения об осмысленности языкового выражения относительно некоторого его употребления или определенных пропозициональных установок носителей языка (как это имеет место в некоторых логико-семантических концепциях естественного языка) не являются достаточно конструктивными, если они связываются с поиском семантических универсалий как части «семантики языка», а не с поиском универсалий как части строения концептуальных систем носителей языка.

Глава V

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КАРТИНЫ МИРА: МНЕНИЕ И ЗНАНИЕ

1. ОБЪЕКТ МНЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО ВЫДЕЛЕНИЯ

Рассмотрение статуса смысла, отношения языка и мира, осмысленности языковых выражений вводит нас в проблему объяснения смысла, или логической формы, предложений мнения — средоточия и синтеза названных проблем. Мы здесь не будем рассматривать другие пропозициональные установки, выражающие, к примеру, сомнение, надежду, страх, удивление и т. д. носителей языка, полагая достаточным для целей настоящего изложения — а именно для рассмотрения в интересующем нас аспекте связи *мысли, языка и мира* — сосредоточиться на логико-философском анализе предложений мнения, т. е. предложений, в которых выражается мнение носителя языка о тех или иных объектах, явлениях, событиях мира. Под мнением соответственно будем понимать истинную или ложную информацию, которой располагает носитель языка о действительном или возможном мире.

Теоретическая и методологическая значимость рассмотрения проблемы мнения определяется логическими, философскими и лингвистическими соображениями. Поиск адекватной формы предложений мнения, правильно отражающей их логическое «поведение», мотивируется прежде всего необходимостью установления критериев взаимозаменяемости терминов в предложениях мнения, важностью объяснения возможности или невозможности получения тех или иных следствий из предложений, приписывающих определенное мнение определенному носителю языка, необходимостью установления критериев ограничения логического (дедуктивного) всезнания носителей языка. Все

это неотделимо от рассмотрения обоснованности квантификации в контекст мнения и статуса предполагаемых ею интенциональных сущностей — смыслов, пропозиций, возможных миров, возможных объектов. С философской точки зрения это прежде всего вопрос о соотношении *мнения и знания носителей языка, субъективного* (индивидуального) и *объективного* знаний, об отнесенности процесса смыслообразования к процессу познания и понимания мира, о роли естественного языка в построении «картины мира».

В современной лингвистике анализ проблемы мнения служит теоретической базой для обсуждения таких фундаментальных вопросов, как определение синонимии (смыслового тождества) языковых выражений на внутриязыковом и межъязыковом уровне, обоснование разграничения *знания языка* (лингвистического знания) и *знания мира* (внелингвистического или «фактического» знания), *семантики* (как теории смысла) и *прагматики* (как теории употребления) языка. Анализ предложений мнения дает наиболее явный критерий адекватности теории интуиции носителей языка. Поэтому проблема мнения является пробным камнем для любой формальной семантической теории естественного языка. По нашему мнению, это хороший повод для определения статуса «семантики языка» и соответственно выявления соотношения «семантики языка» и концептуальных систем носителей языка.

По поводу значения анализа понятия мнения Рассел писал: «Вся наша интеллектуальная жизнь состоит из мнений (*beliefs*¹) и переходов от мнения к мнению посредством того, что называется рассуждением. Мнения дают знание и заключают в себе заблуждения, они являются носителями истины и лжи. Психология, теория познания и метафизика заняты мнением, а от того, как мы его рассматриваем, зависят в принципиальной степени и наши философские воззрения» (269, с. 231).

В проблематике мнения можно выделить два взаимосвязанных аспекта: первый — это вопрос о *природе объекта мнения*, второй — о *его выделении*, или *спецификации*. Формально мнение представляет собой отношение, состоя-

¹ Трудно найти эквивалент этого термина в русском языке: термин «мнение» выражает нечто более обыденное и менее устойчивое, нежели термин «убеждение», а искомый эквивалент, по-видимому, занимает среднюю позицию между ними.

щее из *субъекта* мнения (индивида, имеющего рассматриваемое мнение) и *объекта* мнения, символически — $B(a, p)$ («*a* думает, что *p*»). В качестве объектов мнения в логике рассматриваются, как правило, либо предложения, либо пропозиции. В лингвистическом плане под предложением понимается некоторый языковой феномен, определенная словесная форма. В контексте анализа мнения с логической точки зрения под ним подразумевают то, что подлежит истинностной оценке и что в таком качестве является тем, относительно чего (и релятивно определенному языку) строится определение истины.

Проблема выделения мнения — это вопрос о том, какие предложения выражают *одно и то же* мнение, иначе говоря, какие изменения — в смысле замены одних выражений другими — возможны в рассматриваемом предложении с точки зрения сохранения *тождества* мнения. Очевидно, при такой постановке этот вопрос можно рассматривать — и это чрезвычайно важно — и как проблему *синонимии*, т. е. смыслового тождества, языковых выражений.

Рассмотрим логическую аргументацию, которой обосновывается тот или иной подход к вопросу индивидуализации мнения, а затем в разделе 6 обобщим изложенное и представим собственный подход к решению данной проблемы.

В качестве средства установления взаимозаменяемости в контексте мнения Карнап в свое время (см. 95) предложил принцип «*интенционального изоморфизма*». Два предложения считаются интенционально изоморфными, если они построены одинаковым образом (имеют ту же синтаксическую структуру) из элементов, которые являются логически эквивалентными. В свою очередь, два предложения считаются логически эквивалентными в семантической системе *S*, если предложение, утверждающее их эквивалентность, является логически истинным, т. е. если рассматриваемая эквивалентность имеет место во всех описаниях состояний в *S*. Два выражения имеют ту же экстенсию в *S*, если они эквивалентны в *S*; два выражения имеют ту же интенсию в *S*, если они логически эквивалентны в *S*. Предложение «*p*» считается *экстенциональным* по отношению к данному вхождению выражения «*q*», если в результате замены «*q*» на эквивалентное ему «*q'*» предложение «*p*» сохраняет свое истинностное значение. Тогда говорят, что «*p*» образует по отношению к «*q*» *экстенциональный контекст*.

Предложение «*p*» считается *интенциональным* по отношению к данному вхождению выражения «*q*», если «*p*» не является экстенциональным по отношению к «*q*» и «*q*» заменимо только на такое выражение «*q*», которое логически эквивалентно ему. Тогда «*p*» образует по отношению к «*q*» *интенциональный контекст*. Так, предложения первопорядковой логики являются экстенциональными, тогда как предложения, построенные с помощью модального оператора необходимости, являются интенциональными. Предложения мнения, по Карнапу, не являются ни экстенциональными, ни интенциональными. Так, если «*q*» является логически истинным (например, «Дождь идет или дождь не идет») и «*q'*», будучи некоторой теоремой логики, тоже является логически истинным, из этого не следует необходимо, что они взаимозаменяемы, например, в контексте «Джон думает, что»: при истинном «Джон думает, что *q*» «Джон думает, что *q'*» может быть ложным, истинность первого не гарантирует истинность второго.

Поэтому в качестве отношения, более сильного, чем логическая эквивалентность, Карнап и предложил рассматривать отношение *интенционального изоморфизма*. Действительность ответа на контраргумент (см. 211), состоящий в том, что, даже если «*q*» и «*q'*» два разных, но интенционально изоморфных предложения, например предложения логики, нет гарантии, что они взаимозаменяемы в контексте мнения, тогда зависит от того, как интерпретируется само это понятие, т. е. от того, что рассматривается в качестве *основания* для приписывания определенного мнения носителю языка. Если рассмотрение — в качестве окончательного основания для приписания мнения — предрасположений носителя языка является не удовлетворительным, тогда, согласно Карнапу, само понятие мнения следует рассматривать как *теоретический конструкт*, по отношению к которому разные факты могут представлять собой только индуктивную поддержку. Тогда сохранение истинностного значения предложения, в котором осуществлена замена одного выражения на другое, интенционально изоморфное первому, попросту постулируется. Если предрасположения носителя естественного языка к принятию определенного предложения рассматривать не в качестве окончательного доказательства, а в качестве индуктивного основания наличия у него определенного мнения, тогда понятие мнения получает статус *теоретического конструкта*.

2. ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ И КВАНТИФИКАЦИИ

Если полагать, что нет других логических эквивалентностей, кроме общезначимых предложений, истинность которых гарантируется их логической структурой в классическом ее понимании, то введение интенсий на основе общего семантического понятия логической эквивалентности, определенного посредством понятия логической истинности, является неоправданным, тем более что понятие логической истинности как истинности во всех возможных состояниях универсума в системе Карнапа в принципе не может быть использовано для определения понятия *аналитичности*, ибо первое работает исключительно с независимыми друг от друга предикатами. (Иначе говоря, в системе Карнапа возможен случай описания состояния, в котором совместно истинны, например, «Джон женат» и «Джон холостяк» и, следовательно, предложение «Ни один холостяк не является женатым» следует квалифицировать, согласно критерию Карнапа, как синтетическое, а не аналитическое предложение¹).

Вместе с тем определение аналитического предложения как такого, которое получается из логически истинного предложения подстановкой синонимичных дескриптивных терминов вместо предикатных констант (как, например, в переходе от предложения «Джон женат или Джон не женат» к «Джон женат или Джон холостяк»), не является удовлетворительным, ибо содержит ссылку на понятие *синонимии*, которое само определяется через понятие *аналитичности*.

Согласно Куайну, нет основания утверждать, что синонимичные или почти синонимичные языковые конструкции являются выражением *определенной сущности*, называемой «*смыслом*» или «*пропозицией*». Достаточно полагать, что такие выражения можно отнести к определенному множеству ввиду их синонимичности, устанавливаемой на *вербально бихевиористской* основе, т. е. *прагматически*. Следовательно, Куайн не возражает против такого *относительного* понятия синонимии и аналитичности, но вместе

¹ Чтобы избежать таких следствий и вместе с тем сохранить возможность характеризовать такие предложения, как «Джон женат или Джон холостяк», как аналитические, Карнап вводит понятие (95) *постулата смысла*: последние просто *утверждают* аналитичность определенных выражений естественного языка.

с тем полагает, что оно не может быть использовано в качестве критерия тождества пропозиций, ибо «пропозиции должны быть тождественными или различными абсолютно; тождество в собственном смысле этого слова не знает никаких градаций» (247, с. 203), а «вопрос относительно условий тождества пропозиций представляет собой скорее не неразрешенную проблему, а ложный идеал» (247, с. 206).

Из утверждения об индуктивной неопределенности предрасположений к согласию с предложением и дедуктивной неопределенности перевода предложения, помещенного в контекст мнения, следует, что анализ предложений мнения может осуществляться без требования «абсолютной прозрачности» мнения, т. е. возможности заменить одни выражения на другие в контексте мнения. Поэтому в анализе Куайна контекст мнения, вернее, образующий этот контекст глагол «думать» интерпретируется как «*референциально прозрачная*» либо «*референциально непрозрачная*» конструкция. В первом случае замена сингулярного термина на коэкстенсивный сингулярный термин в предложении-объекте мнения не влечет изменения истинностного значения предложения мнения. Указанное различие базируется на разграничении «*чисто референциальной*» и «*непрозрачной*» позиции такого термина, а критерием «чисто референциальной» позиции его считается применимость к нему принципа взаимозаменяемости тождественно; формально: $(x)(y)(x=y \rightarrow (Fx \rightarrow Fy))$.

Согласно Куайну, кореференция, следовательно, квантификация неосуществима через «непрозрачную» конструкцию, т. е. нельзя переносить референцию от термина, находящегося вне «непрозрачной» конструкции, на тот же термин или коэкстенсивный ему термин, находящийся в «непрозрачной» конструкции. Если же квантификация через контекст мнения имеет место, это значит, что рассматриваемый контекст мнения является «прозрачным». В «референциально непрозрачном» контексте мы скорее упоминаем языковые выражения, нежели употребляем их. Полагается, что в таком контексте квантификация имеет столько же смысла, сколько вопрос о том, существует ли объект, удовлетворяющий открытому предложению « Fx » (иначе говоря, истинно ли « $\exists xFx$ »), если удовлетворение объекта такому предложению ставится в зависимость не только от него самого, но и от того способа, которым осуществляется указание на него.

Поэтому недействительность таких принципов, как взаимозаменяемость тождественного и экзистенциальное обобщение в модальных контекстах, согласно Куайну, свидетельствует о том, что либо модальные рассуждения являются неререференциальными и потому не допускают квантификации, либо в качестве значений связанных переменных принимаются какие-то необычные сущности. Во всяком случае, с точки зрения Куайна, между квантификацией и модальностью существует конфликт, ведущий — если настаивать на квантификации в таком контексте — к принятию доктрины эссенциализма (см. 244).

Предпринимая логический анализ предложений мнения, Куайн использовал в качестве их предварительных парафраз предложения, содержащие так называемые *интенциональные абстракции* (247). Соответственно глаголы пропозициональных установок рассматривались как относительные термины, предиктируемые по отношению к пропозициям, атрибутам, интенциональным отношениям. Так, предложение «Том думает, что Цицерон разоблачил Катилину» перефразируется в: а) «Том думает [Цицерон разоблачил Катилину]» (здесь квадратные скобки — условный знак интенциональной абстракции), б) «Том думает x [x разоблачил Катилину] о Цицероне», в) «Том думает xy [x разоблачил y] о Цицероне и Катилине». Согласно куайновской методологии непринятия интенциональных сущностей, приведенные парафразы далее переводятся в соответствующие постоянные (т. е. специфицированные относительно места, времени и других контекстуальных факторов) предложения, замкнутые или открытые. А именно: а) «Том полагает-истинным «Цицерон разоблачил Катилину»», б) «Том полагает-истинным « x разоблачил Катилину» о Цицероне», в) «Том полагает-истинным « x разоблачил y » о Цицероне и Катилине».

Глагол пропозициональной установки (в обсуждаемом случае глагол «думать») может рассматриваться не как общий относительный термин, а как часть оператора «думать, что» или «думать [—]» или «полагать-истинным «—»» (где последние выражения являются открытыми), который, отнесенный к предложению, производит сложный абсолютный общий термин. Тогда это предложение становится непосредственным составляющим данного сложного абсолютного термина, а исходное предложение мнения в его непрозрачной интерпретации может быть представлено формой « Fa », где « a » — сингулярный термин, в нашем слу-

чае «Том», «*F*» — сложный предикат. Соответственно «думает» в «Том думает x [x разоблачил Катилину] о Цицероне» становится частью оператора, который, будучи отнесенным к открытому предложению « x разоблачил Катилину» и к переменной « x », порождает относительный общий термин «думает x [x разоблачил Катилину] о». Таким образом, восстановление «референциальной прозрачности» предложения мнения означает, согласно Куайну, вынесение имени или определенной дескрипции индивида *за область действия «думать-оператора»*.

Однако тут кроме оценки адекватности данного подхода как такового (так, одним из нежелательных его следствий является утверждение бесконечного числа одноместных предикатов, базирующихся на «непрозрачных» конструкциях, что делает невозможной спецификацию их истинностных условий) возникает проблема адекватности канонической парафразы *содержанию* мнения. Согласно рассматриваемой парафразе, получается так, что Том думает то, что выражает данное открытое предложение, — а это является ложным (см. 209). Иными словами, если предлог «о» позволяет идентифицировать Цицерона вне области действия оператора «думать», т. е. «прозрачно», по терминологии Куайна, тогда вообще нельзя упоминать Цицерона, раскрывая содержание того, что думает Том. Если же предлог «о» относится к содержанию мнения Тома, тогда мы не располагаем возможностью перехода к «прозрачной» конструкции. Такие следствия анализа, очевидно, не являются удовлетворительными в интуитивном плане: они свидетельствуют о неадекватности рассматриваемого подхода.

3. СИНОНИМИЯ И АНАЛИТИЧНОСТЬ: ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Не куайновский подход, а карнаповская идея интенционального изоморфизма была воспринята в трансформационной-генеративной теории естественного языка при объяснении синонимии выражений. Однако если у Карнапа эта идея только декларировалась, то в теории интерпретативной семантики она получает экспликацию — путем построения определенного формализма — в терминах интерпретируемой глубинной синтаксической структуры языкового выражения. Здесь семантические свойства и от-

ношения языковых выражений (в том числе и рассматриваемое отношение синонимии) устанавливаются исходя из семантического статуса данного выражения и согласно определению этих свойств и отношений, содержащихся в теории. Так, два предложения полагаются *синонимичными*, если им приписывается та же семантическая репрезентация; последнее осуществляется в терминах семантических маркеров лингвистически независимых конструкторов теории. Приписывание той же семантической репрезентации языковым выражениям рассматривается как показатель не только того, что они синонимичны, но и того, почему они являются синонимичными, — именно такого рода информация и представлена формально в семантических репрезентациях.

Соответственно предложение характеризуется как *аналитическое*, если каждый семантический маркер, содержащийся в смысле глубинного предиката, входит в смысл выражений, представляющих пресуппозицию предложения (т. е. в смысл именных групп, в традиционных терминах — в смысл подлежащего или дополнения предложения, в логической терминологии — в смысл аргументов пропозициональной функции), в частности если каждый семантический маркер предиката входит в смысл субъекта.

С точки зрения рассматриваемого подхода аналитические предложения не обязательно являются истинными: имеются в виду случаи, когда пресуппозиция предложения не удовлетворяется (например, «Настоящий король Франции является мужчиной» или «Человек, нарисовавший круглый квадрат, нарисовал круглый квадрат»). «Быть аналитическим», согласно Кацу, — это свойство *логической*, или *семантической*, *структуры* (как она понимается в рассматриваемой теории) предложения, тогда как «быть истинным» является отношением между *предложением и миром* (что *a priori* не входит в область рассмотрения теории).

В силу этого считается, что самое большее, что можно сказать, исходя из лингвистических соображений, — это то, что аналитическое предложение гарантировано от ложности; следовательно, если оно истинно, оно является необходимо истинным. Аналогично контраридикторное предложение рассматривается как гарантированное от истинности; следовательно, если оно является ложным, оно необходимо ложно. Одним из парадоксальных и в этом смысле действительно «нестандартных» следствий такого

подхода является то, что некоторые предложения одновременно могут рассматриваться как *аналитические и контр-адикторные*, если они удовлетворяют определениям этих свойств, но не являются ни истинными, ни ложными (как, например, «Круглый квадрат является круглым») (175, с. 146).

Поскольку смысл языкового выражения определяется в терминах словаря теоретических конструкторов, отношение синонимии утверждается на основе тождества формальной семантической репрезентации независимо от определения аналитичности. Тем самым удается избежать порочного круга, возникающего, когда аналитичность определяется в терминах логической истины и синонимии, а синонимия — в терминах взаимозаменяемости благодаря аналитичности.

В качестве аналога аналитических пропозиций в случае рассуждения в теории интерпретативной семантики рассматривается понятие *семантического следования* как экспликация такого семантического отношения между пропозициями, при котором одна пропозиция следует из другой благодаря не какому-либо закону логики, а тому, что логическая форма пропозиции, представляющей собой заключение рассуждения, является частью логической формы пропозиции, представляющей собой посылку рассуждения. Следовательно, гарантия того, что при этом сохраняется истинностное значение, полагается заключающейся в *самых смысловых отношениях* рассматриваемых языковых выражений. Так, правильность перехода от предложения «Джон является холостяком» к предложению «Джон является мужчиной», представленных в канонической записи логики предикатов в виде форм «*Va*» и «*Ma*», не схватывается данным логическим исчислением. Последнее не содержит средств для различения этого рассуждения и неправильного, вроде «Джон является боксером, следовательно, Джон является хулиганом». Введение же в таком случае постулатов смысла, вроде « $(x) (Bx \rightarrow Mx)$ », для формализации вышеприведенного правильного рассуждения, дающее возможность представить его как переход от «*Va*» и « $(x) (Bx \rightarrow Mx)$ » к «*Ma*», согласно содержащимся в данном исчислении правилам удаления квантора общности и отделеия копсеквента, справедливо полагается совершенно произвольным (175, с. 185). Такая формализация не раскрывает значимой для установления правильности рассуждения логической формы, следовательно, не

дает — из-за отсутствия адекватной теории логической формы — критерия разграничения на данном уровне анализа правильных и неправильных рассуждений.

Вместе с тем, как было показано, введением *постулатов смысла*, например, в теории Монтегю предполагается восстановить исключаемые традиционным пониманием логической формы логически правильные формы рассуждений, осуществляемых естественным языком, и дать экспликацию (интуитивно, но не благодаря традиционному пониманию логической формы) правильным формам рассуждений, выявить вклад соответствующих выражений в истинность содержащих их предложений и таким образом формально представить семантические различия языковых выражений, принадлежащих той же синтаксической категории. При этом каждый новый интуитивно воспринимаемый в качестве правильного тип рассуждения (вывода) дает соответствующий новый постулат смысла. Посредством введения постулатов смысла предполагается определить и понятие аналитичности: предложение определяется как аналитическое относительно определенного его анализа в том случае, когда оно является логическим следствием определенного постулата смысла естественного языка (см. 221).

Согласно такому пониманию, то, что рассуждение воспринимается интуитивно как правильное, есть признак того, что оно в определенном смысле является *необходимым*. Но эта необходимость — с точки зрения того, что традиционно понимается под элементами, конституирующими логическую форму, — не обязательно является *логической* (например, в рассуждении «Это лицо беременно. Значит, это лицо — женщина»). Иначе говоря, постулатам смысла, формулируемым относительно выражений естественного языка, между которыми интуитивно устанавливается определенная семантическая связь, заодно отводит роль определения такого вида, или уровня, общезначимости, которая является менее строгой, чем логическая правильность (общезначимость). Только в этом плане и представляется возможным рассматривать аналогию теории постулатов смысла теории, определяющей понятие логического следования. Однако при всем этом остается без ответа существенный для рассмотрения возможности построения семантической теории естественного языка вопрос: *каково то множество постулатов смысла, которое необходимо для экспликации семантических отношений выраже-*

ний языка, т. е. в чем состоит критерий и грань отнесения той или иной области знания как совокупности постулатов смысла к «семантике языка»?

В интерпретативной теории эмпирическая адекватность приписывания той или иной семантической репрезентации языковому выражению определяется по тому, насколько она эффективна относительно предсказания рассматриваемых семантических свойств и отношений языковых выражений. Эти предсказания, согласно теории, могут быть подтверждены или опровергнуты ссылкой на языковую интуицию носителей языка. Однако, ввиду того что на теории возлагается задача объяснения следствий, которые можно получить из предложений мнения, а сама теория является теорией компетенции, а не языкового исполнения носителей языка (причем понятие языковой компетенции аналогично понятию мнения у Карнапа рассматривается как *теоретический конструкт*), именно ссылкой на теорию и «решается» проблема взаимозаменяемости языковых выражений в предложениях мнения. Иными словами, если, согласно теории, выражения «*p*» и «*q*» синонимичны, т. е. в теории им приписывается одна и та же семантическая репрезентация, то этот факт относится к лингвистической компетенции носителей языка. Тогда как у Карнапа *просто постулируется*, что «Джон думает, что *p*» влечет «Джон думает, что *q*», а данный контекст мнения, если воспользоваться терминологией Куайна, полагается «прозрачным», т. е. допускающим замену одного выражения другим.

Точно так же как при рассмотрении мнения в качестве теоретического конструкта не принимаются во внимание факты, не согласующиеся с общей установкой, выраженной в форме «Если *a* думает, что *p*, то *a* думает, что *q*», когда «*p*» и «*q*» интенционально изоморфны, в интерпретативной теории семантики полагаются иррелевантными факты, противоречащие приведенной схеме, когда «*p*» и «*q*» есть выражения естественного языка. Такая теория рассматривается как *единая для всех носителей языка*, ибо речь идет о теории идеального носителя языка, знание которого определяется системой языка и, следовательно, содержит знание всех имеющих в нем место смысловых отношений. Ссылкой на такую теорию и «решается» в данной концепции проблема взаимозаменяемости языковых выражений — вернее, общих в отличие от сингулярных терминов — в предложении мнения.

Ввиду того что «семантика языка» в понимании Каца исключает любое внелингвистическое знание, собственные имена, естественно, не являются ее частью. В полном согласии с таким пониманием «семантики языка» Кац отстаивает тезис, что собственные имена не имеют смысла в естественном языке (181): выражения, не характеризующиеся семантическими свойствами и отношениями, не могут обладать смыслом. И наоборот. Поскольку собственные имена не имеют смысла в естественном языке, они не вступают в какие бы то ни было семантические отношения, а значит, и в отношение семантического следования. Поэтому они не входят и в словарь семантического компонента естественного языка, содержащий семантическую репрезентацию других лексических форматов этого языка. Контекст мнения полагается «непрозрачным» относительно таких языковых выражений, а замена одного собственного имени на другое в таком контексте считается недопустимой. Тут налицо явное расхождение с интуицией носителей языка.

Так подход, при котором проблема указания языковых выражений рассматривается как несущественная для построения семантической теории естественного языка, приводит к неадекватному решению проблемы взаимозаменяемости собственных имен в контексте мнения — существенного вопроса с точки зрения объяснения связи мысли, языка и реальности, а также экспликации функций естественного языка в построении концептуальной картины мира. Отказ рассматривать в качестве существенного для построения семантической теории отношение языковых выражений к обозначаемым им объектам мира — исключение, согласно такому пониманию «семантики языка», из рассмотрения в подлинном смысле аспекта референции как экстралингвистического снимает вопрос взаимозаменяемости сингулярных терминов в предложении мнения и тем самым предопределяет возможность данной семантической концепции, доказывая тем самым несостоятельность ее претензий на объяснение понимания языка его носителями.

4. ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРЕДЛОЖЕНИЙ МНЕНИЯ: ГЕНЕРАТИВНЫЙ И РЕФЕРЕНТНЫЙ АНАЛИЗ

Экспликация проблемы кореференции сингулярных терминов в тех рамках, которые предусматриваются генеративной теорией семантики, непосредственно относится к

принципиальному постулату этой теории, утверждающему тождество глубинной структуры (в принятом в данной теории понимании) и логической формы предложения естественного языка. Соответственно проблема анализа контекста мнения сводится к рассмотрению возможности утверждения тождества глубинной (базисной) структуры и логической формы предложения мнения. Глубинная структура в данной теории рассматривается как содержащая полную семантическую репрезентацию предложения, а предложение-объект мнения (например, «Смит является шпионом») — как синтаксически вставленное в предложение мнения («Джон думает, что Смит является шпионом»).

Объяснение неприменимости закона взаимозаменяемости тождественного в предложении мнения в теории генеративной семантики (см. 150) осуществляется посредством рассмотрения именных групп (фраз) по аналогии с кванторными выражениями в логическом их понимании, в расселовской традиции анализа неоднозначностей — как имеющих *определенную область действия* в глубинной структуре. Взаимозаменяемость тождественного полагается осуществимой только тогда, когда соответствующие именные фразы рассматриваются как имеющие широкую область действия, и неосуществимой в противном случае. Так, если «Джон думает, что Смит шпион» понимается как — в квазилогической записи — «Джон думает ((Смит x) (x шпион))», рассматриваемый закон неприменим в отличие от понимания «(Смит x) (Джон думает (x шпион))». Исходя из того, что адекватный анализ логической формы предполагает возможность ее характеристики в истинностных терминах, полагается, что отождествление глубинной структуры предложения мнения с его логической формой обеспечивает адекватный его анализ в истинностных терминах. Тогда в качестве объекта мнения рассматривается либо предложение, вставленное в глубинную структуру, либо пропозиция, которую оно выражает. Вставленное предложение и его компоненты рассматриваются как сохраняющие свой обычный смысл: предложение, трактуемое как синтаксически вставленное, одновременно является и семантически вставленным в глубинную структуру предложения мнения.

Таким образом, проблема экспликации предложения мнения в теории генеративной семантики сводится к вопросу приписывания такому предложению разных глубинных структур в качестве их семантической репрезентации,

к указанию разных возможностей его интерпретации, причем одна из таких интерпретаций в отличие от другой не допускает применения закона взаимозаменяемости тождественного. Однако и здесь остается необъясненной фундаментальная проблема, с которой постоянно имеет дело и которую разрешает посетитель языка, а именно применение названного закона в тех случаях, которые теория квалифицирует как «блокированные», т. е. тогда, когда этот закон применяется, с нашей точки зрения, релятивно данной концептуальной системе данного носителя языка. Между тем предпосылка действенности этого закона относительно концептуальных систем носителей языка является необходимой с точки зрения допущения рационального характера этих систем.

В концепциях референтной семантики, использующих идею возможных миров, адекватность экспликации взаимозаменяемости терминов, в том числе сингулярных, определяется статусом, который в них придается *понятию возможного мира* и соответственно *возможного объекта*. В вышепредставленных концепциях референтной семантики, за исключением подхода Хинтикки, постулируется определенный константный, или абсолютный, универсум возможных объектов, являющийся областью значений константных функций как смыслов сингулярных терминов, или, по выражению Хинтикки, «постулируется определенный запас наперед заготовленных индивидов» (156, с. 401). Поскольку в подходе Крипке жесткие десигнаторы подчиняются закону взаимозаменяемости тождественного и гарантируют экзистенциальное обобщение даже в модальных контекстах, то соответствующие их позиции полагаются референциальными («референциально прозрачными») в любых контекстах.

Нетрудно видеть близость такой позиции Крипке к истолкованию семантики указательных местоимений, представленному и в ряде исследований Каплана (172, 173, 174). При построении такой семантики Каплан, следуя ранним работам Рассела, использует понятие *сингулярной пропозиции* (содержащей в качестве своей составляющей конкретный индивид, указываемый логически собственным именем) как объект установки мнения. Рассматриваемый в такой пропозиции индивид полагается *данным непосредственно*, а не в качестве такого-то или другого, не в качестве референта соотносимого с этим объектом центра.

Так, объект предложения мнения «Берт думает, что Расселу девяносто лет» полагается сингулярной пропозицией, представленной структурой [Рассел, «девяносто лет»], где первый компонент пропозиции — индивид, а не индивидуальный концепт как смысл имени «Рассел», а второй компонент — свойство. Согласно Каплану, эту сингулярную пропозицию выражает любое из следующих предложений: а) «Этому человеку (указывая на Рассела в его обычном облике) девяносто лет», б) «Этому человеку (указывая на Рассела в облике Чарли Чаплина) девяносто лет», в) «Бертрасселу девяносто лет». Таким образом, каким бы ни был концепт, соотносимый с рассматриваемым в предложении мнения индивидом, т. е. как бы он ни был представлен субъекту мнения, объект мнения полагается сингулярной (*de re*) пропозицией.

Более утонченный и более адекватный с интуитивной точки зрения подход, возрождающий феноменологическую-психологическую традицию анализа ситуаций восприятия, формулирует Д. Смит (285, 286), отталкиваясь от анализа Каплана и при этом различая: 1) *объект мыслительного акта* или пропозициональной установки и 2) *содержание мыслительного акта* или пропозициональной установки. Первое есть то, на что направлен акт или установка, т. е. определенное — действительное или возможное — состояние дел. Оно соответствует расселовскому-каплановскому пониманию «пропозиции». Второе есть то, что является определенной феноменологической-психологической формой акта или установки как способ представления рассматриваемого в акте или установке объекта. Это — *мысль*, или мыслительная структура, олицетворяющая форму акта или установки. Так, именно содержание — а не объекты мнения — является тем, что выражается в качестве смысла предложения.

Пусть таким произносимым мною предложением является «Он (тот, который стоит в тени по ту сторону улицы) является шпионом». Тогда объектом осуществляемого посредством этого предложения суждения выступает сингулярная пропозиция, состоящая из рассматриваемого индивида, характеризуемого свойством «быть шпионом». Однако содержание моего суждения составляет феноменологическая структура, состоящая из определенного «демонстративно индивидуализируемого смысла», олицетворяющего форму моего восприятия и общий концепт (в отличие от свойства) «быть шпионом». Иначе говоря, со-

держание моего суждения есть *мысль* об определенном индивиде, обладающем определенным свойством, что, конечно, нетождественно *индивиду*, обладающему рассматриваемым свойством. Поэтому различные суждения могут разделять *тождественное содержание*, но иметь *различные объекты*.

Конечно, и при таком подходе рассмотрение пропозиций (в понимании Каплана) как объектов мнения есть дань объективизированной «семантике языка». Однако выделение особого аспекта содержания акта или установки (хотя и рассматриваемого как то, что может быть общим для разных носителей языка) уже есть шаг в конструктивном направлении. Такого нет в семантике Каплана. Проблема взаимозаменимости кореференциальных терминов в этой семантике, как и в семантике Крипке, не возникает. Если же говорить о решении этой проблемы относительно естественного языка, то такое решение может считаться адекватным лишь для объективистски понимаемой абсолютизированной «семантики языка», соответствующей понятию идеального носителя языка, «знающего» подлинных референтов сингулярных терминов.

Подобно этому в семантике Монтегю сингулярные термины являются «логически определенными» соответственно рассматриваемой интерпретации: их экстенсии представляются как *инвариантные* относительно возможных миров и контекстов их употребления, как независимые от пропозициональных установок, в частности установки мнения носителей языка. Таким образом, если в семантических теориях естественного языка, развиваемых в рамках трансформационно-генеративного анализа, в качестве заданного, единого и в этом смысле абсолютного для всех носителей языка постулируется универсум смыслов, то в имеющихся здесь в виду референтных теориях статус единого, абсолютного множества получает множество референтов сингулярных терминов.

Аналогично тому, как в первом случае не возникает проблемы установления *смыслового тождества общих терминов* естественного языка (впрочем, такой проблемы не возникает и в референтной концепции Льюиса, где в качестве необходимого условия тождества смыслов, или синонимии, рассматривается тождество интенсий — составляющих терминальной цепочки базисной структуры), во втором случае не возникает проблемы установления *тождества объектов*, обозначаемых определенными сингулярными

терминами естественного языка. Здесь просто постулируется, что одни и те же объекты являются референтами соответствующих сингулярных терминов в каждом возможном мире. Принятие абсолютной «семантики языка» — то ли в плане «чистых» смыслов, приписываемых выражениям естественного языка, то ли в плане обозначаемых ими объектов — делает проблему взаимозаменяемости языковых выражений в контексте мнения непроблематичной. Она «решается» в одном случае (исключительно в отношении общих терминов) ссылкой на компетенцию лингвистически всезнающего носителя языка, а в другом случае — ссылкой на заданность абсолютного, независимого от мнения его носителей универсума объектов, соотносимого с «семантикой языка».

Следствием последнего подхода является то, что любой объект, принадлежащий любому миру, связывается трансмировой линией с определенным объектом из любого другого мира: любой объект является вполне определенным во всех этих мирах. Поэтому при рассмотрении понятия логического следования Монтегю предпочитает квалифицировать предложения вроде «Джон думает, что p » и «Джон думает, что q » как логически эквивалентные, если « p » и « q » однозначны и логически эквивалентны, т. е. если они истинны во всех возможных мирах, следовательно, выражают одну и ту же пропозицию и потому взаимозаменяемы по истинностному значению во всех контекстах их употребления (221). В такой модели, как показал Хинтиikka (159), должны полагаться всегда истинными утверждения вроде «Джон знает в отношении каждого существующего индивида, кто он такой» (формально: $(x)((\exists y)(x=y) \rightarrow (\exists y)(y=x \& (\exists z)(\text{Билл знает о каждом индивиде, который известен Джону, кто он такой})))$ (в интерпретации *de re*, т. е. когда речь идет о знании определенного конкретного индивида). Такое истолкование, однако, в большинстве случаев интуитивно явно неприемлемо.

Следует отметить, что Монтегю вообще не отбрасывает возможности альтернативных подходов, состоящих в такой модификации семантической теории, при которой она не имплицитно предполагает необходимости принятия любых логических следствий мнения. Однако такие модификации ведут, как в рассмотренном выше генеративном анализе, просто к «блокированию» нежелательных импликаций, а в итоге — к другой крайности: к рассмотрению контекста мнения

как порождающего «непрозрачность» подконтекстных конструкций ввиду приписываемого им особого интенционального статуса. Так, разрабатывая в терминах современного интенционального анализа классическую идею Фреге о том, что находящиеся в контексте мнения сингулярные термины в качестве своих референтов имеют смысл, а не — как обычно — объект, который им задается, Монтегю (219) рассматривает выражение «что», вводящее предложение-объект мнения, как оператор, образующий имена интенсифицированных выражений, содержащихся в подконтекстной части. Альтернативно индивидуальные выражения рассматриваются как обозначающие соответствующие индивидуальные концепты или свойства свойств индивидуальных концептов (223). Такие модификации, однако, не могут дать критериев допустимых или недопустимых — согласно интуиции носителей языка — трансформаций предложений мнения и поэтому не могут служить объяснительной моделью их логического «поведения».

Таким образом, одна из наиболее сложных проблем анализа — проблема отождествления объектов, с которой постоянно имеет дело носитель языка в процессе концептуального овладения миром и коммуникации, в частности в случае установления связанности рассуждения о тех или иных, реальных или возможных, объектах, проблема, которая должна получить адекватную экспликацию в теории, моделирующей языковую интуицию носителя языка, — не решается, а просто обходится. Сохраняется формальная элегантность модели, но не ее адекватность.

Такое релятивизированное относительно пропозициональных установок носителей языка понимание возможных объектов и миров как изначально заданного множества делает весомой критику Куайном использования понятий возможных миров и индивидов в квантифицированном контексте, другими словами, критику квантификации логических модальностей. Релятивизация этих понятий означает, что должны рассматриваться не вообще альтернативные возможные миры, а альтернативные относительно пропозициональных установок определенного носителя языка (в отличие от случая логической необходимости и возможности, когда все миры рассматриваются — с точки зрения альтернативности — как одинаково равноправные). Поэтому и изучение понятия мнения с философской точки зрения считается наиболее важным использованием отношения альтернативности (см. 160, с. 76—101).

5. КОНТЕКСТ МНЕНИЯ И РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ИНТЕНСИОНАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Релятивизация, о которой идет речь, состоит, согласно Хинтикке (см. 156), в том, что, во-первых, приписывание любой пропозициональной установке носителю языка означает разделение всех возможных миров (которые можно различить с помощью тех языковых средств, которые используются для этого приписывания) на два множества: тех, которые *совместимы с рассматриваемой установкой* носителя языка, и тех, которые *несовместимы с нею*. Таким образом, миры, альтернативные миру W относительно определенного носителя языка, рассматриваются как миры, совместимые со всем тем, что данный носитель думает в мире W . Следовательно, знать, что он думает, например, в действительном мире, — значит знать, какие возможные положения, или ходы событий, исключаются его мнениями, а какие совместимы с ними.

Во-вторых, сам индивид здесь рассматривается как то, что находится в одно-однозначном соответствии с определенной мировой линией, проходящей через ряд возможных миров и осуществляющей функцию перекрестного отождествления индивида. Последнее равносильно рассмотрению мировой линии в качестве некоторой индивидулирующей функции, выбирающей из ряда возможных миров определенный член соответствующего универсума как «олицетворение», или проекцию, этого индивида в данном возможном мире. Эти функции могут быть частичными: определенный объект, существующий в одном мире, может не существовать в другом. Так, если индивидулирующая функция не имеет значения в действительном мире, мировая линия представляет собой только возможный индивид.

Существенной здесь является установка, что множество индивидулирующих функций не является раз и навсегда заданным, а рассматривается по отношению к некоторому множеству возможных миров. Иначе говоря, мировые линии полагаются функционально зависимыми от тех возможных миров, которые они связывают. Продолжение их на другое множество возможных миров может быть неосуществимо, так как они проводятся на основе сходства между мирами и закономерностями, характеризующими каждый из них, что может не обнаружиться в случае рассмотрения более широкого множества возможных миров.

Так, в случае логических модальностей логически возможные миры могут не обнаруживать никакого сходства между собой. Проведение мировых линий по таким критериям, как континуальность и сходство, в таком случае становится невозможным. Вместе с тем разница между тем, что является логически возможным миром, и тем, что носитель языка полагает возможным, очевидна при рассмотрении установки мнения относительно логической эквивалентности. Так, хотя « p » и « q » могут быть логически эквивалентными, т. е. допускаемые или, наоборот, исключаемые ими возможности относительно действительного мира одни и те же, но предложения « a думает, что p » и « a думает, что q » могут быть неэквивалентными.

Релятивизированные относительно определенного множества возможных миров индивидулирующие функции, а не «индивидуальные концепты» абсолютной референтной семантики и представляют собой те сущности, по которым, согласно Хинтикке, осуществляется квантификация в случае пропозициональных установок. Именно в свете понимания релятивности индивидулирующих функций получают определенное объяснение трудности, сопряженные с использованием классического принципа взаимозаменяемости тождественного в контексте пропозициональной установки. Так, два сингулярных термина « a » и « b » могут указывать на один и тот же индивид в действительном мире (формально: $f(\langle a \rangle, w_0) = f(\langle b \rangle, w_0)$), где f — индивидулирующая функция, w_0 — действительный мир. Но эти же термины могут не указывать на тот же индивид в некотором альтернативном возможном мире (т. е. может иметь место $f(\langle a \rangle, w_1) \neq f(\langle b \rangle, w_1)$), где w_1 является одним из альтернативных миров по отношению к w_0 и с точки зрения пропозициональной установки определенного носителя языка.

Возможность утверждения такого тождества, а следовательно, взаимозаменяемости соответствующих сингулярных терминов в контексте пропозициональной установки определяется не их жесткостью, как в семантике Крипке, и не абсолютной константностью соответствующей индивидуальной функции, как в семантике Монтегю, а знанием того, что имеет место в альтернативных по отношению к действительному и с точки зрения определенной пропозициональной установки определенных носителя языка мирах. (Так, возможность перехода от утверждения «Ионас думает, что его сосед дома» — при *de re* интерпретации дескрипции «его сосед» — к «Ионас думает, что отец Пят-

раса дома» обуславливается истинностью не утверждения «Сосед Ионаса является отцом Пятраса», а утверждения «Ионас думает, что его сосед является отцом Пятраса».) Стало быть, применение закона взаимозаменяемости тождественного в контексте мнения требует использования дополнительной посылки, относящейся, с нашей точки зрения, к концептуальной системе носителя языка.

Отсюда следует и методологически важный вывод по отношению к теориям естественного языка, прибегающим к использованию понятия глубинной структуры. А именно, если говорить о глубинной структуре предложения мнения и возможности осуществления в нем замены сингулярного термина, то глубинная структура должна рассматриваться *релятивно знанию носителя языка*: понятие *универсальной* глубинной структуры в таких случаях теряет смысл. Подобно выводу, полученному при рассмотрении «поведения» сингулярного термина как зависящего от контекста, в котором употребляется такой термин, можно заключить, что анализ возможностей взаимозаменяемости сингулярного термина в контексте мнения требует пересмотра принятого в абсолютных концепциях «семантики языка» фрегевского понимания смысла предложения как функции смысла его составляющих. Поэтому тождество смыслов сингулярных терминов (в подходе Фреге — Карнапа) или интенсий индивидуальных выражений в концепциях референтной семантики не может рассматриваться в качестве необходимого условия осуществления взаимозаменяемости сингулярных терминов, если такое тождество трактуется абсолютно, т. е. как означающее — в терминах функционального подхода к смыслу и семантике возможных миров, — что функции, выбирающие референтов соответствующих сингулярных терминов, т. е. функции от возможных миров к членам соответствующих им областей объектов, совпадают во всем множестве возможных миров.

Истинность « a думает, что $b=c$ » в мире W , согласно теории Хинтикки, требует всего лишь, чтобы такие функции совпали на существенно более узком множестве альтернатив мира W . Функции, ассоциируемые с соответствующими терминами, должны совпадать в тех возможных мирах, которые рассматриваются в предложении мнения. Таким образом, речь идет не вообще и не просто о тождестве смыслов соответствующих сингулярных терминов, а о рассмотрении функций, ограниченных релевантным множеством аргументов, т. е. заданных на определенном под-

множестве всех возможных миров, а именно миров, совместимых со всем тем, что думает носитель языка. Следовательно, индивидулирующие функции Хинтикки являются подмножеством множества всех индивидуальных концептов.

Как формулировка условий истинности предложений, содержащих пропозициональные установки, так и рассмотрение смысла сингулярных терминов предполагают в подходе Хинтикки, как, впрочем, и в других принимающих интенциональные сущности подходах, квантификацию над множеством возможных миров и индивидулирующих функций. Основная роль этих функций — дать сущности, над которыми в модальном контексте «пробегают» квантифицированные переменные, т. е. когда осуществляется квантификация через модальный контекст. Однако, исходя из концепции Хинтикки, применение в таком случае критерия Куайна о том, что квантификация над определенными объектами означает их онтологическое принятие, следует рассматривать не в терминах онтологического, а *идеологического* принятия возможных миров и индивидулирующих функций: разговор об онтологических допущениях имеет смысл тогда, когда речь идет о квантификации над объектами, принадлежащими к одному и тому же миру.

Таким образом, утверждается необходимость проведения различия не между двумя видами объектов, составляющих универсум, а между определенными объектами референции, с одной стороны, и определенными аспектами нашего референциального аппарата, посредством которого осуществляется указание на эти объекты, — с другой. Поэтому индивидулирующие функции не рассматриваются в качестве членов какого-либо возможного мира, им приписывается не только функция задания объекта, но и функция его индивидуации. Когда же некоторый сингулярный термин указывает на определенный объект, в понимании Хинтикки возможны случаи как индивидуации без референции (в действительном мире), так и референции без индивидуации, формально: $(\exists x)B_a(x=b) \& \sim (\exists x)(x=b)$ и $(\exists x)(x=b) \& \sim (\exists x)B_a(x=b)$ (153, с. 106). Допустимость существования «возможных миров» и индивидулирующих функций, таким образом, означает не то, что они являются определенными естественными сущностями, а то, что они являются *концептуальными средствами, используемыми носителями языка в процессе познания мира и взаимодействия с ним*.

При таком подходе квантификации над мировыми линиями придается нормальный, по выражению Куайна, *объектуальный* (250, с. 63—67), смысл, при котором рассматриваются обычные сингулярные термины, указывающие ординарным образом на обычные сущности. Единственным новшеством этого подхода является рассмотрение этих сущностей в качестве членов нескольких возможных ситуаций, или ходов событий. Хинтикка говорит об этом так: «Допустим, мы пытаемся осуществить квантификацию только над реально существующими индивидами. Но в соответствующем модальном или эпистемическом контексте неизбежно приходится рассматривать эти конкретные индивиды и как населяющие определенные альтернативные миры. В результате мы имеем то же, когда квантифицируем куски мировых линий, которые простираются над этими альтернативными и действительным миром. И наоборот, допустим, мы начинаем с квантификации некоторых мировых линий. Предположим далее, что нам приходится их рассматривать только в таком контексте, в котором значимы лишь их точки референции в действительном мире, т. е. в контексте, в котором не возникает вопроса перекрестного отождествления. В результате мы имеем дело с обычной традиционной квантификацией над реально существующими индивидами» (160, с. 124).

Вообще следует отметить, что сложность рассматриваемого вопроса требует дальнейшего поиска адекватного его анализа, особенно в связи с рассмотрением онтологических проблем принятия разных методов прослеживания индивидов через возможные миры (см. 72, 73). Это, однако, не умаляет позитивной роли данной концепции в интересующем нас аспекте, а именно с точки зрения рассмотрения взаимоотношения языка и концептуальной системы.

Хотя Хинтикка отмечает, что множество индивидулирующих функций не является раз и навсегда данным, что мировые линии индивидов определяются не какими-то абсолютными законами логики, а самими носителями языка, проведение мировых линий, считает он, осуществляется «не каждым индивидом в отдельности, а посредством молчаливого коллективного решения, заключенного в грамматике и семантике нашего языка» (160, с. 209). Эти мировые линии «имеют место благодаря нашим (т. е. языкового сообщества) конститутивным решениям» (160, с. 210), они «закодированы в концептуальных правилах всего языкового общества» (160, с. 91). С нашей точки зрения, един-

ственно возможное истолкование этих соображений, спасающее от неизбежного впадения в противоречие (в силу утверждения, с одной стороны, релятивности индивидулирующих функций, а с другой — «семантики языка» как воплощающей «коллективные решения» языкового общества), требует существенного изменения в самом понимании «семантики языка». Последняя тогда должна рассматриваться как входящая в индивидуальные концептуальные системы, а не как некая автономная сущность, воплощающая безгласные конвенции языкового общества.

Релятивизация семантики мнения относительно носителей языка, если она осуществляется вне систематического рассмотрения структур концептуальных систем как информации, которой носитель языка располагает о мире, ведет к абсолютизации требования совместимости мнений носителя языка и к вытекающим отсюда методологически неприемлемым следствиям. Вместе с тем такая «половинчатая» релятивизация делает неопределенным понимание самих объектов мнения как семантических объектов. Она ведет к противопоставлению *семантических* (лингвистически детерминированных) и *прагматических* (относящихся к информации, которой располагает носитель языка о мире) аспектов проблематики мнения, «*семантической*» и «*несемантической*» (прагматической) информации, «*объективных*» и «*субъективных*» смыслов, пропозиций и т. д. Вторые, как правило, рассматриваются как не подлежащие логическому описанию.

Так, Э. Сааринен (52) (исходя из предложенного Хинтиккой разграничения двух методов перекрестного отождествления объектов — дескриптивного и перцептуального) полагает, что пропозициональные установки, в частности установка мнения, не имеют определенной семантики в смысле условий истинности. Атрибуция такой установки носителю языка считается делом *прагматики*, а не *семантики*. Хотя полагается, что проблема отождествления объектов является подлинной эпистемической проблемой, тем не менее выражается сомнение в семантической значимости этой проблемы. Аргументация Сааринена строится на обсуждении вышеприведенного предложения мнения «Берт думает, что Расселу девяносто лет» (или в более четко выявляющей квантификацию в контекст мнения форме «Про Рассела Берт думает, что ему девяносто лет»). В качестве эмпирической предпосылки полагается, что Берт знает многое о Расселе, в том числе его биографию, но он

никогда его не видел и потому, встретившись с ним, не узнает его; он думает, что этому (встретившемуся ему) человеку не может быть девяносто лет. Поэтому — что согласуется с интуицией — данное предложение полагается неоднозначным, т. е. в одной его интерпретации, или прочтении, истинным, а в другой — ложным.

Ввиду предложенного Хинтиккой разграничения двух методов перекрестного отождествления объектов эти интерпретации получают следующие формализованные представления: $A) (Ex) (x = \text{Рассел} \ \& \ B) (x \text{ девяносто лет})$ и $B) (\exists x) (x = \text{Рассел} \ \& \ B) (x \text{ девяносто лет})$, где « Ex » — квантор, отвечающий дескриптивному способу отождествления, а « $\exists x$ » — квантор перцептуального отождествления. В рассматриваемой ситуации (A) является истинным, а (B) — ложным. Эти два прочтения, с точки зрения Сааринена, представляют собой *собственно-прочтения* рассматриваемого предложения. Вернее, они репрезентируют два способа прочтения предложения, каждый из которых охватывает бесконечное множество «псевдопрочтений» предложения мнения, зависящих от контекста (или порождаемых контекстом) его употребления, от того множества конкретных способов, которыми может осуществляться указание на объект. Собственно-прочтения предложения S представляют собой те различные способы понимания S , которые должны быть усвоены всеми компетентными носителями языка, или все те различные способы интерпретации S , которые должны быть приписаны S адекватной семантической теорией естественного языка.

Псевдопрочтения S представляют собой все те различные понимания S , которые интуитивно различаются по истинностному значению (по крайней мере в некоторых контекстах). Согласно подходу Сааринена, являющемуся своего рода компромиссом между подходом Крипке (а также Каплана и других) и Хинтикки, нет противоречия в утверждении, что, например, предложения «Этому человеку (указывая на Рассела в его обычном облачении) девяносто лет» и «Этому человеку (указывая на Рассела в обличье Чарли Чаплина) девяносто лет» являются семантически неразличимыми¹, хотя они не являются таковыми прагматически, т. е. когда они помещаются в определенный контекст мнения, как в «Берт думает, что этому че-

ловеку (указывая на Рассела в обличье Чарли Чаплина) девяносто лет».

Разница между последними двумя предложениями, с этой точки зрения, должна быть описана в *прагматических* терминах, а это не имеет никакого отношения к *семантике* предложений-объектов мнения. Аналогичным образом рассматривается и случай взаимозаменяемости общих терминов: считается, что, например, предложения «Сэлли является доктором» и «Сэлли является врачом» синонимичны, хотя допускается, что предложения «Билл думает, что Сэлли является доктором» и «Билл думает, что Сэлли является врачом» могут различаться по истинностному значению. Наконец, даже относительно простейших логических выводов, например, если « q » следует из « p », полагается, что понятие логического вывода неприменимо к паре предложений «Берт думает, что p » и «Берт думает, что q », так как такой вывод не основывается на синтаксической (или логической) форме этих предложений. Такой вывод не осуществляется на основе того, что, когда одно предложение является истинным, таковым является и другое. Этого может не быть, ибо индивид может думать, что p , и не думать, что q . С этой точки зрения предложение, имеющее форму « a думает, что p », не имеет собственной логики, множество логических следствий таких предложений не является определенным.

Прагматическую различимость предложений мнения (при утверждаемой семантической неразличимости соответствующих предложений-объектов мнения) предлагается описывать в терминах «информационного содержания» предложения. Так, «информационное содержание» предложения «Это финн» сводится к тому, что человек, оказавшийся в поле нашего восприятия как обладающий определенными перцептивными характеристиками, является финном. Различие установок мнения сводится к различию «информационных содержаний» соответствующих предложений мнения. Поэтому построение теории «информационного содержания» установки мнения считается важным для объяснения квантификации в контексте мнения, для построения теории понимания языковых выражений. В таком разграничении *лингвистически детерминированных* и *прагматических* аспектов семантики языковых конструкций нельзя не видеть аналогии проводимой Кацем дихотомии *языковой компетенции* и *исполнения*, соответственно *семантической* и *несемантической* информации.

¹ В терминологии Каплана (174) они выражают одну и ту же «сингулярную пропозицию».

В более широком плане абсолютизация такого разграничения является следствием рассмотрения семантических свойств и отношений языковых выражений вне их систематических связей с определенными концептуальными системами, в которых и только в которых они могут получить и получают ту или иную интерпретацию. И наоборот, их абстрагирование от этих систем делает несовместимыми или по крайней мере не имеющими отношения один к другому различные (хотя в концептуальной системе взаимосвязанные) аспекты понимания языковых выражений. Поэтому для обсуждаемых подходов вопрос построения логической теории предложений мнения остается *открытым*, т. е. либо он решается тривиально на уровне интенционалистски или референтно понимаемой «семантики языка» (что, как было показано, означает не решение, а обход подлинной проблемы), либо указывается принципиальная его неразрешимость на уровне рассмотрения идиосинкразий употребления естественного языка, не подлежащих систематизации, адекватному логическому описанию. Ни ту ни другую точку зрения нельзя считать удовлетворительной.

6. МНЕНИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Анализ проблемы мнения, когда он проводится на уровне интенционалистски или референтно понимаемой «семантики языка», не является, как было показано выше, удовлетворительным ни с точки зрения описательной, ни с точки зрения объяснительной. Между тем логический аспект этой проблемы (заключающийся в установлении критериев взаимозаменяемости выражений, в получении возможных логических следствий из предложения, выражающего мнение носителя языка) ведет к рассмотрению важной *гносеологической* проблематики соотношения *субъективного* и *объективного* в познании, *мнения* и *знания* и перехода от одного к другому. Вместе с тем вне гносеологически удовлетворительного подхода к этой проблеме невозможным оказывается и логическое ее решение.

Поэтому, нам кажется, не *случаен* тот факт, что рассмотренные выше семантические теории не дают адекватного решения этой проблемы. Как показывает анализ, они просто *не могут* дать такого решения, ибо являются по существу теориями «семантики языка», неспособными —

в силу своих принципиальных методологических установок — охватить важный для адекватного анализа этой проблемы фактор концептуальной системы носителя языка, отражающий познавательный опыт человека во всем его богатстве и разнообразии.

Ввиду того что к анализу проблемы мнения предъявляются требования гносеологической и логической адекватности, в последующем изложении мы постараемся в возможной мере удовлетворить оба этих требования, что определенно отразится и на форме изложения.

Предпосылкой предлагаемого нами подхода к анализу проблемы мнения является не противопоставление «семантики языка» и знания носителей языка о мире как того, что соответственно подлежит и не подлежит систематическому описанию, и не сведение мнения к какому-либо теоретическому конструкту, а *поиск теоретически и методологически обоснованного их синтеза*, способствующего конструктивному решению этой проблемы. В качестве основы такого синтеза мы будем рассматривать структуру концептуальных систем носителей языка. Иначе говоря, мы будем исходить из того, что «семантика языка» и представления носителей языка о мире (относимые к прагматике языка) *суть абстракции определенных аспектов концептуальных систем, абсолютизация которых и порождает трудности анализа проблемы мнения.*

При построении адекватного понимания структуры мнения будем исходить из того, что сама семантика предложений мнения, вернее, тех их частей, которые выражают установку мнения, свидетельствует об имманентной связи этих предложений с определенными концептуальными системами, а контекст мнения — о принадлежности предложений-объектов мнения данным системам. Последнее обстоятельство послужит основой для построения аргументации о том, что любое утверждение о мире предполагает определенный контекст мнения. Это должно показать важность анализа контекста мнения и необходимость учета концептуальной системы при адекватном логическом анализе самой установки мнения, а тем самым при рассмотрении любых утверждений о мире.

Под концептуальной системой, как указывалось выше, мы понимаем систему концептов, представляющих собой — в содержательном смысле — информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид-носитель такой системы о действительном или возможном положении ве-

щей в мире (то, что он думает, знает, предполагает, воображает и т. д. об объектах мира в возможно широком понимании термина «объект»). В более строгом смысле концепт может рассматриваться как интенциональная функция от возможного мира к его объектам. Построение концептуальной системы есть, как уже отмечалось, вместе с тем и построение концепта-функции, воплощающей выбор, предпочтение, отдаваемые в данной системе определенному концепту или определенной концептуальной структуре в качестве *мнения* носителя языка — к какому бы аспекту восприятия и познания мира оно ни относилось. Множество таких выделенных взаимосвязанных и связанных отношением интерпретаций со всей концептуальной системой структур и образует «систему мнений», или «концептуальную картину мира» носителя языка.

Таким образом, если во множестве концептов C_{Ind} , образующих концептуальную систему CS_{Ind} , выделить такое его подмножество C^*_{Ind} , которое представляет собой множество концептов или концептуальных структур, связанных отношением интерпретации с другими концептами и концептуальными структурами C_{Ind} и представляющих собой информацию Inf^*_{Ind} , которую носитель CS_{Ind} полагает истинной относительно данного мира W , то такая информация и образует *индивидуальную систему мнений* (формально: $CS^*_{Ind} = \{Inf_{Ind} | Inf_{Ind} \subset C_{Ind} \& HT(Ind, Inf^*_{Ind})\}$, где HT — оператор «полагать истинным», Ind — индивид). Тогда если « p » — выражение языка, c_p — концепт или концептуальная структура, соотносимые с « p », то $HT(Ind, c_p)$, если и только если $c_p \in C^*_{Ind}$, т. е. если и только если рассматриваемый концепт принадлежит множеству концептов, образующих систему мнений CS^*_{Ind} носителя языка.

Сказанное дает основание рассматривать $HT(Ind, c_p)$ в качестве *концептуальной формы* предложений мнения как аналога того, что называют «логической формой» предложений мнения $B(Ind, p)$, где B — оператор «думать». Соотнесение $HT(Ind, c_p)$ и $B(Ind, p)$ дает возможность определить предикат «думать» через предикат «полагать истинным», т. е. построить определение (D_1):

$$HT(Ind, c_p) \stackrel{\text{def}}{=} B(Ind, p) \text{ — и в этом смысле утверждать, что } B(Ind, p), \text{ если и только если } p \in CS^*_{Ind}, \text{ т. е. быть объектом мнения носителя языка — значит принадлежать определенной концептуальной системе } CS^*_{Ind}, \text{ и наоборот}$$

(здесь под $p \in CS^*_{Ind}$ имеется в виду $c_p \in CS^*_{Ind}$, т. е. определенный концепт, соотносимый с « p » и принадлежащий CS^*_{Ind}). Тем самым обосновывается тезис о том, что *любые утверждения о мире предполагают определенный контекст мнения* и в этом смысле носят существенно интенциональный характер, что в свою очередь предполагает рассмотрение степени этой интенциональности — от *мнения* до *знания* носителя концептуальной системы.

Для определения истинностных условий предложений мнения можно использовать хинтикковского типа модель, содержащую возможные миры и отношение альтернативности между ними. В терминах принимаемой при рассмотрении CS_{Ind} релятивизированной относительно пропозициональных установок носителя языка семантики возможных миров можно предложить следующее определение истинности (D_2): $B(Ind, p)$ истинно в возможном мире w , если и только если « p » истинно во всех возможных мирах w_i , связанных с миром w релевантным отношением альтернативности R_B . Здесь под R_B понимается отношение, связывающее данный возможный мир w с теми возможными мирами w_i , которые совместимы с тем, что думает Ind в мире w . Интуитивный смысл такого определения сводится к следующему: я знаю, что думает индивид, если и только если я могу отличить те возможные миры, которые совместимы с тем, что он думает, от тех миров, которые несовместимы с тем, что он думает.

Исходя из определения истинности для $B(Ind, p)$ как базисной формы предложений мнения, можно построить соответствующие определения истинности и для других форм предложений мнения. Так, $B(Ind, p) \rightarrow B(Ind, q)$ истинно в возможном мире w , если и только если миры, совместимые с « p » как объектом мнения Ind в мире w , являются мирами, совместимыми с « q » как объектом мнения Ind в мире w . $\sim B(a, p)$, согласно предлагаемой интерпретации, означает, что $p \notin CS^*_a$; в терминах семантики «возможных миров» это означает, что по крайней мере в одном из этих миров, совместимых с тем, что a думает, « p » не имеет места.

Определение (D_1) и предполагаемая им ссылка на систему мнения носителя языка CS^*_{Ind} позволяют в нескольких принципиальных чертах охарактеризовать семантику B -оператора как его «логику поведения». Так, синтаксически возможная итерация (повторение) B -оператора $B(Ind, B(Ind, p))$, где « $B(Ind, p)$ », согласно (D_1), означает

принадлежность «*p*» системе мнений CS^*_{Ind} , при тождественном субъекте мнения семантически интерпретируема как случай метамнения, т. е. как мнение субъекта о наличии «*p*» в его же системе мнений. Рассмотрение таких метаустановок ведет к анализу «прозрачности» системы мнения для самих субъектов мнения. Речь идет о рассмотрении *явных, скрытых и других модальностей мнения*, представляемых указанной и такими формами, как $\sim B(Ind, B(Ind, p))$, $B(Ind, \sim B(Ind, p))$ и др., говорящими о том, какие «участки», «этажи» концептуальной системы *доступны* или, наоборот, *недоступны* сознанию носителя системы, «контролируются» или, наоборот, «не контролируются» им.

Повторение *B*-оператора при различных субъектах мнения, например $B(b, B(a, p))$, семантически интерпретируется как атрибуция $B(a, p)$ системе мнений CS^*_b , т. е. как $B(a, p) \in CS^*_b$, иначе говоря, как мнение субъекта *b* о том, что $p \in CS^*_a$. В терминах релятивизированной относительно носителя языка семантики возможных миров речь идет о доксистических *a*-альтернативах, рассматриваемых по отношению к доксистическим *b*-альтернативам.

$\sim B(a, p) \rightarrow B(a, \sim p)$, однако, не может рассматриваться как одно из возможных правил *B*-оператора, так как если $p \notin CS^*_a$, то не необходимо, что $\sim p \in CS^*_a$; тогда, очевидно, не проходит и $B(a, p) \vee B(a, \sim p)$. Следует более подробно рассмотреть обратное приведенному псевдоправилу, а именно $B(a, \sim p) \rightarrow \sim B(a, p)$, выражающее *требование совместности мнений* носителя языка. Абсолютизация этого требования имеет место не только в абсолютной концепции семантики пропозициональных установок (как, например, у Монтегю), но и — в модифицированном варианте — в релятивизированной относительно носителя языка концепции Хинтикки. Такая абсолютизация, с нашей точки зрения, является следствием неучета или недостаточного учета фактора концептуальных систем.

Требование совместности мнений мотивируется тем, что нельзя построить формальную систему, допускающую наличие у носителя языка несовместимых мнений без допущения возможности приписывания ему *любого* мнения (так как из допущения противоречивости, согласно правилам элементарной логики, следует все, что угодно). Такое требование основано на понимании, что логические следствия мнений носителя языка являются тем самым его

собственными мнениями, иначе говоря, на *инвариантности* мнения относительно логической эквивалентности и логической импликации. Эта инвариантность выражается утверждением общезначимости правил вывода от $p \leftrightarrow q$ к $B(Ind, p) \leftrightarrow B(Ind, q)$ и от $p \rightarrow q$ к $B(Ind, p) \rightarrow B(Ind, q)$ соответственно, где « $\rightarrow$ » символизирует логическое следование.

С такой абсолютизированной точки зрения (т. е. по существу с точки зрения идеального логика как носителя языка) нельзя допустить наличие у него несовместимых мнений. Однако реальные носители языка могут иметь и часто имеют несовместимые мнения. Они просто могут не знать, что мнения, которыми они располагают в своей концептуальной системе, несовместимы, т. е. утверждение « $(B(Ind, p) \& (p \rightarrow \sim q)) \rightarrow \sim B(Ind, q)$ », где « $\sim B(Ind, q)$ » — «Неверно, что *Ind* думает, что *q*», может быть ложным. Даже история науки знает факты оперирования противоречивыми, как впоследствии выяснялось, понятиями (таковым, например, было понятие множества в «наивной теории множеств»), не говоря уже о том, что нетрудно построить систему посылок некоторого суждения, несовместимость которых не была бы явной, а раскрывалась бы в процессе логического вывода утверждаемого заключения (см. 36). Наконец, различные примеры оперирования противоречивыми суждениями, формулируемыми на быденном языке, свидетельствуют о неудовлетворительности вышеприведенных дедуктивных принципов для логического анализа пропозициональной установки мнения. Такая неудовлетворительность особенно возрастает, если пересматривается (расширяется) — как в современных формальных лингвистических теориях естественного языка — само понятие *логической формы*.

В качестве ограничивающего *всезнание* носителя языка фактора Хинтикка (160) предлагает «*квантификационную глубину*» предложения, которая определяется в терминах числа последовательности один в другой вставленных кванторов предложений первопорядковой логики с добавлением эпистемических операторов, таких, как «думает, что», «знает, что». Такие предложения рассматриваются как логические парафразы соответствующих предложений естественного языка. Так как кванторы определяют то множество индивидов, которые рассматриваются в предложении один относительно другого, под квантификационной глубиной предложения понимается максималь-

ная сложность конфигураций индивидов, рассматриваемых в предложении. Последнюю и предлагается рассматривать в качестве одного из фундаментальных факторов, ограничивающих «схватывание» носителем языка логических отношений между предложениями: чем «глубже» предложение, содержащееся в выводе, тем затруднительнее, с этой точки зрения, понимание такого вывода носителем языка.

Полагается, что мнение сохраняется постольку, поскольку квантификационная глубина предложения сохраняется при выводе его следствий. Если же при получении следствий из данного предложения как объекта мнения квантификационная глубина увеличивается, нельзя ожидать, что мнение сохранится. Следовательно, для адекватной экспликации понимания логической импликации необходимо ограничить действительность вышеприведенного правила вывода по отношению только к тем случаям, в которых импликация от « p » к « q » может быть доказана, не превышая глубины « p ». Ввиду того что такое ограничение релятивно методу доказательства, а если такой метод заключается в приведении предложений, согласно разработанной Хинтиккой технике, к «нормальной дистрибутивной форме» и элиминации тривиально несовместимых составляющих (см. 158), рассматриваемое ограничение сводится к требованию, чтобы « $p \rightarrow q$ » было поверхностной тавтологией на глубине « p ». Поэтому полагается, что нельзя отождествлять понимание предложения со «схватыванием» всех его логических следствий: подобно этому можно понимать аксиомы элементарной геометрии и тем не менее не знать всех ее теорем.

Понимать первопорядковое предложение, согласно Хинтикке, означает, на какие ряды индивидов, в каких их сочетаниях можно натолкнуться, если это предложение истинно. Но это значит, что тот, кто думает, что p , и понимает « p », будет думать, что q , где « q » — любое поверхностное следствие « p ». Поэтому, «хотя знание и мнение не являются инвариантными относительно логической эквивалентности, они являются инвариантными относительно тех логических эквивалентностей, которые необходимы для понимания того, что думается» (160, с. 190). Вместе с тем Хинтикка не исключает возможности искреннего утверждения носителем языка, что он не думает, что q , хотя думает, что p при « $p \rightarrow q$ » — поверхностной тавтологии на глубине « p ». Но это, согласно рассматриваемому подходу,

показывает, что данный носитель языка не вполне понимает « p ».

Таким образом, в этой концепции экспликация мнения сводится к *определенной идеализации* посредством рассмотрения понимания как некоторого теоретического конструкта, формулируемого в таком случае в терминах дистрибутивной нормальной формы без тривиально несовместимых составляющих. Следовательно, предложенный подход означает отказ от концепции носителя языка как идеального логика, оперирующего на уровне глубинных тавтологий, в пользу концепции носителя языка как идеального логика, оперирующего на уровне поверхностных тавтологий.

На наш взгляд, ответ на вопрос об адекватности такой идеализации можно дать, только если учесть следующие моменты. Во-первых, роль элементов, или «логических частиц», конституирующих соответствующие инференциальные отношения, в построении и функционировании концептуальной системы носителя языка. Во-вторых, роль этих элементов в построении особых, формальных языков как дедуктивных систем, рассматриваемых самих по себе и частично используемых для формализации рассуждений, проводимых на естественном языке и в зависимости от богатства их выразительных средств «охватывающих» или «не охватывающих» правильность таких рассуждений. Одним из свойств таких систем является то, что с их помощью можно не только формализовать некоторые реально осуществляемые в естественном языке рассуждения, но и построить любое — возможно, в значительной степени «неестественное», «чуждое» интуиции носителей языка — рассуждение в рамках возможностей, определенных правилами таких систем. Познание свойств этих систем и специфицируемых ими процедур и операций, относящихся как к построению определенных объектов внутри этих систем, так и к их интерпретации вне системы, есть *построение определенного концепта в данной концептуальной системе носителя языка*. Располагая таким концептом, носитель языка может эксплицитно определить правильность или неправильность как «естественных», так и «искусственных» рассуждений.

Таким образом, ссылка на определенный концепт, содержащий информацию о выводимости « q » из « p » (каким бы элементарным или сложным, описываемым в той или иной дедуктивной теории ни был рассматриваемый инфе-

ренциальный шаг от « p » к « q »), т. е. ссылка на определенную концептуальную систему, и представляет собой релевантное ограничение вышеприведенных правил вывода; формально: $B(Ind, p) \leftrightarrow B(Ind, q)$ при $p \leftrightarrow q$, если и только если $B(Ind, p \leftrightarrow q)$, т. е. если и только если $p \leftrightarrow q \in CS^*_{Ind}$; соответственно $B(Ind, p) \rightarrow B(Ind, q)$ при $p \rightarrow q$, если и только если $B(Ind, p \rightarrow q)$, т. е. если и только если $p \rightarrow q \in CS^*_{Ind}$.

Построение такого концепта имманентно построению самой концептуальной системы (если исходить из того, что определенная логика работает с самого начала образования концептуальной системы, чего и требует фундаментальный принцип интерпретации как принцип последовательного построения новых концептов и их структур на основании тех, которые уже содержатся в системе), т. е. имеет *имплицитный* характер. Вместе с тем построение такого концепта может носить *эксплицитный* характер — как в случае усвоения принципов строения той или иной дедуктивной системы как усвоения особого знания. В последнем случае, как отмечалось, возможно построение таких рассуждений, установление правильности которых требует от носителя языка соответствующего эксплицитного знания. Это относится и к множеству рассуждений, которые хотя и представляют собой, согласно терминологии Хинтикки, поверхностные выводы, но часто вовсе не являются интуитивно очевидными: знание следствий, получаемых в них, относится к соответствующей компетенции определенного носителя языка. Иными словами, ограничение абсолютной дедуктивной компетенции носителя языка уровнем, задаваемым определенной формальной теорией, можно считать адекватным лишь тогда, когда знание содержащихся в рассматриваемой теории процедур и операций вывода логических следствий является *частью концептуальной системы носителя языка*.

Ввиду изложенного требование совместимости мнений носителя языка, выраженное выше посредством утверждений « $B(Ind, \sim p) \rightarrow \sim B(Ind, p)$ » или « $\sim (B(Ind, \sim p) \& B(Ind, p))$ », не должно абсолютизироваться. Такие утверждения действительны только тогда, когда концепт о несовместимости « p » и « $\sim p$ » принадлежит системе мнений CS^*_{Ind} носителя языка. Очевидно, что такой случай будет иметь место тогда, когда рассматриваемая несовместимость имеет *тривиальный* характер. Ясно также, что такая ситуация будет всегда, когда концепт о рассматриваемой несовместимости — даже при нетривиальном ее характе-

ре — содержится в CS^*_{Ind} , т. е. всегда, когда соответствующий концепт об отношении образующих несовместимость (раскрываемую посредством определенного логического анализа, осуществляемого средствами данной логической теории) содержится в системе мнений носителя языка. В противном случае возможно $B(Ind, p) \& B(Ind, q)$ при $q \leftrightarrow \sim p$, если и только если $q \leftrightarrow \sim p \notin CS^*_{Ind}$. Следует отметить, что наряду с другими очевидными с точки зрения рассматриваемой интерпретации принципами, характеризующими логику B -оператора, следует принять правило $B(Ind, (p \& q)) \rightarrow (B(Ind, p) \& B(Ind, q))$, но ввиду возможности несовместимых мнений не включать $(B(Ind, p) \& \& B(Ind, q)) \rightarrow B(Ind, (p \& q))$ во множество таких правил (оно, кстати, не действительно из-за возможного отсутствия смысловой связи между « p » и « q »).

В свете доказываемой здесь необходимости учета концептуальной системы при адекватном логическом анализе предложений мнения обоснованной представляется реинтерпретация самого требования совместимости мнений носителя языка. В самом деле, рассмотрение объекта в разных возможных мирах посредством осуществляемой носителем языка трансмировой его идентификации не может не допустить приписывания ему несовместимых свойств — в этом, собственно говоря, и выражается подлинный смысл альтернативности миров. Однако и в этом случае концептуально должно быть обеспечено проведение мировой линии объекта. Только на основе такого обеспечения и возможно само рассмотрение объекта. Тут, на наш взгляд, можно использовать понятие «жесткого указания» Крипке, но не в абсолютном плане, не в плане «семантики языка», а в плане концептуальной системы определенного носителя языка. При этом можно объяснить изменение концепта объекта без «потери» самого объекта, если только жесткость указания посредством имени принять как то, что рассматривается не по отношению к абсолютному универсуму объектов, заданному «семантикой языка», а по отношению к *определенному универсуму объектов, задаваемому концептуальной системой носителя языка*. Такое понимание и позволяет нам говорить об определенных возможных мирах как совместимых с установкой мнения носителя языка и вместе с тем использовать понятие несовместимости при анализе самой установки мнения.

Наконец, если отношения логического следования или логической эквивалентности между « p » и « q » как предло-

жениями-объектами мнения рассматривать с точки зрения возможности взаимозамены содержащихся в этих предложениях сингулярных или даже общих терминов, то такая возможность, как и в рассмотренных выше случаях, должна определяться ссылкой на определенную систему мнений. Так, если $p = (x_1, y)$ и $q = (x_2, y)$, где « x_i », « y » — составляющие « p » и « q », относимые к вышеназванным категориям, то $B(Ind, p) \rightarrow B(Ind, q)$, если и только если $x_1 = x_2 \in CS^*_{Ind}$, т. е. если и только если $B(Ind, x_1 = x_2)$: если и только если носитель языка полагает истинным утверждаемое посредством рассматриваемых терминов тождество объектов. Иначе говоря, в терминах релятивизированной относительно носителя языка концепции возможных миров замена одного термина на другой в контексте мнения осуществима при сохранении той же установки мнения, если концепты c_1 и c_2 , соотносимые с « x_1 » и « x_2 » соответственно и рассматриваемые в качестве интенциональных функций, выбирают один и тот же объект в доксистических альтернативах Ind , т. е. в мирах, совместимых с тем, что думает Ind . И наоборот, замена « x_1 » на « x_2 » невозможна для Ind , если и только если $x_1 \neq x_2 \in CS^*_{Ind}$. В терминах семантики «возможных миров» это означает, что в мирах, совместимых с тем, что думает Ind , объект, выбираемый концептом c_1 в качестве интенциональной функции, соотносимой с « x_1 », не тождествен объекту, выбираемому концептом c_2 в качестве интенциональной функции, соотносимой с « x_2 ».

Ориентация на определенную концептуальную систему выявляется в самой практике языковой коммуникации; успешность последней зависит от выбора адекватного сингулярного термина в некотором контексте мнения, т. е. термина, способного осуществить функцию идентифицирующей референции в данной концептуальной системе, предполагающей определенную онтологию. Это полностью соответствует тому, что каждая концептуальная система имеет собственную историю построения, а общность таких систем как результат их социализации не исключает определенных — больших или меньших — их несоответствий.

Роль фактора, способствующего осуществлению референции, как уже отмечалось, даже при неадекватном сингулярном термине может играть сама ситуация языковой коммуникации, включая носителей языка как носителей определенных концептуальных систем. К числу факторов, учитываемых при подстановке одного сингулярного терми-

на вместо другого в предложении мнения, относится не только знание глубинного уровня соответствующих предложений, но и, возможно, поверхностных его характеристик. Это может иметь место, например, в случае употребления цитируемых языковых выражений и вообще в тех случаях употребления языковых выражений, когда предикат, относимый к сингулярному термину в контексте мнения, требует учета как смысла сингулярного термина, так и его лингвистической формы или только лингвистической формы. Тогда в зависимости от такого предиката можно говорить как о пропозиции, так и о предложении как объекте мнения. Такой подход вполне согласуется с пониманием сути фундаментального принципа интерпретации: восприятие языковых выражений есть фиксация этими выражениями определенных концептов в концептуальной системе, интерпретируемых другими концептами и их структурами в данной системе, но вместе с тем это и анализ определенными концептами системы самих языковых выражений как определенных физических сущностей.

Показательным с этой точки зрения нам представляется уже на «поверхностном» уровне различие между предложениями мнения от *первого* и *второго* лица и предложениями мнения от *третьего* лица. Пусть « $B(a, p)$ » — предложение мнения, в котором в качестве аргумента a , или субъекта мнения, выступают альтернативно первое лицо, представляемое местоимением «я», второе лицо, представляемое местоимением «ты», и третье лицо, представляемое местоимением «он». Синтаксическую структуру « $B(a, p)$ »

можно представить, например, в виде графа

$$\begin{array}{c} S \\ \swarrow \quad \searrow \\ B \quad a \quad p \end{array}$$

где « S » = « $B(a, p)$ », « p » = « (x, y) ». Рассмотрим, как соотносятся истинностные оценки « S » и « p » в каждом случае определенной *персонализации* a , т. е. когда рассматриваются соответственно: $(S_1) : B(1, p)$, т. е. «Я думаю, что p »; $(S_2) : B(2, p)$, т. е. «Ты думаешь, что p », и $(S_3) : B(3, p)$, т. е. «Он думает, что p ».

Случай (S_1) : истинность « S » означает, согласно определению (D_1) , что $p \in CS^*_1$, т. е. что 1 полагает истинным « p ». Случай (S_2) аналогичен рассмотренному. Замена сингулярного термина « x », входящего в « p », на сингулярный термин « x_i », очевидно, зависит от того, истинно ли $x = x_i \in CS^*_1$; соответственно $x = x_i \in CS^*_2$. Так, возможность замены сингулярного термина «индивид, приведенный в полицейский участок» на сингулярный термин

«Бертран Рассел» в предложении «Я думаю, что Бертран Рассел — философ» или «Ты думаешь, что Бертран Рассел — философ» будет зависеть исключительно от того, думаю ли я или лицо, к которому я обращаюсь, что Бертран Рассел и индивид, приведенный в полицейский участок, одно и то же лицо.

Случай (S_3) существенно отличается от (S_1) и (S_2). Кроме ситуаций, описанных в (S_1) и (S_2), здесь допускается рассмотрение ситуаций, когда установка мнения B_3 представляется через установку мнения какого-либо другого лица, т. е. когда на самом деле имеет место *суперпозиция* установок ($B(a, B(3, p))$ при $a \neq 3$). Тогда при « S » истинном (ложном) « p » может полагаться и истинным и ложным: недифференциация разных установок мнения может дать парадоксальное прочтение « S » («Он думает то, чего он не думает, и он не думает того, что он думает»). Возможность замены одного сингулярного термина на другой в случае (S_3) при одной его интерпретации зависит от того, является ли $x = x_i \in CS^*_3$; при другой интерпретации такая замена зависит от того, истинны ли $x = x_i \in CS^*_2$ или $x = x_i \in CS^*_1$, при этом возможно $x = x_i \notin CS^*_3$.

В терминах вышеприведенного примера обсуждаемая возможность замены сингулярного термина в одной интерпретации « S_3 » («Он думает, что Рассел — философ») может быть осуществлена тогда, когда соответствующее тождество имеет место в системе мнений третьего лица, и тогда можно говорить, используя термин Куайна, о «непрозрачной» относительно третьего лица интерпретации сингулярного термина. При другой интерпретации « S_3 » возможность такой замены зависит от того, имеет ли место в системе мнений лица, к которому обращено предложение, рассматриваемое тождество. При этом такого тождества может и не быть в системе мнений третьего лица. Тогда можно говорить о «прозрачной» интерпретации сингулярного термина «Бертран Рассел», но не абсолютно, а относительно третьего лица. Следовательно, референциальная «прозрачность» или «непрозрачность» предложений мнения и связанная с этим проблема квантификации в контексте мнения не должны абсолютизироваться. Рассмотрение этих явлений требует релятивизации анализа относительно концептуальных систем, предполагаемых в качестве учитываемого фактора при утверждении определенной пропозициональной установки. Ссылка на концептуальные системы (т. е. на информацию, содержащуюся в них) неиз-

менно — эксплицитно или имплицитно — обуславливает выбор того или иного сингулярного термина.

Употребление того или иного сингулярного термина, в свою очередь, может рассматриваться в качестве признака «прозрачности» относительно одной или другой концептуальной системы, если полагать, как это делает Г. Кастаньеда (см. 97, 98), что одна из целей языковой коммуникации заключается в раскрытии посредством естественного языка определенных пропозиций и в этом смысле — в коммуникации определенных пропозиций как *мыслительного содержания* участников акта коммуникации. С этой точки зрения языковые конструкции, рассматриваемые как пропозиционально «прозрачные» относительно индивида, которому приписывается данная пропозициональная установка, соответствуют тому, что Куайн назвал бы «референциально непрозрачными» конструкциями. В свою очередь, пропозиционально «прозрачные» относительно говорящего конструкции следовало бы отнести к тому, что Куайн называет «референциально прозрачными» конструкциями. В любом случае естественный язык рассматривается как средство раскрытия, выявления структуры мысли его носителей.

Существенное свойство языковой коммуникации и вместе с тем фундаментальная причина сложности ее структуры (не осознаваемой, как правило, носителем языка, как, впрочем, и многое другое, с чем он имеет дело повседневно и что на самом деле свидетельствует о совершенстве тех способностей, которыми он обладает и которые — обычно помимо его сознания — используются им в процессе коммуникации) состоят в том, что мы не можем рассматривать, как другие носители языка указывают на те или иные объекты без того, чтобы мы сами указали на эти объекты; при этом наши референты могут не совпадать.

Так, весь «букет» возможностей указания и соуказания представляют суперпозиции установок мнения, как в предложении «Ионас думает, что Пятрас думает, что Антанас счастлив», равно как другие способы порождения новых конструкций — комбинирование косвенных контекстов с другими конструкциями, применение кванторов к конструкциям косвенной речи, помещение последних в модальные конструкции и т. д. Если же считать исходя из вышеуказанного, что приведенному предложению имплицитно предшествует определенный контекст мнения, например

«Я думаю, что», тогда куайновская «референциальная прозрачность» есть не что иное, как то, что Кастаньеда называет «*пропозициональной прозрачностью*» конструкции, приписываемой говорящему (произносящему ее). Такую необязательность использования при описании пропозициональной установки индивида *A* именно тех сингулярных терминов, которыми *A* указывал бы на соответствующий объект *B*, конечно, можно объяснить тем, что часто важно не то, как *A* указывает на *B*, а то, какие свойства *A* приписывает *B*. Так, в предложении «Джон думает, что Мэри приехала» имя «Мэри» может полагаться «пропозиционально непрозрачным», выражающим референцию произносящего предложение, иначе именуемую «внешней», или «пропозиционально прозрачным». Иными словами, оно может показывать не только то, как говорящей указывает на определенный индивид, но и то, как тот, кому приписывается рассматриваемая установка мнения, указывает на этот индивид, т. е. выражать *внутреннюю референцию*. В последнем случае имеет место то, что Кастаньеда называет «*кумуляцией*» референций (см. 98). Очевидно, когда речь идет о суперпозиции множества контекстов, выражающих определенные установки, внутренние референции относительно одних контекстов могут быть внешними по отношению к другим, и тогда собственно внешней является лишь референция говорящего. Этим можно объяснить даже парадокс отрицания тождества, как в предложении «Джон не думает, что Мэри есть Мэри», где первое употребление «Мэри» может сигнализировать *референциальную прозрачность*, а второе — *референциальную непрозрачность относительно говорящего*.

В плане рассмотрения прозрачности языковых выражений относительно концептуальных систем особый интерес представляет употребление индексалов, выполняющих с рассматриваемой точки зрения две функции: осуществление индексной референции говорящим и приписывание ее другим носителям языка. В косвенном контексте индексная референция осуществляется *говорящим*, а не индивидом, которому приписывается пропозициональная установка (как в предложении «Джон думает, что я миллионер»: очевидно, мысль Джона относится к третьему, а не к первому лицу, произносящему это предложение и употребляющему индексал «я»). Такая референция оставляет открытым вопрос о том, как индивид, *которому приписывается* пропозициональная установка, указывает на объект, на

который осуществляет референцию говорящий. В этой функции индексал выражает демонстративное указание, осуществляемое говорящим, а в терминологии расселовского различия широкой и узкой области действия — имеет наиболее широкую область действия.

Таким же образом в предложении «Мэри думает, что я теперь здесь» референции, выражаемые индексалами «я», «теперь», «здесь», приписываются не Мэри, а говорящему, хотя грамматически эти индексалы находятся в косвенной речи, а с точки зрения *логической формы* они в прямой речи. Индексная референция считается всегда непрозрачной по отношению к индивиду, которому приписывается определенная установка.

Когда мы рассматриваем, как другие индивиды осуществляют референцию на объекты посредством индексалов, когда мы хотим сообщить об этом третьей стороне, мы имеем дело с употреблением *квазииндексалов*, с приписыванием референции другим носителям языка. Так, в предложении «В 5 часов Джон думал, что тогда было 5 часов» «тогда» относится к антецеденту «5 часов» и употребляется для приписывания Джону индексного указания на 5 часов посредством другого индексала — «теперь», который Джон употребил бы или имел бы в виду, выражая соответствующую установку, а именно: «Теперь 5 часов». Аналогично в предложении «Джон думает, что он счастлив» «он» указывает на Джона не непосредственно, а через имя «Джон»: пропозиция, которая в данном случае соответствовала бы состоянию Джона, выражалась бы предложением «Я счастлив» — отсюда следует, кстати, что необходимым условием приписывания индивиду мнения о самом себе является способность индивида осуществлять указание от *первого лица*.

Однако ввиду принятого нами тезиса о том, что контекст мнения имплицитно присутствует всегда, когда нечто утверждается о мире, нельзя согласиться, что в прямой речи в отличие от косвенной индексалы являются прозрачными как *пропозиционально*, так и *референциально*: относительно говорящего этого может не быть уже потому, что в коммуникации выбор того или другого сингулярного термина может осуществляться релятивно определенной концептуальной системы с учетом того, что рассматриваемый термин осуществляет функцию указания с точки зрения концептуальной системы другого носителя языка как партнера коммуникации.

Принципиально эти соображения относятся не только к сингулярным терминам, но и к любым осмысленным выражениям естественного языка, вернее, с нашей точки зрения, к любым концептам, какими бы языковыми средствами они ни фиксировались. Такие концепты — ввиду их непрерывной связи с другими концептами системы в смысле генезиса их построения в данной концептуальной системе — содержат, вообще говоря, как *идиосинкретические* (специфические для данной концептуальной системы) составляющие, так и составляющие, отражающие *познавательный социальный* опыт носителя языка на разных уровнях познания — на уровне здравого смысла, на уровне определенной научной теории, на уровне разных гипотетических представлений носителей языка о тех или иных объектах познания.

Составляющие уровня здравого смысла, научного или квазинаучного познания как определенные стереотипы знания носителей языка в «снятом» (абстрагированном от статуса, от истории порождения концепта в концептуальной системе) виде и фиксируются в обычных «естественных» и «искусственных» (включаемых в формальную модель естественного языка) словарях в качестве *смысла соответствующих языковых выражений* как то *общее*, что составляет необходимое условие коммуникации носителей языка и что уже рассматривается как факт системы «*семантики языка*».

Трансформация познавательных фактов в «семантические» факты делает относительным и само различие семантики и прагматики естественного языка. О «чистой» прагматике, очевидно, можно говорить только в случаях непрямого или «вырожденного» употребления языка. (К этим случаям, конечно, относится также метафорическое, ироническое, вообще любое иносказательное употребление языка). Отметим в этой связи, что в литературе обсуждается явление, получившее название «разговорных имплицатур» (см. 140, 141), экспликация которого предполагает прежде всего разграничение того, что выражается данным употреблением языкового выражения, и того, что при этом имплицуруется. Первое представляет собой «конвенциональное» значение, второе подразделяется на два вида: то, что имплицуруется конвенционально, и то, что имплицуруется «разговорно» (как в случае иронии, когда разговорно имплицуемое является противоположным конвенционально выражаемому).

То, что с учетом сказанного можно было бы условно назвать «*интерсубъективными*» смысловыми составляющими («*объективными*» смыслами), и рассматривается в теориях «семантики языка» как область действия принимаемых в теории правил построения смысла языковых выражений, как объект определения их семантических свойств и отношений. Постулирование общности этих составляющих для всех носителей языка является неизбежным в проекте построения теории «семантики языка».

Ввиду того что при рассмотрении языковой компетенции носителей языка в счет принимаются лишь те смысловые составляющие, которые образуют постулируемую «семантику языка», при рассмотрении установки мнения неизбежной становится апелляция к той же «семантике языка». Тогда (например, как в интерпретативной теории Каца или в референтной теории Монтегю) семантические отношения между выражениями, содержащими контекст мнения, рассматриваются с точки зрения закономерностей постулируемой «семантики языка», а не закономерностей строения концептуальных систем носителей языка.

При этом специфические для концептуальных систем составляющие («субъективные» смыслы) относятся к *прагматике* естественного языка. Это означает рассмотрение *индивидуальных установок мнения* в терминах установки мнения *носителя языка как такового*, или *общих* установок мнения. Последние эксплицитно можно было бы представить контекстом «*Мы думаем, что*» в смысле «*Принято думать, что*», «*Полагается, что*» с точки зрения здравого смысла, принимаемой в качестве верной и известной если не для всех, то для большинства или по крайней мере для некоторого компетентного множества носителей языка информации, относящейся к сфере научных, гипотетических, философских и других представлений о мире. При этом фраза, выражающая определенную (в особенности — общую) установку мнения, в практике языковой коммуникации, как правило, опускается. Соответствующее предложение тогда предстает как деперсонализированное утверждение о мире, к какому бы аспекту его познания оно ни относилось. Из таких предложений и строится текст научной теории как научной «картины мира».

Абстрагируясь от индивидуальных систем мнения, но по аналогии с персонализированными установками мнения, можно говорить о конструкте, представляющем собой

интерсубъективную и в этом смысле *объективную* установку мнения, и соответственно рассматривать некую «объективную систему мнений» как «объективную» картину мира» (формально: CS^*_{obj}). Тогда, конечно, мы рассматривали бы случаи, когда $p \in CS^*_a$ при этом $p \in CS^*_{obj}$ или $p \notin CS^*_{obj}$; $p \in CS^*_a$ при $p \in CS^*_{obj}$ или $p \notin CS^*_{obj}$; $x = x_1 \in CS^*_a$ при $x = x_1 \in CS^*_{obj}$ или $x = x_1 \notin CS^*_{obj}$ и т. д.; $p \rightarrow q \in CS^*_a$ при $p \rightarrow q \in CS^*_{obj}$ или $p \rightarrow q \notin CS^*_{obj}$ и т. д. Так, мы могли бы объяснить, почему мы говорим, что a не понимает или не вполне понимает « p », если $B(a, p)$, но $\sim B(a, q)$ при $p \rightarrow q$, т. е. когда $p \rightarrow q \in CS^*_{obj}$, т. е. когда импликация $p \rightarrow q$ принадлежит «объективной системе мнений».

Здесь следует иметь в виду, что фрагменты естественного языка, которые используются в качестве объекта анализа, обычно относятся к обыденной речи. Постулируемый смысл языковых выражений, как правило, является чем-то средним между представлениями носителей языка на уровне здравого смысла и их научными представлениями, что иногда (имплицитно или эксплицитно) мотивируется необходимостью проведения дихотомии между, с одной стороны, знанием естественного языка и, с другой — знанием мира, или лингвистическим и энциклопедическим знанием, или принимается без какой-либо специальной мотивировки.

Однако если на уровне обыденной речи, имеющей дело с актуальным опытом носителей языка или с рассмотрением возможных ситуаций на базе этого опыта, концептуальность мнения может представляться не столь явной, то выход за пределы этой речи на уровень теоретического языка делает такую концептуализацию очевидной. Соответствующий такому уровню словарь, очевидно, содержал бы «куски» или целые «блоки» определенной системы концептов, понимание которых предполагает понимание определенного множества других концептов в смысле его генетической, непрерывной связи с другими концептами системы. Однако неясно, как осуществлялся бы в теории «семантики языка» этот переход от обыденного к теоретическому уровню в смысле формализации соответствующей интуиции носителей языка.

Таким образом, контекст мнения — в явной или в скрытой форме — присутствует всегда, когда нечто (истинно или ложно) утверждается о мире, т. е. утверждение « p » всегда предполагает определенный контекст мне-

ния, причем если такой контекст не всегда выступает в качестве того, что называют «логической», или «базисной», «семантической» формой « p », то всегда как то, что мы выше называли «концептуальной формой» « p », указывающей принадлежность « p » определенной системе мнения CS^*_a как части определенной концептуальной системы.

Поясним это на примере операции отрицания предложений мнения. Пусть « p » является утверждением «Бертран Рассел — философ». Представив « p » с определенным контекстом мнения, имеем: $B(a, p)$ (т. е. « a думает, что Бертран Рассел — философ»). Изложенное позволяет полагать, что отрицание « $B(a, p)$ », т. е. « $\sim B(a, p)$ », имеет две интерпретации: $p \notin CS^*_a$ (т. е. «Неверно, что a думает, что Бертран Рассел — философ») и другую, которую можно представить в качестве императива: «Неверно думать, что Бертран Рассел — философ», или «Неверно принимать « p » в CS^*_a » (формально: $! p \notin CS^*_a$), где « $!$ » — условный оператор долженствования.

В обеих интерпретациях неоспорима ссылка на концептуальную систему. Однако во второй интерпретации она выступает менее явно: дело в том, что в практике употребления естественного языка обычно контекст мнения ввиду его самоочевидности опускается. Так как в этом случае истинностные условия предложения определяются той его частью, которая выражает содержание установки мнения, предикат истинности, как правило, относится к предложению-объекту мнения. Вторая интерпретация « $\sim B(a, p)$ » может рассматриваться в качестве базисной для семантики отрицания « p », т. е. в том случае, когда утверждается « $\sim p$ ». В терминах современных лингвистических теорий здесь можно предположить трансформационную элиминацию содержащегося на «глубинном» уровне контекста мнения.

Если контекст мнения выступает не только в качестве концептуальной, но и в качестве «логической», или «глубинной», «семантической» формы « p », тогда, очевидно, имеется в виду первая интерпретация « $\sim B(a, p)$ ». В этом случае истинностные условия предположения мнения определяются *всем* предложением.

С точки зрения концептуальной системы трансформации индивидуальных, или субъективных, установок мнения интерсубъективные установки ($CS^*_{ind} \Rightarrow CS^*_{obj}$) можно рассматривать как своеобразную процедуру *объективизации* первых. Речь идет об их превращении как

вообще в случае соответствия мнения действительности в зависимости от возможности приписывания предложению-объекту мнения истинностного значения истина — в субъективную (индивидуальную) установку знания KS_{Ind} : ($CS^*_{Ind} \Rightarrow CS^*_{obj} = CS^*_{Ind} \Rightarrow KS_{Ind}$) (т. е. «а знает, что», «а знает, кто (когда, где, как...)»). Последняя, рассматриваемая абстрактно от концептуальных систем, превращается в объективную установку знания (KS_{obj}), т. е. становится частью теоретического конструкта «объективная система знаний». В некоторых языках такая установка передается нейтральными и этимологически показательными конструкциями («One knows», «On sait», «Man weiss») или вообще опускается, т. е. присутствует имплицитно.

Соотношение этих установок как воплощающих разную степень интенциональности естественно объясняется в терминах семантики возможных миров. А именно: чем больше возможные миры, предполагаемые данной установкой, отличаются от объективно определенного действительного мира, тем выше степень интенциональности понятия, воплощающего эту установку. Ввиду этого мнение можно считать более интенциональным, чем знание: все, что знает носитель языка (т. е. все, что является истинным во всех возможных мирах, совместимых с тем, что он знает), должно быть также истинным и в действительном мире, тогда как такого сходства в случае установки мнения между допустимыми возможными мирами и действительным миром не требуется.

Индивидуальную установку знания можно считать эквивалентной (назовем это «слабой эквивалентностью») соответствующей *нейтрализованной, объективизированной* установке с точки зрения истинности рассматриваемого в ней предложения как объекта знания. (Так, если а знает, что *p*, то это эквивалентно «Известно, что *p*» в том смысле, что «*p*» истинно.) Однако она сохраняет свой интенциональный характер, ибо, как и установка мнения, относится к *концептуальной системе определенного носителя языка*. В отношении принципа взаимозаменяемости тождественного здесь имеют силу те же ограничения, что и в отношении установки мнения.

С нашей точки зрения, именно потому, что знание индивида может не соответствовать полностью знанию, выраженному контекстом «Известно, что» (такое соответствие можно было бы назвать «сильной эквивалентностью»), зна-

ние индивида является интенциональным в том же смысле, как и его мнение, но тем не менее оно не теряет характера знания.

Таким образом, рассмотрение различия «прозрачных» и «непрозрачных» конструкций (соотносимого с ним различия референциального и атрибутивного употреблений, модальностей *de re* и *de dicto*, широкой и узкой области действия соответствующих языковых выражений) представляет собой теоретические поиски того не выявленного в рассмотренных теориях, но неизменно присутствующего в коммуникации и проявляющего себя в том или ином из названных отношений феномена, именуемого нами «*концептуальными системами*» носителей языка. Указанные дихотомии, с нашей точки зрения, свидетельствуют о различных интерпретациях языковых выражений в определенных концептуальных системах в смысле содержащейся в них информации. Поэтому конструктивное рассмотрение этих дихотомий невозможно, с одной стороны, без понимания языковой коммуникации как осуществляемой носителями языка в качестве носителей определенных концептуальных систем, учитывающих в определенной степени семантику и номенклатуру других концептуальных систем, а с другой — вне выявления статуса того, что мы назвали «*объективной концептуальной системой*», как абстракции от реальных индивидуальных концептуальных систем.

Рассмотрение «объективной системы мнения» независимо от индивидуальных систем мнения, неучет значения последних при интерпретации предложения мнения, а следовательно, и любых утверждений как объектов установки мнения обуславливают противопоставление семантики и прагматики языка. Оно ведет к утверждению дихотомии «подлинных» и «псевдопрочтений», постулированию «сингулярных пропозиций», содержащих «объективно данные индивиды», «семантических референтов» и «референтов говорящего» и вообще к противопоставлению *лингвистического экстралингвистическому* знанию. Между тем не только необходимость, но и эффективность учета в полной мере значимости неязыковых факторов убеждает нас в существенности рассмотрения *самих* носителей языка в качестве важнейшего компонента контекста употребления языка. Речь идет о человеке — не просто пассивном референте языковых выражений, а активном их интерпретаторе, не просто носителе языка, а — прежде всего и важнее всего — носителе определенной концептуальной системы, на основе

коготорой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка.

Неучет или недостаточный учет такого не просто лингвистически, а *концептуально* компетентного субъекта делает неконструктивным сам проект построения семантической теории языка, а главную задачу его — выяснение способности человека понять язык — принципиально неразрешимой. Рассмотрение семантических свойств и отношений языковых выражений вне их реализации в определенной концептуальной системе не может служить основой для решения проблем, носящих существенно гносеологический характер. Необходимой предпосылкой их решения в контексте рассмотрения отношения *мысли, языка и мира* является соотнесение анализа смысла языковых выражений с анализом структур концептуальных систем, с анализом содержащейся в них информации. В этой отнесенности к концептуальной системе как системе мнений и знаний человека о мире, отражающей его познавательный опыт, и заключено философское значение анализа смысла. Принятие этой точки зрения обязывает нас рассматривать семантический анализ естественного языка не как самоцель, а как *средство* анализа *мысли* носителя языка.

Перенос акцент с рассмотрения абсолютизированной сущности «семантики языка» на анализ концептуальной системы, как она образуется в сознании человека, когда он познает мир, и как она используется в процессе общения с другими носителями языка, мы не жертвуем ни объективностью, ни общностью теории. Напротив, в результате мы имеем методологически обоснованную и теоретически перспективную программу семантических исследований, направленную на раскрытие роли как *языковых*, так и *неязыковых* факторов в концептуальном освоении мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема смысла языковых выражений имеет важное значение в современной науке и в общеметодологическом, и в практическом плане. Как проблема объяснения понимания языка его носителями, она с методологической точки зрения неотделима от вопроса о связи мысли, языка и мира, функции и места языка в познании и коммуникации. В практическом аспекте рассмотрение этой проблемы определяется настоятельной необходимостью моделирования мыслительных процессов, построения и реализации различных проектов автоматической обработки естественного языка.

Об органической связи теоретического, общеметодологического и практического аспектов проблемы смысла свидетельствует то, что в настоящее время она исследуется объединенными усилиями философов, логиков и лингвистов, причем отличительной чертой, отражающей современный уровень анализа этой проблемы, является систематическое использование строгих методов и процедур. Это обстоятельство отражается и в распространенном понимании современного логико-философского анализа естественного языка как «формальной философии языка». Последняя отличается от традиционной не фундаментальностью обсуждаемых в ней проблем, а прежде всего методом их исследования, базирующимся на широком применении достижений современной логики и лингвистики, что существенно сказывается на качестве исследования и его результатах.

Осуществленный в книге критический анализ основных западных логико-семантических концепций смысла с точки зрения их использования для решения фундаментальных проблем современного логико-философского анализа языка приводит к следующим общим выводам. В ходе логико-семантического исследования языка получены некоторые важные результаты, имеющие теоретическое и практическое значение. К ним относятся прежде всего выделение и теоретическое обоснование специфики семантической проблематики анализа естественного языка в сравнении с аналогичной проблематикой формальных, искусственных языков. Важной является теоретическая разработка понятия логической формы для выражений естественного языка,

существенно расширившая область охватываемых логическими средствами рассуждений, проводимых на естественном языке. Понятие структуры языка получило большую определенность благодаря разграничению и систематическому соотнесению разных уровней формального анализа естественного языка — глубинного (базисного, логического, семантического) и поверхностного (собственно синтаксического) — и разработке альтернативных формализмов, служащих их описанию. Особенно плодотворным оказалось определение значения логических понятий истины и указания и включение их в теоретический анализ естественного языка в качестве фундаментальных, а также понятий, разработанных в современной модальной логике, в частности понятий семантики «возможных миров». Их использование значительно расширило анализ и сделало возможным конструктивное рассмотрение отношения языка и мира, обсуждение онтологической проблематики естественного языка.

Вместе с тем критический анализ обсуждаемых в книге концепций показывает, что ограниченность их объяснительных возможностей, а иногда и просто несостоятельность ряда теоретических установок являются следствием ошибочности их общеметодологических принципов в решении вопроса о соотношении мысли, языка и реальности, иногда явно носящих отпечаток неопозитивистской доктрины языка и требующих изменения самой ориентации анализа в смысле понимания его объекта.

Таким теоретически неконструктивным и методологически неверным является противопоставление языкового знания внеязыковому. Свойственная анализируемым в книге логико-семантическим концепциям абсолютизация языкового фактора, выражающаяся в выдвигании постулата «семантики языка», делает неконструктивным сам проект построения семантической теории естественного языка. Цели такой теории, заключающиеся в формализации понятия «осмысленное выражение естественного языка» и в выяснении способности носителей языка понять выражения языка, оказываются принципиально недостижимыми. Таким образом, стремление в процессе эволюции логико-семантических исследований естественного языка увеличить степень адекватности формальной модели языка путем все более широкого охвата семантических его аспектов приводит к парадоксальному следствию о невозможности построения адекватной семантической теории.

Проведенное в книге исследование доказывает преимущества подхода, базирующегося на принципах диалектико-материалистической гносеологии и утверждающего необходимость соотнесения анализа смысла языковых выражений с анализом концептуальных систем как определенных систем мнения и знания, отражающих познавательный опыт носителей языка на разных этапах, уровнях и в разных аспектах и представляющих основу для понимания любых объектов, в том числе языковых выражений. В построении таких систем язык играет существенную, но не исключительную роль: сама возможность усвоения языка предполагает в качестве необходимого условия вербальный этап становления концептуальных систем, отражающий доязыковый опыт их носителей. Игнорирование этого обстоятельства приводит не только к эмпирически и теоретически необоснованному, но и методологически несостоятельному приписыванию функций порождения мысли самому языку, чистой вербальной форме, к отождествлению мысли и языка, а не к раскрытию механизма их связи.

Усвоение вербальной символики служит необходимым условием построения такой информации, которая существенно расширяет границы познания и понимания мира носителей концептуальных систем, служит необходимым условием их коммуникации, социальной ориентации индивидуальных концептуальных систем в сторону социально значимой «картины мира». Теоретическое обоснование этого положения является чрезвычайно важным ввиду известных мистических спекуляций о языке как «картине действительности», о языке как детерминанте мировоззрения. Однако усвоение языка не исключает качественного различия индивидуальных концептуальных систем как содержащих «субъективные картины мира» (в виде субъективных систем мнения и знания), конструируемые средствами языка и обуславливающие различия в понимании языковых выражений. Взаимодействие таких систем, в той или иной мере отражающих объективную реальность, определяет механизм языковой коммуникации и сложность ее структуры.

Естественный язык хотя и характеризуется определенной синтаксической системой, которая выявляется посредством различных формализмов, но не представляет собой определенной концептуальной системы, а является средством их построения и символического представления. Поэтому анализ языка в плане создания его семантической

теории является конструктивным в той мере, в которой он ведет к раскрытию принципов образования и функционирования концептуальных систем. Абсолютизация «семантики языка» ведет в конечном итоге к отрыву языка от самого процесса познания, т. е. от основного условия образования и функционирования отражающих познавательный опыт носителей языка концептуальных систем.

Логико-философский анализ языка, если он стремится к объяснению связи мысли, языка и мира, должен быть анализом роли и места языка в процессе познания. Следовательно, ответы на выдвигаемые в этом анализе вопросы следует искать в общем контексте информационных процессов, происходящих в сознании человека, когда он строит — и в этом существенная функция языка — определенную концептуальную картину окружающей его действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
- 2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32.
- 3 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
- 4 Абрамян Л. А. О философском смысле проблемы значения. — Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
- 5 Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М., 1976.
- 6 Бирюков Б. В. Теория смысла Г. Фреге. — Применение логики в науке и технике. М., 1960.
- 7 Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., 1974.
- 8 Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- 9 Брутян Г. А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании. — Вопросы философии, 1972, № 10.
- 10 Брутян Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании. — Методологические проблемы анализа языка.
- 11 Брутян Г. А. Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979.
- 12 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
- 13 Войшвилло Е. К. Попытка семантической интерпретации статистических понятий информации и энтропии. — Кибернетику — на службу коммунизму. М.—Л., 1966.
- 14 Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
- 15 Войшвилло Е. К., Петров Ю. А. Язык и логика вопросов. — Логика и методология научного познания. М., 1974.
- 16 Войшвилло Е. К. О возможных направлениях приближения формализованных языков к естественным. — Логические и методологические проблемы анализа языка. Вильнюс, 1976.
- 17 Горский Д. П. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания. — Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.
- 18 Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). М., 1974.
- 19 Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
- 20 Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
- 21 Ивин А. А. Логика норм. М., 1973.
- 22 Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

- 23 *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- 24 *Козлова М. С.* Философия и язык. М., 1972.
- 25 *Копнин П. В.* Дialeктика, логика, наука. М., 1973.
- 26 *Костюк В. Н.* Методология научного исследования. Киев, 1976.
- 27 *Крымский С. Б.* Научное познание и принципы его трансформации. Киев, 1974.
- 28 *Ледников Е. Е.* Критический анализ номиналистических и платонистских тенденций в современной логике. Киев, 1973.
- 29 *Ледников Е. Е.* Модальные понятия в языке науки. — Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев, 1977.
- 30 Логические и методологические проблемы анализа языка. Вильнюс, 1976.
- 31 *Лекторский В. А.* Аналитическая философия сегодня. — Вопросы философии, 1971, № 2.
- 32 *Мещеряков А. И.* Как формируется человеческая психика у слепоглухонемых. — Вопросы философии, 1968, № 9.
- 33 *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974.
- 34 *Налимов В. В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978.
- 35 *Нарский И. С.* Проблема значения «значения» в теории познания. — Проблема знака и значения. М., 1969.
- 36 *Павилёнис Р. И.* Язык и логика. Формализация естественно-го языка в терминах исчисления высказываний и исчисления предикатов первой степени. Вильнюс, 1975.
- 37 *Павилёнис Р. И.* Философия языка: проблема смысла. — Вопросы философии, 1976, № 3.
- 38 *Павилёнис Р. И.* Связь логического и онтологического в некоторых современных теориях семантики естественного языка. — Логика и онтология. М., 1978.
- 39 *Павилёнис Р. И.* Язык. Логика. Философия. Вильнюс, 1981.
- 40 *Павилёнис Р. И.* Философия языка: проблема анализа предложений мнения. — Вопросы философии, 1981, № 10.
- 41 *Павилёнис Р. И.* Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика. — Вопросы философии, 1982, № 11.
- 42 *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- 43 *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания (гносеологические аспекты). М., 1977.
- 44 *Петров В. В.* Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.

- 45 *Петров В. В.* Структуры значения: логический анализ. Новосибирск, 1979.
- 46 *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. М., 1963.
- 47 *Попович М. В.* Философский аспект проблемы значения и смысла. — Вопросы философии, 1962, № 12.
- 48 *Попович М. В.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966.
- 49 *Попович М. В.* Философские вопросы семантики. Киев, 1975.
- 50 *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- 51 *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика: проблемы и методы. М., 1977.
- 52 *Сааринен Э.* Квантификация: проблемы личных и безличных модальностей. — Интенциональные логики и логический анализ естественных языков. М., 1979.
- 53 *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М., 1974.
- 54 *Серебрянников О. Ф.* Эвристические принципы и логические исчисления. М., 1970.
- 55 *Смирнов В. А.* О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции. — Философия марксизма и неопозитивизм. М., 1963.
- 56 *Смирнов В. А.* Формальный вывод и логические исчисления. М., 1972.
- 57 *Смирнова Е. Д.* К проблеме аналитического и синтетического. — Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962.
- 58 *Смирнова Е. Д.* Проблема уточнения понятия логической формы. — Логика и методология научного познания.
- 59 *Смирнова Е. Д.* Подход к семантике первопорядковой интенциональной логики. — Релевантные логики и теория следования. М., 1979.
- 60 *Слинин Я. А.* Современная модальная логика. Л., 1976.
- 61 *Субботин А. Л.* Смысл и ценность формализации в логике. — Философские вопросы современной формальной логики.
- 62 *Таванец П. В.* О семантическом определении истины. — Там же.
- 63 *Таубе М.* Вычислительные машины и здравый смысл. М., 1965.
- 64 *Уемов А. И.* Проблема синонимов и современная логика. — Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- 65 Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.

66. Хинтиikka Я. Информация, причинность и логика восприятия. — Вопросы философии, 1975, № 6.
67. Хинтиikka Я. Вопрос о вопросах. — Философия в современном мире. Философия и логика. М., 1974.
68. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
69. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
70. Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
71. Целищев В. В. Логическая истина и эмпиризм. Новосибирск, 1974.
72. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
73. Целищев В. В. Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск, 1978.
74. Ajdukiewicz K. Syntactic Connection. — Polish Logic (ed. S. McCall). Oxford, 1967.
75. Albrecht E. Sprache und Philosophie. Berlin, 1975.
76. Approaches to Natural Language (ed. J. Hintikka, P. Suppes). Dordrecht, 1973.
77. Austin J. How To Do Things With Words. Oxford, 1962.
78. Ayer A. Language, Truth, and Logic. L., 1946.
79. Bach E. Nouns and Noun Phrases. — Universals in Linguistic Theory (ed. E. Bach, R. Harms). N. Y., 1968.
80. Barcan Marcus R. Modalities and Intensional Languages. — Synthese, 1961, vol. 13.
81. Barcan Marcus R. Essentialism in Quantified Modal Logic. — Nous, 1967, vol. 1, No 1.
82. Bar-Hillel Y. Logical Syntax and Semantics. — Language, 1954, vol. 30.
83. Bar-Hillel Y. Language and Information. N. Y., 1964.
84. Bar-Hillel Y. Do Natural Languages Contain Paradoxes? — Studium Generale, 1966, Heft 7.
85. Bloomfield L. Language. N. Y., 1933.
86. Bouveresse J. La parole malheureuse. De l'alchimie linguistique à la grammaire philosophique. Paris, 1971.
87. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig, 1924.
88. Burge T. Belief De Re. — Journal of Philosophy, 1977, vol. 74.
89. Burge T. Belief and Synonymy. — Journal of Philosophy, 1978, vol. 75.
90. Burge T. Sinning Against Frege. — Philosophical Review, 1979, vol. 86.

91. Carnap R. The Unity of Science. L., 1935.
92. Carnap R. The Logical Syntax of Language. L., 1937.
93. Carnap R. The Elimination of Metaphysics. — Introduction into Semantics. Cambridge (Mass.), 1946.
94. Carnap R. On Belief Sentences. — Philosophy and Analysis (ed. M. McDonald). N. Y., 1954.
95. Carnap R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago, 1956.
96. Castañeda H. Perception, Belief and the Structure of Physical Objects and Consciousness. — Synthese, 1977, vol. 35, No 3.
97. Castañeda H. On the Philosophical Foundations of the Theory of Communication: Reference. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).
98. Castañeda H. The Semiotic Profile of Indexical (Experiential) Reference. — Synthese, 1981, vol. 49, No 2.
99. Chastain Ch. Reference and Context. — Language, Mind and Knowledge (ed. K. Gunderson).
100. Chomsky N. Logical Syntax and Semantics: Their Linguistic Relevance. — Language, 1955, vol. 31.
101. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 1957.
102. Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague, 1964.
103. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
104. Chomsky N. Cartesian Linguistics. N. Y., 1966.
105. Chomsky N. Deep Structure, Surface Structure and Semantic Interpretation. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).
106. Chomsky N. Reflections on Language. N. Y., 1975.
107. Chomsky N. Essays in Form and Interpretation. N. Y., 1977.
108. Chomsky N. Language and Responsibility. N. Y., 1979.
109. Chomsky N. Rules and Representations. N. Y., 1980.
110. Church A. On Carnap's Analysis of Statements of Assertion and Belief. — Analysis, 1950, vol. 10.
111. Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.). Minneapolis, 1979.
112. Cresswell M. Logics and Languages. L., 1973.
113. Cresswell M., Hughes G. An Introduction to Modal Logic. L., 1973.
114. Cresswell M. Adverbs of Space and Time. — Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages (ed. F. Guenther et al.).
115. Curry H. Logical Aspects of Grammatical Structure. — Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, vol. XII.

116. *Davidson D.* Truth and Meaning.—Synthese, 1967, vol. 17.
117. *Davidson D.* Semantics for Natural Languages. — *Linguaggi nella società e nella tecnica* (ed. B. Visentini).
118. *Davidson D.* In Defense of Convention T. — Truth, Syntax and Modality (ed. H. Leblanc). Amsterdam, 1975.
119. *Davidson D.* The Method of Truth in Metaphysics. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).
120. *Davidson D.* Reality Without Reference. — Reference, Truth and Reality (ed. M. Platts). L., 1980.
121. *Donnellan K.* Reference and Definite Descriptions. — *Philosophical Review*, 1966, vol. 75.
122. *Donnellan K.* Proper Nouns and Identifying Descriptions.—Synthese, 1970, vol. 21.
123. *Donnellan K.* Speaker Reference, Descriptions and Anaphora. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).
124. *Dummett M.* Frege: Philosophy of Language. L., 1973.
125. *Dummett M.* Postscript. — Synthese, 1974, vol. 27.
126. *Dummett M.* What is a Theory of Meaning?—Mind and Language (ed. S. Guttenplan).
127. *Fales E.* Definite Descriptions as Designators. — Mind, 1976, vol. 85.
128. *Fillmore C.* On the Syntax of Preverbs. — *Glossa*, 1967, vol. 1.
129. *Fillmore C.* The Case for Case. — Universals in Linguistic Theory (ed. E. Bach, R. Harms). N. Y., 1968.
130. *Fodor J.* The Language of Thought. — Synthese, 1978, vol. 37.
131. Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages (ed. F. Guenther et al.). Dordrecht, 1979.
132. *Føllesdal D.* Meaning and Experience. — Mind and Language (ed. S. Guttenplan).
133. *Fraassen van B.* Formal Semantics and Logic. N. Y., 1971.
134. *Frege G.* Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege (ed. M. Black, P. Geach). Oxford, 1952.
135. *Frege G.* The Foundations of Arithmetics. Oxford, 1953.
136. *Frege G.* The Thought: A Logical Inquiry. — Mind, 1956, vol. 65.
137. *Frege G.* Compound Thoughts. — Mind, 1963, vol. 72.
138. Game-Theoretical Semantics (ed. E. Saarinen). Dordrecht, 1979.
139. *Geach P.* A Program for Syntax. — Synthese, 1970, vol. 22.
140. *Grice H.* Meaning. — *Philosophical Review*, 1957, vol. 66.

141. *Grice H.* Utterer's Meaning, Sentence Meaning and Word Meaning. — Foundations of Language, 1968, vol. 4.
142. *Grice H.* Utterer's Meaning and Intentions. — *Philosophical Review*, 1969, vol. 78.
143. *Greimas A.* Sémantique structurale. Paris, 1966.
144. *Greimas A.* Du sens. Paris, 1970.
145. *Greimas A.* Sémiotique et sciences sociales. Paris, 1976.
146. *Haack S.* Analyticity and Logical Truth in "The Roots of Reference".—Theoria, 1977, vol. 2.
147. *Haas W.* Rivalry among Deep Structures. — Language, 1973, vol. 49.
148. *Hansson B.* A Program for Pragmatics. — Logical Theory and Semantic Analysis (ed. S. Stenlund).
149. *Harman G.* Logical Form. — Foundations of Language, 1979, No 9.
150. *Harman G.* Deep Structure as Logical Form. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).
151. *Harman G.* Thought, Language and Communication. — Language, Mind and Knowledge (ed. K. Gunderson).
152. *Hintikka J.* Knowledge and Belief. N. Y., 1962.
153. *Hintikka J.* Models for Modalities. Dordrecht, 1969.
154. *Hintikka J.* Surface Information and Depth Information.—Information and Inference (ed. J. Hintikka, P. Suppes). Dordrecht, 1970.
155. *Hintikka J.* Knowledge by Acquaintance—Individuation by Acquaintance. — B. Russell: A Collection of Critical Essays (ed. D. Pears). N. Y., 1972.
156. *Hintikka J.* The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).
157. *Hintikka J.* Grammar and Logic: Some Borderline Problems. — Approaches to Natural Language (ed. J. Hintikka, P. Suppes).
158. *Hintikka J.* Logic, Language Games and Information. Oxford, 1973.
159. *Hintikka J.* On the Proper Treatment of Quantifiers in Montague Semantics. — Logical Theory and Semantic Analysis (ed. S. Stenlund).
160. *Hintikka J.* The Intentions of Intentionality and Other New Models for Modalities. Dordrecht, 1975.
161. *Hintikka J., Carlson L.* Conditionals, Generic Quantifiers and Other Applications of Subgames. — Meaning and Use (ed. A. Margalit). Dordrecht, 1979.
162. *Hintikka J.* The Semantics of Questions and the Questions

of Semantics: Case Studies in the Interrelation of Logic, Semantics and Syntax. — Acta Philosophica Fennica, 1976, vol. 28, No 4.

163. *Hintikka J.* Language Games. — Game-Theoretical Semantics (ed. E. Saarinen).

164. *Hintikka J.* Quantifiers in Logic and Quantifiers in Natural Languages. — Там же.

165. *Hintikka J.* Quantifiers in Natural Languages: Some Logical Problems. — Там же.

166. *Humboldt W.* v. Gesammelte Schriften. Berlin, 1903.

167. *Husserl E.* Logical Investigations. N. Y., 1970 (Logische Untersuchungen. Leipzig, 1900).

168. *Itkonen E.* The Use and Misuse of the Principle of Axiomatics in Linguistics. — Lingua, 1976, vol. 38.

169. *Jackendoff R.* Quantifiers in English. — Foundations of Language, 1968, vol. 4.

170. *Jackendoff R.* Semantic Interpretation and Generative Grammar. Cambridge (Mass.), 1972.

171. *Jakobson R.* Boas' View of Grammatical Meaning. — American Anthropologist, 1959.

172. *Kaplan D.* Quantifying. — Synthese, 1969, vol. 19.

173. *Kaplan D.* Dthat. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).

174. *Kaplan D.* On the Logic of Demonstratives. — Там же.

175. *Katz J.* Semantic Theory. N. Y., 1972.

176. *Katz J.* The Underlying Reality of Language and its Philosophical Import. N. Y., 1972.

177. *Katz J.* The Dilemma Between Orthodoxy and Identity. — Language in Focus (ed. A. Kasher). Dordrecht, 1976.

178. *Katz J.* Logic and Language: an Examination of Recent Criticisms of Intentionalism. — Language, Mind and Knowledge (ed. K. Gunderson).

179. *Katz J.* The Real Status of Semantic Representations. — Linguistic Inquiry, 1977, vol. 8, No 3.

180. *Katz J.* Propositional Structure and Illocutionary Force. N. Y., 1977.

181. *Katz J.* A Proper Theory of Names. — Philosophical Studies, 1977, vol. 31, No 1.

182. *Katz J.* The Theory of Semantic Representations. — Erkenntnis, 1978, vol. 13.

183. *Katz J.* The Neoclassical Theory of Reference. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).

184. *Katz J.* Chomsky on Meaning. — Language, 1980, vol. 56.

185. *Keenan E.* Two Kinds of Presuppositions in Natural Lan-

guage. — Studies in Linguistic Semantics (ed. C. Fillmore). N. Y., 1971.

186. *Kemeny J.* Semantics as Branch of Logic. — Encyclopedia Britannica, vol. 20, 1957.

187. *Kripke S.* Semantical Considerations on Modal Logics. — Acta Philosophica Fennica, 1963, vol. 16.

188. *Kripke S.* Naming and Necessity. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).

189. *Kripke S.* Discussions. — Synthese, 1974, vol. 27.

190. *Kripke S.* Speaker's Reference and Semantic Reference. — Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language (ed. P. French et al.).

191. *Kripke S.* Outline of a Theory of Truth. — Journal of Philosophy, 1975, vol. 72.

192. *Kutschera F.* Sprachphilosophie. München, 1971.

193. *Lakoff G.* Counterparts, or the Problem of Rerefence in Transformational Grammar. — Mathematical Linguistics and Automatic Translation, Report No NSF-24.

194. *Lakoff G.* The Role of Deduction in Grammar. — Там же.

195. *Lakoff G.* Presuppositions and Relative Grammaticality. — Там же.

196. *Lakoff G.* Linguistics and Natural Logic. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).

197. *Lakoff G.* On Generative Semantics. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).

198. *Lakoff G.* Pragmatics in Natural Logic. — Formal Semantics of Natural Language (ed. E. Keenan). Cambridge, 1975.

199. Language, Mind and Knowledge (ed. K. Gunderson). Minnesota, 1976.

200. *Lewis D.* Counterpart Theory and Quantified Modal Logic. — Journal of Philosophy, 1968, vol. 65.

201. *Lewis D.* General Semantics. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).

202. *Lewis D.* Counterfactuals. Oxford, 1973.

203. *Lewis D.* Attitudes De Dicto and De Re. — Philosophical Review, 1979, vol. 88.

204. Linguaggi nella società e nella tecnica (ed. B. Visentini). Milano, 1970.

205. *Linsky L.* Analytic-Synthetic and Semantic Theory. — Synthese, 1970, vol. 21.

206. *Linsky L.* Names and Descriptions. Chicago, 1977.

207. Logical Theory and Semantic Analysis (ed. S. Stenlund). Dordrecht, 1974.

208. *Lorenz K.* Elemente der Sprachkritik. Eine Alternative zum Dogmatismus und Skepticismus in der Analytischen Philosophie. Frankfurt, 1970.

209. *Margolis J.* The Stubborn Opacity of Belief Contexts. — Philosophical Review, 1976, vol. 85.

210. *Martin R.* On the Very Idea of the Logical Form. — Theoretical Linguistics, 1976, vol. 3.

211. *Mates B.* Synonymity. — Semantics and the Philosophy of Language (ed. L. Linsky). Urbana, 1952.

212. Mathematical Linguistics and Automatic Translation, Report No NSF-24. Cambridge (Mass.), 1970.

213. *McCawley J.* Where Do Noun Phrases Come From. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).

214. *McCawley J.* A Program for Logic. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).

215. *McCawley J.* The Role of Semantics in Grammar. — Universals in Linguistic Theory (ed. E. Bach, R. Harms). N. Y., 1968.

216. *Meinong A.* The Theory of Objects. — Realism and the Background of Phenomenology (ed. R. Chisholm). Glencoe, 1960.

217. *Mill J. S.* A System of Logis. — J. S. Mill's Philosophy of Scientific Method (ed. E. Nagel). N. Y., 1950.

218. Mind and Language (ed. S. Guttenplan). Oxford, 1975.

219. *Montague R.* That. — Philosophical Studies, 1959, vol. 10.

220. *Montague R.* Pragmatics.—Contemporary Philosophy (ed. R. Klibansky). Florence, 1968.

221. *Montague R.* English as a Formal Language. — Linguaggi nella società e nella tecnica (ed. B. Visentini).

222. *Montague R.* Pragmatics and Intensional Logic. — Synthese, 1970, vol. 22.

223. *Montague R.* Universal Grammar.—Theoria, 1970, vol. 36.

224. *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. — Approaches to Natural Language (ed. J. Hintikka, P. Suppes).

225. *Montague R.* Formal Philosophy: Selected Papers (ed. R. Thomason). New Haven, 1974.

226. *Mounin G.* Linguistique et philosophie. Paris, 1975.

227. *Parret H.* Discussing Language: 11 Dialogues. The Hague, 1974.

228. *Partee B. H.* Opacity, Coreference and Pronouns.—Synthese, 1970, vol. 21.

229. *Partee B. H.* The Semantics of Belief-Sentences. — Approaches to Natural Language (ed. J. Hintikka, P. Suppes).

230. *Partee B. H.* (ed.). Montague Grammar. N. Y., 1976.

231. *Pavilionis R.* On the Global Conception of Meaning. — Kalbotyra, 1974, vol. 26.

232. *Pavilionis R.* On the Proper Domain of Semantics. — Kalbotyra, 1976, vol. 27.

233. *Pavilionis R.* Kalba. Logika. Filosofija (Logic. Language. Philosophy). Vilnius, 1981.

234. *Pavilionis R.* Conceptual Systems, Belief and Knowledge.—On Belief. Epistemological and Semiotic Approaches (ed. H. Parret). Berlin/N. Y., 1983.

235. *Perry J.* Frege on Demonstratives.—Philosophical Review, 1977, vol. 86.

236. *Perry J.* The Problem of the Essential Indexical. — Noûs, 1979, vol. 13.

237. *Post E.* Recursively Enumerable Sets of Positive Integers and Their Decision Problem. — Bulletin of the American Mathematical Society, 1944, vol. 50.

238. *Postal P.* On the Surface Verb "Remind". — Foundations of Language, 1972, vol. 8.

239. Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, vol. XII, Providence, 1961.

240. *Putnam H.* Some Issues in the Theory of Grammar. — Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, vol. XII.

241. *Putnam H.* Is Semantics Possible?—Metaphilosophy, 1970, vol. 1.

242. *Putnam H.* The Meaning of "Meaning".—Language, Mind and Knowledge (ed. K. Gunderson).

243. *Putnam H.* Mind, Language and Reality. Cambridge, 1975.

244. *Quine W.* From a Logical Point of View. Cambridge (Mass.), 1953.

245. *Quine W.* Meaning and Translation. — On Translation (ed. R. Brower). Harvard, 1959.

246. *Quine W.* Methods of Logic. N. Y., 1959.

247. *Quine W.* Word and Object. N. Y., 1960.

248. *Quine W.* Logic as a Source of Syntactical Insight. — Proceedings in Applied Mathematics, vol. XII.

249. *Quine W.* Replies. — Synthese, 1968, vol. 19.

250. *Quine W.* Ontological Relativity and Other Essays. N. Y., 1969.

251. *Quine W.* Quantifiers and Propositional Attitudes. — The Ways of Paradox and Other Essays. N. Y., 1966.

252. *Quine W.* Philosophy of Logic. N. J., 1970.

253. *Quine W.* On the Reasons for Indeterminacy of Translation.—Journal of Philosophy, 1970, vol. 67.

254. *Quine W.* Methodological Reflections on Current Linguistic Theory. — Synthese, 1970, vol. 21.
255. *Quine W.* The Inscrutability of Reference. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).
256. *Quine W.* The Roots of Reference. La Salle, 1973.
257. *Quine W.* Discussions. — Synthese, 1974, vol. 27.
258. *Quine W.* The Nature of Natural Knowledge. — Mind and Language (ed. S. Guttenplan).
259. *Quine W.* Mind and Verbal Dispositions. — Там же.
260. *Quine W.* Worlds Away. — Journal of Philosophy, 1976, vol. 73.
261. *Quine W.* The Ways of Paradox. Cambridge (Mass.), 1976.
262. *Quine W.* Intentions Revisited. — Midwest Studies in Philosophy, 1977, vol. 11.
263. *Quinton A.* The Nature of Things. L., 1972.
264. *Rescher N.* Epistemic Modality: The Problem of a Logical Theory of Belief Statements. — Topics in Philosophical Logic. Dordrecht, 1968.
265. *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Oxford, 1980.
266. *Ross J.* On Declarative Sentences. — Readings in English Transformational Grammar (ed. R. Jakobs). Waltham (Mass.), 1970.
267. *Russell B.* On Denoting.—Logic and Knowledge (ed. R. Marsh). L., 1956.
268. *Russell B.* Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. — Mysticism and Logic. N. Y., 1957.
269. *Russell B.* Analysis of Mind. L., 1921.
270. *Russell B., Whitehead A.* Principia Mathematica. Cambridge, 1925, vol. 1.
271. *Russell B.* Descriptions. — Semantics and the Philosophy of Language (ed. L. Linsky). Urbana, 1952.
272. *Russell B.* Mr. Strawson on Referring. — Mind, 1957, vol. 66.
273. *Russell B.* Inquiry into Meaning and Truth. L., 1967.
274. *Ryle G.* Systematically Misleading Expressions. — The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method (ed. R. Rorty). Chicago, 1967.
275. *Saarinен E.* Continuity and Similarity in Cross-Identification. — Essays in Honour of J. Hintikka (ed. E. Saarinен et al.). Dordrecht, 1979.
276. *Saarinен E.* Backwards-Looking Operators in Tense Logic and in Natural Language. — Game-Theoretical Semantics (ed. E. Saarinен).
277. *Saarinен E.* Intentional Identity Interpreted: A Case Study

- of the Relations among Quantifiers, Pronouns and Propositional Attitudes. — Там же.
278. *Saarinен E.* Quantifier Phrases are (at least) Five Ways Ambiguous in Intensional Contexts. — Ambiguities in Intensional Contexts (ed. F. Heny). Dordrecht, 1980.
279. *Sapir E.* Language.—Selected Writings of E. Sapir (ed. D. Mandelbaum). Berkley, 1958.
280. *Searle J.* Speech Acts. L., 1970.
281. *Searle J.* The Problem of Proper Names. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).
282. *Searle J.* The Background of Meaning. — Speech Act Theory and Pragmatics (ed. J. Searle et al.). Dordrecht, 1980.
283. Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg). Cambridge (Mass.), 1971.
284. Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman). Dordrecht, 1972.
285. *Smith D.* The Case of Exploding Perception. — Synthese, 1979, vol. 41.
286. *Smith D.* Indexical Sense and Reference. — Synthese, 1981, vol. 46.
287. *Smullyan A.* Modality and Description. — Journal of Symbolic Logic, 1948, vol. 13.
288. *Stalnaker R.* Pragmatics. — Synthese, 1970, vol. 22.
289. *Stalnaker R.* Possible Worlds.—Nous, 1976, vol. 10.
290. *Stalnaker R.* Indexical Belief. — Synthese, 1981, vol. 49.
291. *Stenius E.* Mood and Language-Games. — Philosophical Logic (ed. J. Davis et al.). Dordrecht, 1969.
292. *Stenius E.* Beginning with Ordinary Things. — Words and Objections (ed. D. Davidson, J. Hintikka). Dordrecht, 1975.
293. *Strawson P.* On Referring.—Mind, 1950, vol. 59.
294. *Strawson P.* Introduction to Logical Theory. L., 1952.
295. *Strawson P.* Individuals. L., 1959.
296. *Strawson P.* Identifying Reference and Truth—Values. — Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology (ed. D. Steinberg).
297. *Strawson P.* Grammar and Philosophy. — Semantics of Natural Language (ed. D. Davidson, G. Harman).
298. *Strawson P.* Subject and Predicate in Logic and Grammar. L., 1974.
299. *Strawson P.* Entity and Identity.— Contemporary British Philosophy (ed. H. Lewis). L., 1976.
300. *Tarski A.* The Semantic Conception of Truth and the Foun-

dations of Semantics. — Journal of Philosophy and Phenomenological Research, 1944, vol. 4.

301. *Tarski A.* Logic, Semantics and Metamathematics. Oxford, 1956.

302. *Thomason R.* Philosophy and Formal Semantics. — Truth, Syntax and Modality (ed. H. Leblanc). Amsterdam, 1975.

303. *Tugendhat E.* Vorlesungen zur Einführung in die sprachanalytische Philosophie. Frankfurt am Main, 1976.

304. *Whorf B.* Language, Thought and Reality: Selected Writings. N. Y., 1959.

305. *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus. L., 1922.

306. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Oxford, 1953.

307. *Wittgenstein L.* The Blue and Brown Books. Oxford, 1958.

308. *Ziff P.* About Ungrammaticalness. — Mind, 1964, vol. 73.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Анафорическое употребление — употребление местоимения вместо предшествующего ему сингулярного термина или некоторого множества указательно используемых языковых выражений.

Биусловное предложение — предложение, построенное из предложений, соединенных связкой «если и только если».

Верификация — установление истинностного значения.

Возможный мир — в логическом плане мир, альтернативный действительному.

Глубинная структура языковых выражений — абстрактная, недоступная наблюдению структура, на основе которой определяются логические, семантические отношения этих выражений.

De re/de dicto — различие между указанием, когда имеется в виду определенный (действительный и соответствующий используемому сингулярному термину) объект и когда известно только некоторое описание объекта.

Дескриптивные термины — сингулярные термины и предикаты.

Дескриптивный смысл — смысл, выражающий различные индивидуальные формы восприятия (понимания) объектов.

Доказательное отношение альтернативности — отношение, связывающее данный возможный мир с другими возможными мирами, которые совместимы с тем, что думает индивид в данном мире.

Иллокуционная роль или акт — употребление языкового выражения в одной из коммуникативных функций: для утверждения, вопроса, приказа, обещания и др., т. е. для осуществления определенного речевого акта.

Имплицитный — скрытый, неявный, невыраженный, подразумеваемый.

Индексал, или индексный элемент — языковое выражение («я», «здесь», «теперь» и т. п.), установление экстенсии которого требует учета контекста его употребления.

Индексальный смысл, или смысл индексала — постоянный, фиксированный смысл, соотносимый с определенными языковыми выражениями, прежде всего индексалами.

Индивидуальный концепт — смысл сингулярного термина.

Интенсия — смысл.

Интенциональный — смысловой, относящийся к смыслу, учитывающий последний, направленный на его анализ.

Интенциональный контекст — контекст, в котором замена одного языкового выражения на другое требует учета их смысла.

Интенциональность — направленность мысли не только на существующие, но и несуществующие объекты.

Инференциальные отношения — отношения вывода.

Истинностная функция — функция, аргументы и значения которой являются истинностными значениями.

Концепт — в интерпретативной теории содержательно понимаемый семантический маркер, «объективный» смысл; в нашем

понимании: часть концептуальной системы — то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира.

Концептуальная система — непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире.

Кореференция — соуказание; указание, осуществляемое посредством более одного сингулярного термина на один и тот же объект.

Логическая форма, структура — форма, структура, на основе которой определяются логические, семантические отношения языковых выражений.

Локуционная роль или акт — произнесение языкового выражения.

Маркеры, синтаксические и семантические — элементарные, базисные теоретические единицы, из которых строятся их более сложные аналоги и в терминах которых выражаются синтаксические и семантические свойства и отношения языковых выражений.

Определенная дескрипция — языковое выражение, используемое для указания на объект посредством его описания, т. е. формулирования условий, которым этот объект должен удовлетворять.

Парадигма употребления языкового выражения — типичный способ его употребления.

Перлокуционная роль или акт — употребление языкового выражения с целью определенного воздействия на партнера коммуникации.

Поверхностная структура языковых выражений — структура, непосредственно относящаяся к доступным наблюдению языковым формам.

Предикат — языковое выражение, используемое для характеристики объектов, для обозначения их свойств и отношений.

Пресуппозиция — предпосылка о наличии определенной ситуации в мире (например, наличия в нем определенных объектов) как условия истинности или ложности предложения.

Прагматика — раздел семиотики, рассматривающий отношения знаков и употребляющих их индивидов; теория употребления языка; совокупность факторов, определяющих использование языка его носителями.

Постулаты смысла — утверждения о наличии определенных смысловых связей между языковыми выражениями.

Пропозиция — смысл предложения.

Пропозициональная прозрачность — раскрытость мыслительного содержания, представленного посредством определенной пропозиции.

Пропозициональная установка — установка, выражающая мнение, знание, сомнение и т. п. носителя языка посредством определенных пропозиций.

Разрешающая процедура — процедура, позволяющая за конечное число действий установить применимость определенного предиката к определенным объектам, например предиката «правильно построенное» к языковому выражению.

Рекурсивное множество — множество, вопрос о принадлежности (соответственно непринадлежности) к которому решается с помощью определенной процедуры за конечное число действий.

Рекурсивное определение — определение, позволяющее на основе конечного множества исходных элементов путем применения конечного числа операций построить бесконечно много новых эле-

ментов; способ спецификации предиката с бесконечной экстенсией.

Рекурсивное порождение — произведение бесконечного множества элементов из конечного множества исходных элементов путем применения к ним конечного множества правил.

Рекурсивность — свойство построения объектов, заключающееся в использовании предшествующих результатов (шагов, этапов) для конструирования объектов.

Релевантный — значимый, имеющий определенное отношение к чему-то.

Референт — объект, на который указывается посредством сингулярных терминов.

Референтный — рассматривающий отношение указания между языковыми выражениями и объектами мира.

Референция — указание.

Референциальная прозрачность — возможность замены сингулярного термина на кореферентный ему термин, предполагающая сохранение истинного значения содержащего их предложения.

Референциальное/атрибутивное — различие между указанием, когда имеется в виду определенный (не обязательно действительный) и соответствующий используемому сингулярному термину) объект и когда известно только некоторое его описание.

Семантика — раздел семиотики, рассматривающий отношения знаков к обозначаемым ими объектам; теория смысла языковых выражений; совокупность смысловых объектов, характеризующихся определенными свойствами и отношениями.

«Семантика языка» — совокупность семантических объектов, приписываемых выражениям языка («объективных», «языковых» смыслов) и образующих определенные структуры; в референтном плане «семантика языка» выражается в постулировании некоторой единой, абсолютной совокупности объектов мира, фиксируемых в языке.

Семантическая репрезентация — смысловое представление языкового выражения.

Семиотика — наука о знаках и знаковых системах.

Синтаксис — раздел семиотики, рассматривающий отношения между знаками; совокупность отношений между знаками.

Т-конвенция — рассмотрение (построение) Т-предложения для каждого предложения языка.

Т-предложение — биусловное предложение, содержащее предикат истинности (Т) и получаемое из схемы «*s* является истинным, если и только если *p*», где *s* — описание некоторого предложения, «*p*» — само предложение.

Сингулярные термины — термины, используемые для указания только на один объект. К ним относятся собственные имена и определенные дескрипции.

Экспликация — теоретическое выяснение, объяснение; замена интуитивного, недостаточно определенного понятия новым, более точным.

Эксплицитный — открытый, явный, выраженный.

Экстенсия — объем языкового выражения, множество указываемых или обозначаемых им объектов мира.

Экстенциональный (истинностно-функциональный) — учитывающий объем языкового выражения, в случае предложений — их истинностное значение.

Экстенциональный контекст — контекст, в котором замена одно-

то языкового выражения на другое, имеющее тот же объем, не влечет изменения истинностного значения содержащего их предложения.

Экстралингвистический — внеязыковый, выходящий за «систему языка», относящийся к физическим, социальным, концептуальным условиям употребления языка, к «знанию мира».

SUMMARY

The author presents an analysis of the problem of meaning, taking into account both classical and, predominantly, contemporary semantic conceptions developed on the intersection of modern analytic philosophy, logic and linguistics. Appreciating some important results and insights gained in Western logico-philosophical, formal investigations of natural language (NL), the author puts forward the thesis, that the goal of constructing the adequate theory of meaning, i. e. one that would explicate NL speaker's ability to understand NL and to use it meaningfully in communication, is unattainable unless there is a fundamental revision of the very understanding of the nature of NL and the role it plays in cognition and communication.

This revision consists, first, in detaching the above mentioned goal from one of giving a theory of the logical form of NL expressions as a theory of the "semantics of NL" on whatever theoretical basis — intensionalist, referential, including approaches developed within the framework of possible world semantics, — it might be constructed. Second, it requires that analysis of meaning be conducted in terms of what the author calls "conceptual systems" of NL speakers. It is to the theoretical presentation of the idea of conceptual systems (CS) and to disclosing its role in explicating man's ability to understand not only NL but the world in general that the bulk of the book is given.

Under CS are understood systems of true or false information reflecting *epistemic*—nonverbal and verbal, individual and social — experience of a NL speaker and relating to some actual or possible state of affairs (world). Building up a CS is characterized by such parameters: a) the continuity principle according to which concepts of CS serve as basis for constructing new concepts (conceptual structures) in CS; b) CS begin to be formed before NL is acquired. NL itself can be introduced but on the basis of some CS. However, because of its coding and manipulating concepts of CS, or syntactic, function NL is a means, a principal one, of forming new concepts and their structures in CS thus making it possible to transgress limits of the actual experience and to further, unprecedentedly, extend CS itself. Introduction of a verbal symbolism is at the same time a necessary condition of *social* communication, social orientation of individual CS.

Hence understanding a linguistic expression is considered as its interpretation in a definite CS. The latter are looked upon as consisting of concepts (information) *held true* by an individual and concepts *known to be true*, making up respectively *systems of belief* and *knowledge*, reflecting epistemic experience of an individual on the level of everyday, quasiscientific, scientific, metaphysical etc. conceptions of the world. Regarding such concepts as ingredients of particular CS and thus relativizing analysis of meaning to the analysis of information contained in CS determines the way problems of meaning (including those of reference, criteria of meaningfulness, of belief and knowledge) are analysed in the book.

These problems are no longer considered in terms of the "semantics of NL" which is then taken for an abstraction from particular CS, no longer keeping to the absolutism of the traditional dichotomies of semantics and pragmatics, "semantical" vs. "pragmatical" information but fixing a new ground for systematically bringing together these theoretical and methodological polarities. It is because of CS that the notion of the context of use of a linguistic expression receives a substantial extension. NL speakers are considered as *conceptually* competent subjects interpreting linguistic expressions as well as situations of their use (and taking into account other subjects as partners of communication and owners of particular CS) on the basis of information contained in their own CS, these being more or less close one to another and to the objective world they reflect. Consequently, constructing a theory of meaning is held really constructive in so far as it leads to disclosing principles of organization and functioning of conceptual systems.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора книги	3
Введение	8
Глава I. Методологические, исторические и теоретические предпосылки анализа естественного языка	15
1. Методология и логика исследования языка	—
2. Лингвистика и формальный анализ языка	31
Глава II. Статус смысла в семантических концепциях естественного языка	37
1. Интерпретативная концепция семантики, или «алгебра смысла»	—
2. Смысл и истина: семантика возможных миров и естественный язык	48
3. Смысл как функция: семантические концепции Д. Льюиса, Р. Монтегю, М. Крессвелла	65
4. Генеративная концепция семантики: «естественная логика» как теория человеческого рассуждения	87
5. Семантическая концепция У. Куайна: неопределенность перевода	91
6. Смысл как часть концептуальной системы	100
Глава III. Язык и мир: проблема указания объектов	121
1. Имена и дескрипции: логическая традиция и естественный язык	—
2. Семантика имени: критика классической традиции анализа	134
3. Абсолютизация и деабсолютизация «семантики языка» в каузальной концепции имен С. Крипке	137
4. Кореференция: выход в универсум действительных и возможных объектов	151
5. Кореференция и семантика возможных миров Я. Хинтикки	154
6. Семантика сингулярных терминов и индивидуальная концептуальная система	166
Глава IV. Осмысленность языковых выражений: проблема критериев	190
1. Лингвистические и логические исчисления: границы их аналогии	—
2. Осмысленность и семантика языка	194
3. Постулаты смысла и плюрализм логических форм	198
4. Осмысленность как интерпретация в индивидуальной концептуальной системе	205

Глава V. Концептуальные картины мира: мнение и знание	211
1. Объект мнения и проблема его выделения	—
2. Интенциональные объекты и квантификация	215
3. Синонимия и аналитичность: экстраполяция понятия логической формы	218
4. Логическая форма предложений мнения: генератив- ный и референтный анализ	223
5. Контекст мнения и релятивизация интенциональных понятий	230
6. Мнение и индивидуальная концептуальная система	238
Заключение	261
Библиография	265
Аннотированный указатель специальных терминов	279
Summary	283

Павленко Р. И.

П 12 Проблема смысла: современный логико-философ-
ский анализ языка. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
В пер.: 1 р. 50 к.

В книге критически анализируются основные концепции смыс-
ла, возникшие на стыке современной буржуазной аналитической
философии, логики и лингвистики, рассматривается вопрос, спо-
собствуют ли эти концепции решению фундаментальных проблем
философского анализа языка: отношения мысли, языка и дейст-
вительности, роли и места языка в познании и понимании мира,
в построении концептуальной картины мира.

В противовес им формулируется понимание смысла, направ-
ленное против абсолютизации функций языка в познании и об-
щении и ориентированное на выявление роли языковых и неязы-
ковых факторов в концептуальном освоении мира.

П 0302020100-053 22-83
004(01)-83

ББК 81
4

РОЛАНДАС ИОНОВИЧ ПАВИЛЕНИС

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Заведующая редакцией В. Е. ВИКТОРОВА

Редактор И. Л. ЩЕРБИНА

Младший редактор Е. С. ДЫХ

Оформление художника В. В. СУРИКОВА

Художественный редактор А. Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

Технический редактор Н. Ф. КУБРАКОВА

Корректор Ч. А. СКРУЛЬ

ИБ № 2246

Сдано в набор 16.11.82. Подписано в печать 18.03.83. А 10868. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Обычн. новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,25. Усл. кр.-отт. 15,12. Тираж 10 000 экз. Заказ 679. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105. Москва, Нагатинская, 1.